

Has been issued since 1870.
ISSN 2313-402X, E-ISSN 2409-2118
2015. Vol.(13). Is. 1. Issued 4 times a year

EDITORIAL STAFF

Dr. Khlynina Tatiana – Institute of Socio-Economic and Humanities Research Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation (Editor-in-Chief)

PhD Natolochnaya Olga – International Network Center for Fundamental and Applied Research, Sochi, Russian Federation

PhD Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Sochi, Russian Federation

PhD Degtyarev Sergey – Sumy State University, Sumy, Ukraine

Vlaskina Nina – Institute of Socio-Economic and Humanities Research Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Dr. Bäckman Johan – University of Helsinki, Helsinki, Finland

Dr. Dzhandzhugazova Elena – Russian State University of Tourism and Service, Moscow, Russian Federation

Dr. Menjkovsky Vaycheslav – University of Belarussian State, Minsk, Belarus

Journal is indexed by: **Cross Ref** (USA), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (USA), **Electronic scientific library** (Russia), **Global Impact Factor** (Australia), **Google scholar** (USA), **Directory of Open Access Journals** (Sweden), **Index Copernicus** (Poland), **Open Academic Journals Index** (Russia), **ULRICH's WEB** (USA).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitucii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://ejournal15.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 16.03.15.

Format 21 × 29,7/4.

Enamel-paper. Print screen.

Headset Georgia.

Ych. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Circulation 500 copies. Order № 13.

Издается с 1870 г. ISSN 2313-402X, E-ISSN 2409-2118
2015. № 1 (13). Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Хлынина Татьяна – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация (Гл. редактор)

Власкина Нина – Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Натолочная Ольга – Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Сочи, Российская Федерация

Иванцов Владимир – Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Дегтярев Сергей – Сумский государственный университет, Сумы, Украина

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бекман Йохан – Университет г. Хельсинки, Хельсинки, Финляндия

Джанджугазова Елена – Российский государственный университет туризма и сервиса, Москва, Российская Федерация

Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Журнал индексируется в: **Cross Ref** (США), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (США), **Electronic scientific library** (Россия), **Global Impact Factor** (Австралия), **Google scholar** (США), **Directory of Open Access Journals** (Швеция), **Index Copernicus** (Польша), **Open Academic Journals Index** (Россия), **ULRICH's WEB** (США).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6

Сайт журнала: <http://ejournal15.com/>

E-mail: sochio03@rambler.ru

Подписано в печать 16.03.15.

Формат 21 × 29,7/4.

Бумага офсетная.

Печать трафаретная.

Гарнитура Georgia.

Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.

Тираж 500 экз. Заказ № 13.

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом "Исследователь"» -
Academic Publishing House *Researcher*

CONTENTS

Column by chief editor	4
------------------------------	---

Relevant topic

From the History of Interaction of Provisional Siberian Government and Alash-Orda Dina A. Amanzholova	5
--	---

Articles and Statements

Kazakomanstvo. Don case (the 1860 th). Part I Alexey A. Volvenko	19
The Soviet Offensive on the Mius-front in February–March 1943 Maxim V. Medvedev	38
Mugan Region in 1918–1919 Olga M. Morozova	46

Casus: the History of Russia in the Small Peas

Professors of Higher Schools of Southern Russia «About Time and Themselves» (the Beginning of the 1920s) Anna N. Ereemeeva	62
--	----

Reviews and Surveys

Khlynina, T.P. and Krinko, E.F. (2014). History, Policy and Nation Building in the Northern Caucasus. Roston-on-Don. SSC RAS Publishers. 434 p. Yuriy Yu. Klichnikov	70
--	----

Column by chief editor

Колонка главного редактора

Уважаемые читатели!

В новом 2015 г. наш журнал будет выходить в том же формате, что и последний номер 2014 г. В планах редакции – дальнейшее расширение рассматриваемых сюжетов и географии приглашаемых авторов. Этот номер представляют исследователи из Москвы, Краснодара, Пятигорска, Таганрога и Ростова-на-Дону. На первый взгляд, географическое разнообразие в эпоху глобального универсализма не имеет сколько-нибудь существенного значения в понимании логики и характерных особенностей современных практик освоения прошлого. Между тем, именно стоящее за каждым из нас «место» определяет не только тематические привязанности, но и особые отношения с «миром давно ушедших теней». Эти особенности находят не всегда уловимое отражение в манере авторского повествования, выбираемой системе аргументации и работе с источниками, придавая, тем самым, нынешнему историописанию некую индивидуальную интригу.

Не думаю, что есть необходимость представлять читателю каждую из публикуемых на страницах журнала статью. Между тем, хотелось бы обратить его внимание на содержательную динамику представленных сюжетов, охватывающих собою «донское казачество» второй половины XIX в., политические перипетии революционных потрясений 1917–1920-х гг. и их восприятие творческой интеллигенцией юга России, сражения на Миус-фронте в 1942–1943 гг.

Полученный в итоге «тематический винегрет» позволит читателю в полной мере оценить палитру современных изысканий в области прошлого и представить степень ее разнообразия.

Т.П. Хлынина

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 13, Is. 1, pp. 5-18, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.13.5
www.ejournal15.com

Relevant topic

UDC 94(571+574)

From the History of Interaction of Provisional Siberian Government and Alash-Orda

Dina A. Amanzholova

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
19, Dmitriya Ulyanova st., Moscow, 17036
Dr. (History), Professor, Senior Fellow
E-mail: amanzholova19@mail.ru

Abstract

The paper highlights the main trends and analyzes the problems of interaction autonomist forces – Siberian oblastnichestvo and the Kazakh Alash movement - during their political organization and confrontation of participants of the Civil War in large neighboring regions. This allows to identify some of the important aspects of testing different projects federalization of Russia in the transition from the imperial to Soviet state.

Keywords: autonomism; Provisional Siberian government; Alash-Orda; revolution; civil war; regionalism; the national question.

Введение

Исследование этого вопроса предполагает определенное «освобождение» от распространенного анализа проблем истории регионализма и автономизма начала прошлого века на основе взаимоотношений по вертикали: центр – регион, центральная власть – региональные акторы. В данном случае внимание сосредоточено на горизонтальном векторе отношений местных политических сил двух крупных регионов Российской империи в период ее распада и рождения советской государственности. На практике такие отношения были стимулированы центром власти, но в то же время оставались относительно независимыми от его политики, которая, конечно, формировала общий контекст взаимодействия сибирских и казахских автономистов. Система административно-территориального управления, образовательных и культурных учреждений способствовала росту межкультурных коммуникаций в многонациональном евразийском регионе. Многонациональный характер и огромность территории Российской империи порождали идеи федерализма и попытки ее реализации (децентрализация управления, широкое развитие местных нормативных и культурных институтов и др.), не предполагавшие сепаратизм. С дореволюционных времен и в 1917–1919 гг. сохранялась тесная связь казахских интеллектуалов с сибирскими областниками, обусловленная объективными причинами, политическим прагматизмом названных сил и динамикой внутренней эволюции каждой [1].

В истории взаимодействия сибирских и казахских автономистов можно выделить следующие этапы: 1) с начала XX века до 1917 г.; 2) революция 1917 г.; 3) во время Гражданской войны (1918 г.). Каждый этап отличается содержанием, формами и характером взаимодействия региональных движений. К тому же центр на каждом этапе менял местоположение, качество и степень влияния на оба движения, более того, оба на определенном этапе выступали с претензиями на роль регионального интегратора других сил.

На 1-м этапе преобладало интеллектуальное, научное сотрудничество, происходила кристаллизация основных идей программы областников и под их влиянием – казахских автономистов. Институционально оба движения практически не пересекались, если не считать научные структуры, в т.ч. поскольку пока не имели собственных организаций. При этом огромную роль сыграли межличностные контакты активистов и лидеров движений – в науке (этнография, история, экономика, социология) и журналистике, общественно-политической практике и дружеском общении. Оба движения выступали за введение земства на территории двух регионов, и Временное правительство в июне 1917 г. приняло решение о введении земства в Сибири и Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Тургайской и Уральской областях. Сближало оба движения и то, что они противопоставляли свои программы политике центра, добиваясь, прежде всего, легальными средствами демократизации управления и социального прогресса. На этом этапе оба движения воспринимали друг друга как единомышленников, были солидарны в принципиальных вопросах.

Обсуждение и результаты

В 1917 г., когда начался 2-й этап взаимодействия, их проекты стали приобретать больше отличий. Распад империи стимулировал появление разных вариантов региональной консолидации с отличиями в отношении к переустройству центра власти и внутренней самоорганизации. Оба по-прежнему отстаивали федерализацию России, но в каждом регионе начались бурные организационно-политические процессы. Хотя до конца 1917 г. казахские автономисты не спешили отрываться от сибирских коллег, предпочитая участвовать в съездах областников и входить в состав создаваемых региональных структур, в то же время параллельно шло создание национальной партии Алаш. В Сибири и Казахстане все более четкие организационно-политические контуры приобретают собственные центры, претендующие на местную власть и на новый характер отношений с будущей общероссийской властью [2].

Сибиряки, входившие в местные «областные союзы» и представлявшие в основном партию эсеров, сосредоточились на создании территориального самоуправления (областной думы как органа власти автономии и местных органов власти). В августе 1917 г. сибирская конференция общественных организаций в Томске приняла решение об автономном устройстве региона, а в октябре там же на 1-м Сибирском съезде был избран облсовет.

В июле 1917 г. 1-й всеказахский съезд высказался за демократическую республику в форме федерации с «областной территориально-национальной автономией» казахов [3]. Несмотря на отсутствие программы партии, уже летом повсеместно действовали казахские комитеты, ставшие и органами местного самоуправления, и партийными структурами. В качестве первых они вступали в коалиции с другими местными органами власти – как созданными инициативно весной, так и затем Временным правительством, в т.ч. в Омске. Вплоть до конца 1917 г. и те, и другие не решались объявить об автономии и размежеваться. Областники и лидеры Алаш допускали сочетание территориального и национального подходов к федерализации России и самой Сибири, предусматривая включение казахских земель в состав последней. Это показывают решения сибирского областного съезда 8–16 октября 1917 г. в Томске, где участвовали и 10 казахов (в т.ч. члены Алаш А.Н. Букейханов, А.А. Ермаков, Х.А. Габбасов, Р.М. Марсеков, С.Д. Дощанов, Е.И. Итбаев, А.Д. Сеитов), а также двух всеказахских съездов июля и декабря 1917 г.

9 октября выступил Ермаков: «В Сибири не было связи народов, каждая национальность жила своей жизнью, общие интересы не выявлялись, теперь же, когда мы призваны сами устраивать свою жизнь, должен быть конгломерат всех народностей, чтобы Сибирь мощно и сильно заговорила о своих нуждах на языке всех народов». Сторонники

автономии разбились на автономистов и федералистов, на признающих Сибирь в качестве единого региона и выступающих за его деление на несколько областей. Букейханов заявил: «Самоопределение мы хотим получить вместе с Сибирью». При этом он выступал за территориальную консолидацию казахских земель внутри сибирской автономии на основе их хозяйственной специфики. 14 октября в ходе обсуждения доклада экономической секции он предложил при создании трех районов в Сибири выделить в отдельный подрайон Тургайскую и Акмолинскую области и вообще всю степную часть Сибири. В дискуссии по поводу федерализма и автономизма он также высказался за межэтническую интеграцию в Сибири вне партийных ограничений: «Я смотрю на наши дебаты, как на дебаты вообще народов Сибири, и это дело не партийное, и мы должны стараться всех талантливых сибиряков собрать около этого дела».

16 октября делегаты приняли постановление «Областное устройство Сибири». Признавая единство Российской республики, документ требовал для ее частей «автономии национальной или территориальной». Интересы казахов были учтены. Съезд в соответствии с известными установками сибирских областников на национально-культурную автономию высказался за образование «экстерриториальных персонально-автономных союзов в составе Сибирской автономии, куда должна была войти территория на восток от Урала с включением всего Киргизского края при свободном волеизъявлении населяющего эти пределы населения». Сибирь имеет все права на автономию, и в пределах полномочий, определенных «центральным парламентом», вся полнота власти в регионе должна принадлежать Сибирской областной думе, «избранной на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права с соблюдением начал пропорционального представительства». Показательно, что в программе партии Алаш также говорилось о пропорциональном национальном представительстве в местном самоуправлении (земствах).

Как автономная единица Сибирь «имеет право передать часть принадлежащих ей законодательных полномочий отдельным областям и национальностям, занимающим отдельную территорию, если последние этого потребуют, превращаясь, таким образом, в федерацию, т.е. союз областей и национальностей». Нормативный акт сочетал национальный и территориальный подходы к федерализму, гарантировал национальным меньшинствам сохранение этнической самобытности в районах смешанного проживания и экстерриториалам. Предусматривалось дальнейшее совершенствование национально-государственных структур внутри региона путем постепенной трансформации их «в союз областей и национальностей».

Букейханов как наиболее опытный из алашевцев и их бесспорный лидер был осторожен в конкретных действиях и в отношениях с областниками предпочитал постепенные шаги от единства к выделению. Выступая в ноябре в Семипалатинске в связи с избирательной кампанией в Учредительное собрание, он подчеркнул, что в России проживают народы, говорящие на 105 языках. В этой ситуации не может быть одного закона, удовлетворяющего все народы: «Такой закон может издать для себя каждый отдельный народ только сам». Поэтому казахские депутаты должны отстаивать в Учредительном собрании идею автономии. Автономии могут основываться либо на единстве крови, либо территории, либо хозяйства. По его мнению, необходимо взять за основу «общность территории», а потому «казахам выгодно вхождение в Сибирскую автономию». Букейханов не отказывался от автономии как цели, но не считал возможным спешить с «отдельной казахской автономией» из-за недостатка управленческих кадров. А когда «достаточно подготовимся к управлению, тогда и будем требовать от Сибири автономию, задержки не будет», – подчеркивал он и ссылался на решения томского съезда, – «на Сибирском съезде это включено в программу». В Сибирской Думе казахи, отмечал он, вместе с другими народами, якутами, бурятами займут достойное место (Ермеков вошел в состав Сибирской областной думы правительства Западной Сибири, представляя интересы малых народов) [4].

Буквально в те же дни один из основоположников областничества Г.Н. Потанин, включенный летом 1917 г. в список кандидатов в члены Учредительного собрания алашевцами от Семипалатинской области, писал: «...киргизская программа исчерпывается вопросом о самоопределении». Он верно подметил реализм вождей киргизского народа, которые не решались на образование автономии. Вопрос об автономии, по его мнению, мог стать главным лишь после того, как «новые порядки в киргизском народе наладятся, ...

а киргизская интеллигенция достаточно увеличится». Этим объяснялось ее стремление войти в состав Сибирской автономии, как подготовительный этап на пути к государственности, преодолению культурной и политической отсталости народа. Оптимальной формой государственного устройства для них выступала не «родственная автономия, а автономия, привязанная к земле», обеспечивающая мирное сожительство разных народов. В ноябре он писал: «Казахское движение ничего не заключает в себе опасного для государства. Это здоровое национальное движение. Государству никакой опасности не предвидится в том, что казахи, в пределах своего народа, займутся развитием своих творческих сил» [5].

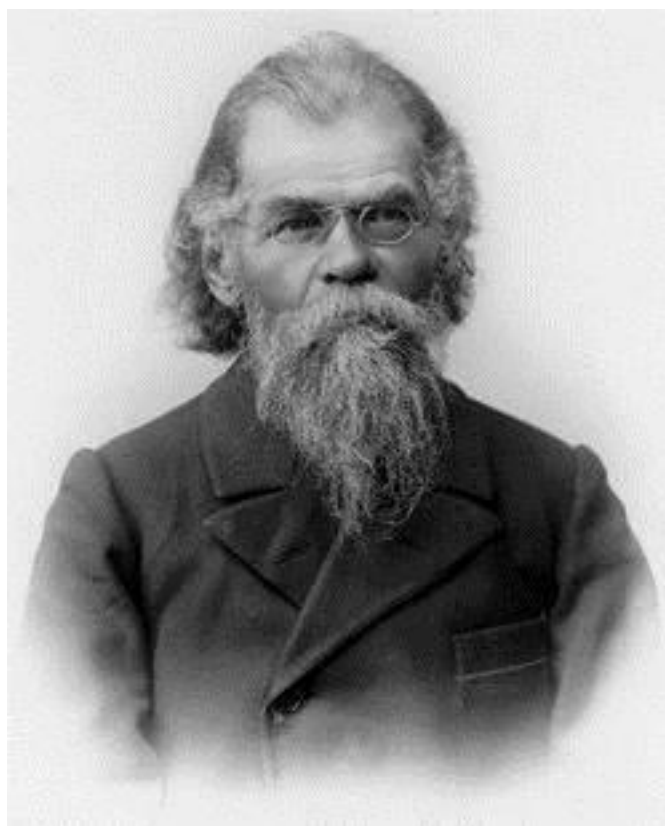

Рис. 1. Г.Н. Потанин (1835–1920)

Проект программы партии Алаш, опубликованный через неделю 21 ноября 1917 г., указывал: Россия должна быть демократической федеративной республикой с президентской формой правления и всеобщим избирательным правом, законодательная власть принадлежать Думе. «Автономия киргиз... входит в Российскую Федерацию наравне с другими народностями, ... существует равноправие, неприкосновенность личности и свобода слова, печати и союзов». «В первое время Казахская автономия может составить единое образование вместе с другими заинтересованными в этом народами, а если нет, то с самого начала может стать самостоятельной единицей». На 2-м всеказахском съезде Букейханов «горячо доказывал, что при современных условиях социальной жизни и состояния культуры и просвещения среди киргиз обособиться им политически и взять самостоятельный курс чисто автономного управления было бы нецелесообразно и неблагоприятно». При этом газета «Казах» вскоре указывала, «что является основой государственности»: «1) наличие отдельной территории, 2) наличие на ней населения, 3) власть, управляющая страной» [6]. Позже газета отмечала, что главной причиной отказа сразу провозгласить автономию была неопределенность ситуации в крае и положения в соседних регионах, что также подтверждает осмотрительность и реалистичность позиции националов.

Итак, на 2-м этапе взаимодействие двух автономистских сил развивалось в рамках выработки принципов федерализации России и определения своего места в будущем государстве. Областники, предпочитая национально-культурную автономию, все же шли

навстречу казахским лидерам при условии свободного самоопределения народа. Лидеры Алаш учитывали слабость политического и кадрового потенциала своего движения, сложность общей ситуации в стране и регионе, что подвигло их на временное пребывание в составе Сибирской автономии с прицелом на последующее выделение и вхождение как самостоятельного субъекта в состав Российской Федерации. Они не сомневались в демократическом характере полиэтничной Сибирской автономии и ее руководства, рассчитывая на возможность свободного «выхода» из нее. Таким образом, два соседних центра автономизма нашли компромисс и не конкурировали, рассчитывая на возможность демократического переустройства всей России и предполагая разные варианты собственных взаимоотношений.

С декабря 1917 и начала 1918 гг., когда соответственно создаются правительства автономий – Алаш-Орда и Временное Сибирское правительство, начинается 3-й этап взаимодействия – на новом уровне – правительственном и его местных органов. Потанин уже ушел в отставку с поста председателя Сибирского облсовета, да и в целом персональный состав сибирской власти изменился [7].

В этот период вполне отчетливо выделились основные направления взаимодействия двух сторон: 1) по поводу взаимного признания, приоритета распоряжений каждого правительства, их равноправия или соподчиненности; 2) по вопросам полномочий и предметов ведения местных структур обеих правительств; 3) по проблемам организации воинских подразделений и их подчиненности. По каждому из этих направлений взаимодействие было достаточно напряженным. Это объясняется совокупностью факторов, среди которых, конечно, общая военно-политическая ситуация, которая динамично развивалась, влияние и давление других политических сил (Комуч, Башкирская и Туркестанская автономии, казачьи правительства, прежде всего, Оренбургское), объективные трудности коммуникаций, внутренние проблемы. В нормативном плане обе силы опирались на собственные приоритеты: с 4 июля по 3 ноября 1918 г. действовала «Декларация о государственной самостоятельности Сибири». Алаш-Орда, созданная в декабре 1917 г., просуществовала до начала 1920 г., несмотря на решение Уфимского совещания сентября 1918 г. о роспуске всех областных правительств, имея на местах свои структуры.

Однако территориальные разломы Казахстана (запад, северо-восток с центром и юг) мешали единству действий, к тому же на западе до сентября 1918 г. существовал самопровозглашенный Уильский оляят, глава которого Ж. Досмухамедов даже провозгласил себя ханом. Серьезных организационно-политических ресурсов у алашординцев было немного, военного значения они также не имели. Поэтому вполне закономерно рассчитывали на союз с более сильными соседями, ориентированными на федерацию. Еще в январе 1918 г. алашординцы не предпринимали попыток перейти от декларации к делу. Сыр-Дарьинский казахский съезд высказался за оставление области в составе Туркестанской (Кокандской) автономии, возглавляемой представителем Алаш М. Тынышпаевым и другим видным казахским деятелем М. Чокаевым. Тогда же Семипалатинский обком Алаш совместно с земством и советом крестьянских депутатов признали Временное Сибирское правительство до провозглашения казахской автономии, хотя вскоре установление советской власти изменило ситуацию в крае [8].

В.И. Шишкин считает, что летом 1918 г. оба правительства, имея областной масштаб, для решения своих задач проявили взаимный интерес, особенно потому что в январе большевики разогнали Сибирскую областную думу и «отказались принять условия Алаш-Орды» [9]. Это не вполне верно: алашординцы добились компромисса на переговорах с В.И. Лениным и И.В. Сталиным весной 1918 г., и их сотрудничество было прервано летним антисоветским переворотом на юге Западной Сибири и на севере Казахстана, в т.ч. в Уральской и Семипалатинской областях, где алашординцы проявили себя наиболее организованно. На территории первой ими руководил ездивший на переговоры в Москву Ж. Досмухамедов, а в Семипалатинской находилось правительство автономии Алаш во главе с А. Букейхановым. Переход к союзу с антисоветскими силами, прежде всего, с Сибирским правительством, подтолкнул именно антибольшевистский переворот в регионе.

Временное Сибирское правительство во главе с П.В. Вологодским было поначалу в основном эсеровским и имело в своем составе министерство туземных дел во главе с

М.Б. Шатиловым. Но 30 июня его состав изменился, и оно стало более правым [10], что повлияло на взаимоотношения с казахской автономией. К тому же в Сибирском правительстве все большее влияние приобретал командующий армией и глава военного ведомства А.Н. Гришин-Алмазов, который довольно быстро склонился в сторону военной диктатуры. В итоге отношения с Алаш, чье правительство стремилось отстаивать принципы федерализма и равноправия с другими автономиями, приобретали все более напряженный характер. Сибиряки позиционировали себя в качестве центра, предполагая подчинение себе Алаш.

Рис. 2. А.Н. Гришин-Алмазов в штабе. 1918 г.

В июле были опубликованы «Основные положения о границах культурной автономии национальностей Сибири». В них право окончательного решения вопроса о территориально-политической автономии передавалось Всероссийскому Учредительному собранию. На этой основе правительство отказалось признавать «избранные некоторыми национальностями Комитеты (например, Алаш-Орда киргиз-кайсаков) органами национально-территориальной государственности». Оно выразило готовность предоставить народам Сибири «национально-культурную автономию, гарантирующую свободное развитие каждой отдельной национальности». Под этим подразумевались права на открытие учебных заведений и местных судов на родном языке, равноправие языков в местных органах власти районов со смешанным населением. Соответственно национальные органы власти признавались лишь как представительные по вопросам культурной автономии и местного самоуправления [11].

Алаш-Орда предприняла меры по установлению официальных отношений с Сибирским правительством, добиваясь, в конечном счете, признания автономии. 10 июля 1918 г. ее представитель при Западно-Сибирском комиссариате А. Ермеков передал в Совет Министров записку, где, приветствуя падение власти «насильников народа – большевиков в Сибири и прилегающих к ней Степных областях», Алаш-Орда призывала к единению для защиты завоеваний февральской революции, «давшей начало к политическому возрождению народов и окраин России». Со своей стороны она обещала оказывать всемерную поддержку Сибирскому правительству. Алаш-Орда предложила проект соглашения, по которому Сибирское правительство признавало национально-территориальную автономию Алаш в составе, определенном II всеказахским съездом, при установлении границ с учетом мнения населения приграничных областей. Признание Алаш-Орды центральным органом власти Казахстана, временно исполняющим функции государственной власти, влекло за собой исключительное подчинение ей всех наци-

ональных общественных организаций и учреждений без права вмешательства других властей в сферу ее компетенции.

До объявления автономии государственные и смешанные учреждения управления и самоуправления должны были подчиняться Временному Сибирскому правительству при обязательном участии в нем представителей Алаш-Орды; избранные в 1917 г. органы самоуправления также сохранялись. Кроме того, в проекте обосновывалась необходимость обеспечения правительством Сибири, которому подчинялись все финансовые учреждения на территории Алаш, займа Алаш-Орде и предлагалось созвать в ближайшее время конгресс депутатов автономных народов и окраин «с целью создания федеральной власти». Наиболее перспективной Алаш-Орда считала федерацию Сибири, Алаш, Башкирии и Туркестана [12]. 14 июля приветственную телеграмму областникам направил глава Алаш Букейханов, отметив в ней цель казахских автономистов – обеспечить спасение Отечества – России как федерации автономных областей [13], таким образом предполагая равное участие двух региональных сил в устройстве единого государства.

Рис. 3. Алашординцы. Семипалатинск.1918 г. В первом ряду слева направо: Ж. Атикеев, Ж. Болганбаев, Т. Кунанбаев, А. Букейханов, Р. Марсеков

26 июля в Совет Министров Сибирского правительства поступила докладная записка Алаш-Орды. В ней содержалась краткая характеристика решений I и II всеказахских съездов, причин принятия решения об автономии, обосновывалась необходимость взаимной поддержки и тесного союза «в час смертельной опасности для родины и свободы». Алаш-Орда указывала, что затягивание предложенных ею переговоров привело к потере Уральской области и росту опасности распада автономии Алаш. Эта опасность «вынуждает Алаш-Орду решиться на крайние меры, отказаться от Союза с Сибирью, объявить автономию Алаш и спасти единение казак-киргизского народа, пожертвовав выгодами союза с Сибирью». Она считала, что признание автономии Алаш дало бы ей «возможность оттянуть Туркестан от немецкой ориентации, сохранить его в пределах Российской Федерации», таким образом, демонстрируя приверженность общероссийским интересам. Итак, Букейханов стремился организационно-политически укрепить единство своей автономии и подтолкнуть сибиряков к созданию равноправного союза.

На обсуждение Сибирского правительства предлагался проект соглашения о взаимном признании. В нем содержались приведенные выше пункты. Назначение на ответственные посты в автономии Алаш должно было согласовываться с Алаш-Ордой, которая также имела право специального обложения, сбора кибиточной подати в свою казну, организации

национальных судов и местных советов Алаш-Орды, ведающих национальными делами, не входящими в компетенцию земств и городских дум [14].

Записка обсуждалась в комиссии под председательством министра народного просвещения проф. В.В.Сапожникова 29, 30 июля и 2, 3 августа [15]. На заседании присутствовали представитель военного ведомства генерал В.Л. Попов, товарищ министра внутренних дел П.Д. Михайлов, представитель министерства земледелия и колонизации А.М. Ярмош, руководители Алаш-Орды А. Букейханов, А. Ермеков и Х. Тохтамышев. Пункт 1 о взаимном признании был снят с обсуждения. Предложения о порядке управления и деятельности органов Алаш-Орды, их правах сохранялись с небольшой редакцией. Вопрос о выделении займа из-за отсутствия в комиссии представителя министерства финансов Букейханову предлагалось адресовать непосредственно в это ведомство. Идея конгресса депутатов автономий была поддержана, но не подлежала включению в проект. Проблемы создания национальной армии Алаш было решено передать военному ведомству и Алаш-Орде для совместной переработки выдвинутых предложений.

Решение земельного вопроса в Семипалатинской, Акмолинской и Тургайской областях откладывалось до Всероссийского Учредительного собрания с сохранением существующего положения. При особом мнении по проекту остался А.М. Ярмош. Он указал на неопределенность «природы политического устройства киргизского народа и сущности государственно-правовых отношений его к российской государственности и автономной Сибири». Сохранение такой неопределенности, считал он, может вызвать взаимное обострение отношений. Необходимо установить хотя бы временные законодательные нормы вместо утративших силу законов о положении края в Российской империи [16].

Действительно, четкая правовая база под отношения двух автономий не была подведена, что обусловило продолжение и обострение конфликтов. Проект соглашения, подготовленный по инициативе Алаш-Орды, так и не обрел юридической силы. 9 августа Совет Министров заслушал доклад министра туземных дел М.Б. Шатилова об установлении временных взаимоотношений с Алаш-Ордой. В то же время фракция национальностей Сибирской думы, получив проект соглашения двух правительств, пригласила к участию в его обсуждении делегатов Алаш-Орды.

Общая неустойчивость военно-политической обстановки, острое соперничество в борьбе за власть в Сибири, между Временным Сибирским правительством и Комучем при наличии других областных правительств, также стремившихся упрочить свое влияние, амбиции правящих кругов Сибири и недоверие к активизировавшимся национальным движениям, реальная слабость политического, военного, материального и финансового положения Алаш-Орды – все эти факторы сыграли свою роль.

На результаты работы комиссии повлияло и заключение о проекте соглашения с Алаш-Ордой консультанта правительства К.Г. Дишлера. Он считал, что на подчиненной правительству территории признавать политическую автономию может лишь Сибирское учредительное собрание, а вне ее пределов – Всероссийское. В случае образования автономного государства с определенными органами и реальной силой Сибирское правительство при необходимости могло входить с ним во временные отношения, но не имело юридического права санкционировать такие образования за пределами своей территории и, тем более, содействовать их созданию. Проект соглашения Дишлер счел неудовлетворительным, так как несмотря на снятие с обсуждения вопроса о признании автономии он, тем не менее, фактически признавал ее. Недопустимость признания автономии Алаш подчеркивала и официальная «Сибирская речь» [17].

Семипалатинский облкомиссар областнической власти Крот в сентябре высказал мнение, что Алаш-Орда претендует на признание наравне с общими правительственными учреждениями и стремится проводить на деле идею и принципы автономии до решения Учредительного собрания. Деятельность наиболее влиятельных членов Алаш не отвечает главной задаче Сибирского правительства, и необходимо точно установить пределы компетенции и взаимоотношения Алаш-Орды с областными и общественными учреждениями. В противном случае многовластие не укрепит престиж и авторитет Сибири, указывал он [18].

В преддверии Государственного совещания в июле и августе в Челябинске состоялись два совещания представителей Комуча и Сибирского правительства. 26 августа совещание

признало полномочия областных и национальных правительств, причем среди них назывались как Алаш-Орда, так и национальное управление правительства Алаш-Орда. Вероятно, имелись в виду представители Алаш-Орды во главе с А. Букейхановым и Уильского Оляята во главе с Ж. Досмухамедовым. На совещаниях были также М. Чокаев, Х. Досмухамедов, И. Джайнаков, Джанкадамов. В первом пункте инструкции делегатам Временного Сибирского правительства на совещании строго предписывалось: «Не признавать правительство Алаш-Орды тюрко-татар, а только культурную автономию...» [19]. Сибирское правительство (как, впрочем, и Комуч) рассчитывало также подчинить себе Туркестан.

На государственном совещании в Уфе 12 сентября 1918 г. Букейханов так сформулировал свою позицию: «Те организации, от имени которых я выступаю, не являются представителями сепаратизма, а они мыслят, что они составляют часть единой России, что автономные области в концерте мировых держав не могут играть никакой роли, если бы они захотели создать какое-нибудь маленькое сепаратное государство. Мы едины с демократической федеративной республикой Россией, мы мыслим себя только частью единой России» [20].

Основные программные положения в национальной сфере нашли отражение в «Акте об образовании всероссийской верховной власти», принятом на Уфимском государственном совещании 23 сентября 1918 г. Его подписали и представители Алаш-Орды. Документ предусматривал «воссоединение отторгнутых, отпавших и разрозненных областей России», а также предоставление отдельным областям территориальной и национальной автономии, признание за экстерриториальными этносами права на культурно-национальное самоопределение на основе законов, принятых «полновластным Учредительным Собранием» [21].

Заклученный в Уфе компромисс был изначально весьма неустойчивым. К тому же у Директории отсутствовали прочный аппарат, необходимые финансы, официальные органы. Создаваемые ею министерства часто возглавлялись министрами продолжавшего работу Сибирского правительства, что вскоре сказалось на отношениях с Алаш. Работали и другие правительства, получившие в Уфе признание «права на широкую автономию, обусловленную как географическими, экономическими, так и этническими признаками», а также на культурно-национальное самоопределение.

При характеристике второго направления взаимодействия двух сил следует отметить, что 24 июня 1918 г. Алаш-Орда приняла ряд принципиальных решений об организации своей власти, отмене постановлений большевиков, возврате к демократическим установлениям Временного правительства весны–лета 1917 г., создании своих воинских частей и налоговых сборах в пользу автономии. При этом Букейханов рассчитывал на союз с областниками и башкирскими автономистами, что нашло отражение в его распоряжениях на места о сотрудничестве с Сибирским правительством [22]. Однако на деле сотрудничество складывалось сложно. На местах областниками была введена должность инструкторов-информаторов, которые занимались мобилизацией населения в армию, сбором налогов и «извлечением денег из деревни», агитируя крестьянство в поддержку новой власти. Сообщая в июле-августе о настроениях крестьян Семипалатинской области, инструктор В. Посельский указывал: они уверены, что «большевиков сбросили» алашординцы и казаки, что Сибирское правительство именно этими силами и сформировано. О влиянии Алаш-Орды говорил и тот факт, что попытка провести перевыборы земств по новой инструкции встретила решительное противодействие их руководителей. При этом указывалось, что местная казахская интеллигенция, возглавлявшая земства, при организации выборов учитывала преобладание казахского населения в области, стремясь предотвратить возникновение недоверия к земствам со стороны русского населения в случае преимущественно казахского состава избранных на пропорциональной основе.

Лидеры Алаш руководствовались проектом соглашения, надеясь на его утверждение в скором будущем. 4 сентября 1918 г. Алаш-Орда направила находившимся в Омске М. Тынышпаеву и А. Ермакову указание добиться назначения казаха на должность областного комиссара или его помощника, так как коренное население негативно относилось к распоряжениям органов власти, в которых не было его представителя. 5 сентября они обратились к М.Б. Шатилову с просьбой содействовать в этом и

рекомендовали от имени Алаш-Орды Б. Сарсенева. Шатилов обратился в МВД с поддержкой их инициативы. Кроме того, он просил предоставить Семипалатинскому совету Алаш-Орды право на бесплатную пересылку корреспонденции по телеграфу и почте в связи с тем, что он отчасти выполняет функции земства в культурно-просветительной сфере.

Рис. 4. М.Б. Шатилов

Первые успехи алашских отрядов в Семиречье, значительный авторитет интеллигенции, возглавлявшей движение Алаш, обеспечивали ей достаточно широкую поддержку в массах. Это стимулировало их «государственные» амбиции и приводило к дальнейшим столкновениям с омскими властями, все более ужесточавшими национальную политику. Имеется много фактов, показывающих, как сибиряки пытались руководствоваться «Положением об управлении Степного края» дофевральского периода. Его представители на местах и в Омске доказывали, что Алаш-Орда и ее структуры «по характеру своих функций не является органом государственной власти», всячески противодействовали «вмешательству в дела управления организации, непризнанной правительством». Это проявилось с запрете казахских судов, созданных при Временном правительстве, в прекращении бесплатной отправки корреспонденции Алаш-Орды, ликвидации земельных комитетов, тоже созданных Временным правительством. 17 сентября 1918 г. Сибирское правительство приняло решение «Об изъятии милиции из ведения органов самоуправления и передаче ее в ведомство МВД». В то же время треть расходов на ее содержание должны были нести земства, что тоже вызвало бурные протесты алашординцев. Уполномоченный командира отдельного Степного корпуса 11 октября приказал арестовать главу Акмолинского уездного совета Алаш-Орды Д. Избасарова, отказавшегося платить налоги в казну Сибирской автономии, на 3 месяца «за непризнание Временного Сибирского правительства».

В свою очередь, алашординцы заявляли, что казахский народ в случае непризнания Алаш-Орды правительственным органом не будет выполнять требования и распоряжения Сибирского правительства, и перестали передавать их на места; отказались признавать решение об упразднении земельных комитетов. Избасаров, к примеру, указывал, что Сибирское правительство «не имеет контроля над Алаш-Ордой» и они равноправны. С другой стороны, так как Комуч признал Алаш-Орду, последняя выступает как автономное

правительство до созыва Учредительного собрания. И. Омаров заявил о необязательности решений Сибирского правительства, другие алашординцы отказывались отправлять налоговые сборы в казну сибиряков. По поводу казахского суда Х. Габбасов и Б. Сарсенев обратились за помощью к уехавшим в Уфу А. Букейханову и М. Тынышпаеву. Но Алаш-Орде не удалось отстоять созданные ею судебные органы. 14 декабря 1918 г. приказом уполномоченного командира 2-го Степного Сибирского корпуса по охранению государственного порядка и общественного спокойствия в области они были упразднены.

Вдохновленные решением совещания в Уфе и достижением кажущегося согласия вокруг идеи Учредительного собрания, алашординцы надеялись, наконец, обрести реальный юридический статус и освободиться от «ига» сибиряков. 1 октября руководимые Габбасовым и Марсековым Семипалатинское уездное и областное земства заявили о полной поддержке Директории и ходатайствовали перед ней о признании полномочий действующего в соответствии с обычным правом и упраздненного Сибирским правительством казахского суда. Независимо от решения Директории, Алаш-Орда 22 октября утвердила решение о немедленном возобновлении его действий. Там, где казахские суды не функционировали, они должны были начать работу не позднее 1 января 1919 г. [23]

Но вскоре Директория упразднила все областные правительства, в том числе Алаш-Орду. Директория вместе с тем признавала необходимость учета бытовых и хозяйственных особенностей «казак-киргизских народностей» в организации управления и создания для этих целей в будущем представительного органа. Была учреждена должность Главноуполномоченного по управлению Алашем, ведавшего всеми делами, «касающимися культурно-бытовых и экономических нужд казак-киргизских народностей», и его помощников, с временным сохранением органов управления Алаш-Орды, подчиненных центральному ведомству. Создавалась также «особая комиссия по выработке положения об Алашском представительном органе и выборах в него». В состав этих органов вошли Букейханов и другие члены Алаш-Орды. Таким образом, деятельность всех национальных правительств жестко регламентировалась «центром».

Сибирский регионалистский проект после 1917 г. вошел в противоречие с национальными проектами, на реализации которых настаивали лидеры якутов, бурят и казахов. Несмотря на фактическое упразднение Сибирской автономии, после 18 ноября 1918 г. областники подключались к рассмотрению претензий Алаш-Орды, но главной их задачей стали попытки убедить Колчака в полезности собственного проекта. В целом вопрос о будущем национальностей России так и не был решен колчаковским правительством. Военно-политическое поражение белых сделало бессмысленными все планы и проекты, так скрупулезно составленные и обсуждавшиеся в различных бюрократических инстанциях.

Выводы

В истории взаимодействия сибирских областников и алашординцев расхождения и затем конфликты проявляются и нарастают от 2-го этапа к 3-му, когда в составе Временного Сибирского правительства возобладали деятели, нацеленные на военно-политическое подчинение соседних регионов, в т.ч. областей Казахстана, где шли военные действия. Алашординцы попытались найти компромисс с новым общероссийским центром в лице СНК РСФСР, но свержение советской власти на местах нивелировало достигнутые договоренности. Общероссийский большевистский центр временно перестал играть роль в отношениях региональных игроков от Поволжья до Сибири и Казахстана включительно. Автономия Алаш нацеливается на равноправное сотрудничество с другими самопровозглашенными автономиями, среди которых Комуч и Сибирское правительство были наиболее конкурентоспособными в борьбе за право присвоить себе функции центра. При этом Комуч представлял демократически избранных депутатов Всероссийского Учредительного собрания и поддерживал федералистский проект России, тогда как областники отдавали предпочтение национально-культурной автономии и объективно не могли рассчитывать на всероссийское признание.

Алашская автономия стремилась всячески продемонстрировать самостоятельность, отстоять свою правосубъектность и равноправные отношения с областниками, апеллируя к будущей общероссийской власти. К тому же следует подчеркнуть, что в отличие от

областников, явно принявших политический крен вправо, Букейханов рассматривал взаимоотношения с ними в широком контексте евразийского сотрудничества Казахстана, Башкирии, Туркестана и Сибири как будущих субъектов Российской демократической федерации.

В силу объективных обстоятельств, а также принципиального значения, которое алашординцы изначально придавали земствам (более того, в апреле 1918 г. они добились согласия Ленина и Сталина на создание местных органов власти именно на основе земств), члены алашординских комитетов зачастую одновременно не только избирались в земства с июня 1917 г., но и входили в их управы, возглавляли их. Эти общественные по своей природе институты в данный период становились органами власти на местах, и по составу были многонациональными. В силу зависимости от управленческих структур Временного Сибирского правительства, Комуча, казачьих правительств, а затем подчинившего все эти силы правительства А.В. Колчака алашординские управленцы должны были активно участвовать и в организации их деятельности на местах. Это взаимодействие характеризовалось перманентными конфликтами по поводу компетенций и полномочий алашординских органов управления, которые не признавались антисоветскими структурами.

Традиционные болячки общегосударственной системы – ведомственная разобщенность, военно-бюрократические методы управления, отсутствие планомерности в действиях местных и центральных властей – стали дополняться отягощениями гражданской войны и противоборством амбициозных деятелей. Сибирское правительство не могло не учитывать исторические границы расселения казахов, но совместить их с потребностями эффективного политического управления и экономического районирования при наличии властных структур и руководителей Алашской автономии не сумело. Оно действовало в отношении Алаш-Орды, как бы примеряя на себя функции центральной власти и предлагая ей лишь практически неосуществимую в тех условиях культурную автономию, что заведомо не могло быть воспринято конструктивно со стороны казахских автономистов с их претензией на политическое самоопределение, уже поддержанное большевиками в начале 1918 г.

Сибиряки исходили из непризнания центром большевистской власти, претендуя на усиление своего статуса как межрегионального интегратора, но осенью 1918 г. потеряли инструменты влияния. Алаш-Орда, наоборот, несмотря на отсутствие формального признания, не только успешно провела переговоры с Лениным и Сталиным (апрель 1918 г.), но своей активностью заставила Временное Сибирское правительство, Комуч, Директорию и затем правительство Колчака (а потом вновь СНК РСФСР) взаимодействовать с ней, как субъектом политического пространства.

Конфликты между Алаш-Ордой и Сибирским правительством с его представителями на местах, имеющие локальный или даже микроскопический характер в масштабах России, объективно отражали никуда не исчезнувшую потребность в административной централизации и унификации крупных регионов, их экономической и коммуникационной интеграции. С другой стороны, столь же отчетливо отражались противоречия в разделении компетенций и полномочий, нуждающиеся в тонкой настройке для обеспечения устойчивости территориальной и политической организации полиэтничного государства, а также плюрализм реальных способов функционирования территорий и их активистов в рамках государства, которое восстанавливало свою целостность. В границах распавшейся и собирающейся сызнова империи в 1917–1918 гг., на основе региональных структур, зарождались федералистские проекты, которые стремились утвердиться как общероссийские. В условиях революции и войны гармонизации этого комплекса взаимосвязей достичь было практически невозможно.

Примечания:

1. Подробнее см.: Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. М., 1994. 216 с.
2. В.И. Шишкин отмечает, что оба правительства возникли «снизу» - по инициативе местной общественности и почти одновременно. Однако он неправ, считая, что Алаш-Орда «сошла с исторической арены» в начале ноября 1918 г. после прихода к власти А.В. Колчака // Шишкин В.И. Взаимоотношения Алаш-Орды и Временного Сибирского правительства //

Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2011. Т. 96. № 4. С.111, 110. На деле с правительством Колчака Алаш-Орда вела переговоры еще и в 1919 г., а прекратила фактическое существование в начале 1920 г.

3. Алаш-Орда. Сб. документов / Сост. Н.Мартыненко. Кызыл-Орда, 1929. С. 34–35, 38, 39–40.

4. Сибирская жизнь (Томск). 1917. 8, 11, 17, 21 октября.

5. Потанин Г.Н. Киргизы после переворота // Сибирская жизнь. 1917. 14 ноября.

6. Казахстанская правда. 1989. 19 июля.

7. О перипетиях внутривосточной борьбы в автономной Сибири см.: Журавлев В.В. Рождение Временного Сибирского Правительства: из истории политической борьбы в лагере контрреволюции // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г.; Межвуз. сб. науч. тр. Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2001. С. 26–47.

8. Государственный архив Семипалатинской области (далее – ГАСО). Ф. 44. Оп. 1. Д. 8. Л. 4,8; Д. 3. Л. 2,7,11; Ф. 133. Оп. 1. Д. 1. Л. 110; Ф. 37. Оп. 1. Д. 1. Л. 72.

9. Шишкин В.И. Взаимоотношения Алаш-Орды и Временного Сибирского правительства. С. 111.

10. Шишкин В.И. Командующий сибирской армией А.Н. Гришин-Алмазов: штрихи к портрету // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.). Сб. науч. ст. Новосибирск, 2009. С. 126–195. URL: <http://zaimka.ru/shishkin-grishin-almazov/> (дата обращения: 2.03.2013).

11. Государственный архив РФ (далее – ГА РФ). Ф. 193. Оп. 1. Д. 8. Л. 1 и об.

12. ГА РФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 8. Л. 26 и об.

13. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 39. Л. 84.

14. Алаш-Орда. С. 107–108.

15. Шишкин почему-то утверждает, что проект Алаш-Орды не обсуждался, что якобы вызвало беспокойство последней за свой авторитет и политическое недоверие сибиряков, а затем все же описывает дискуссии конца июля – начала августа. См.: Шишкин В.И. Взаимоотношения Алаш-Орды и Временного Сибирского правительства. С.116, 117–119. Более объективное изложение событий дает другой автор: Селиверстов С.В. Алаш и Сибирь в 1918–1919 гг.: позиция А.Букейханова и тенденция региональных отношений // Мир Евразии. Горно-Алтайск, 2008. № 1. С. 22-27.

16. Алаш-Орда. С. 108–111.

17. ГА РФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 8. Л. 33 и 34 об.

18. ГА РФ. Ф. 1701. Оп. 1. Д. 6в. Л. 13,14–15,16–18 и об.

19. Вестник Комитета членов Учредительного собрания. № 39, 41. 1918. 24, 26 августа.

20. ГА РФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.

21. История «белой» Сибири. Тезисы науч. конф. Кемерово, 1995. С. 166–167.

22. Алаш-Орда. С. 108–112.

23. Сибирский вестник. № 36. 1918. 3 ноября.

References:

1. Podrobnее sm.: Amanzholova D.A. Kazahskij avtonomizm i Rossiya. M., 1994. 216 s.

2. V.I. SHishkin otmechaet, chto oba pravitel'stva vznikli «snizu» - po iniciative mestnoj obshchestvennosti i pochti odnovremenno. Odnako on neprav, schitaya, chto Alash-Orda «soshla s istoricheskoy areny» v nachale noyabrya 1918 g. posle prihoda k vlasti A.V. Kolchaka // SHishkin V.I. Vzaimootnosheniya Alash-Ordy i Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki. 2011. T. 96. № 4. S.111, 110. Na dele s pravitel'stvom Kolchaka Alash-Orda vela peregovory eshche i v 1919 g., a prekratila fakticheskoe sushchestvovanie v nachale 1920 g.

3. Alash-Orda. Sb.dokumentov / Sost. N.Martynenko. Kzyl-Orda, 1929. S. 34–35, 38, 39–40.

4. Sibirskaya zhizn' (Tomsk). 1917. 8, 11, 17, 21 oktyabrya.

5. Potanin G.N. Kirgizy posle perevorota // Sibirskaya zhizn'. 1917. 14 noyabrya.

6. Kazhastanskaya pravda. 1989. 19 iyulya.

7. O peripetiyah vnutripoliticheskoy bor'by v avtonomnoj Sibiri sm.: Zhuravlev V.V. Rozhdenie Vremennogo Sibirskogo Pravitel'stva: iz istorii politicheskoy bor'by v lagere

kontrrevolyucii // Grazhdanskaya vojna na vostoке Rossii. Problemy istorii: Bahrushinskie chteniya 2001 g.; Mezhevuz. sb. nauch. tr. Novosib. gos. un-t. Novosibirsk, 2001. С. 26–47

8. Gosudarstvennyj arhiv Semipalatinskoj oblasti (dalee – GASO). F. 44. Op. 1. D. 8. L. 4, 8; D. 3. L. 2, 7, 11; F. 133. Op. 1. D. 1. L. 110; F. 37. Op. 1. D. 1. L. 72.

9. SHishkin V.I. Vzaimootnosheniya Alash-Ordy i Vremennogo Sibir-skogo pravitel'stva. S. 111.

10. SHishkin V.I. Komanduyushchij sibirskoj armiej A.N. Grishin-Almazov: shtrihi k portretu // Kontrrevolyuciya na vostoке Rossii v period grazhdanskoj vojny (1918–1919 gg.). Sb. nauch. st. Novosibirsk, 2009. С. 126–195. URL: <http://zaimka.ru/shishkin-grishin-almazov/> (data obrashcheniya: 2.03.2013).

11. Gosudarstvennyj arhiv RF (dalee – GA RF). F. 193. Op. 1. D. 8. L. 1 i ob.

12. GA RF. F. 193. Op. 1. D. 8. L. 26 i ob.

13. Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti (dalee – GATO). F. R-72. Op. 1. D. 39. L. 84.

14. Alash-Orda. S. 107–108.

15. SHishkin pochemu-to utverzhaet, chto proekt Alash-Ordy ne obsuzh-dalsya, chto yakoby vyzvalo bespokojstvo poslednej za svoj avtoritet i politicheskoe nedoverie sibiryakov, a zatem vse zhe opisyyaet diskussii konca iyulya – nachala avgusta. Sm.: SHishkin V.I. Vzaimootnosheniya Alash-Ordy i Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva. S.116, 117–119. Bolee ob"ektivnoe izlozhenie sobytij daet drugoj avtor: Seliverstov S.V. Alash i Sibir' v 1918–1919 gg.: poziciya A.Bukejhanova i tendenciya regional'nyh otnoshenij // Mir Evrazii. Gorno-Altajsk, 2008. № 1. S.22-27.

16. Alash-Orda. S. 108–111.

17. GA RF. F. 193. Op. 1. D. 8. L. 33 i 34 ob.

18. GA RF. F. 1701. Op. 1. D. 6v. L. 13,14–15,16–18 i ob.

19. Vestnik Komiteta chlenov Uchreditel'nogo sobraniya. № 39,41. 1918. 24,26 avgusta.

20. GA RF. F. 670. Op. 1. D. 1. L. 30.

21. Istoriya «beloj» Sibiri. Tezisy nauch. konf. Kemerovo, 1995. S. 166–167.

22. Alash-Orda. S. 108–112.

23. Sibirskij vestnik. № 36. 1918. 3 noyabrya.

УДК 94(571+574)

Из истории взаимодействия Временного Сибирского правительства и Алаш-Орды

Дина Ахметжановна Аманжолова

Институт российской истории РАН, Российская Федерация

117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19

Доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник

E-mail: amanzholova19@mail.ru

Аннотация. В статье освещаются основные направления и анализируются проблемы взаимодействия автономистских сил – сибирского областничества и казахского движения Алаш – в период их организационно-политического оформления и противоборства участников гражданской войны на стыке крупных регионов. Это позволяет выявить некоторые важные аспекты апробации разных проектов федерализации России в условиях перехода от имперской государственности к советской.

Ключевые слова: автономиз; Временное Сибирское правительство; Алаш-Орда; революция; гражданская война; регионализм; национальный вопрос.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 13, Is. 1, pp. 19-37, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.13.19
www.ejournal15.com

Articles and Statements

UDC 947

Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I

Alexey A. Volvenko

Taganrog institute of name A.P. Chekhov (branch)
Rostov state economic university (RINH), Russian Federation
PhD (History), Associate Professor
E-mail: avolvenko@mail.ru

Abstract

The article is analyzed the political situation on the territory of Donskoy`s army in the head of the 1860th years. The article is noted the contribution of Prince A.M. Dondukov-Korsakov in the formation of kazakomansky «party» on Don.

Keywords: The Don Cossacks; kazakomanstvo; Prince A.M. Dondukov-Korsakov; «A note about army Don»; «parties» on Don.

Введение

Слово «казакоман» или «казакоманство» сегодня имеет разнообразные смысловые оттенки и используется во многих областях знания и социальной практики, от литературоведения до фольк-истории и компьютерной игровой среды. В научной исторической литературе явление «казакоманства», как правило, рассматривается в контексте националистических настроений [1], сепаратистских тенденций и поиска идентичности среди казачества и «казакофильствующих» в широком хронологическом диапазоне от XIX в. до нач. XXI в. [2]. Если обобщить то немногое, что написано о «казакоманстве» как об «оппозиционном», «консервативном» движении отдельных представителей казачества II пол. XIX в. (т.е. времени появления и распространения, по крайней мере, в печатном виде самого слова), то под ним понимается некий общественный *отклик* на скрытое «рассказачивание», который выражался разными способами – ностальгией по казачьим традициям и вольностям, всплеском казачьего патриотизма и «национальной» гордости, требованиями восстановления прежнего «естественного», сословного образа жизни казачества, путем сохранения и закрепления его «исконных» прав и привилегий.

Эти, в целом, верные наблюдения хотелось бы дополнить фактическим содержанием и соображениями уточняющего характера. Учитывая, что «казакоманство» может иметь специфику, зависящую от того или иного казачьего войска (например, его черноморская/кубанская вариация близкая к украинофильству или сибирская, не без влияния областничества), в статье будет разобран конкретный донской случай «казакоманства» нач. 1860-х гг.

Материалы и методы

Статья основана на разнообразных документальных и литературных источниках, в ней используются методы структурного анализа и системного подхода.

Обсуждения и результаты

Интерес к своей истории, обычаям и традициям является неотъемлемой частью донского казачьего самосознания. Продолав путь от примитивных форм саморефлексии к печатным произведениям на исторические темы [3], этот интерес в трудах первого казачьего историка В.Д. Сухорукова получает политическую подоплеку [4]. Процесс подготовки известного Положения 1835 г. сопровождался написанием различных исторических справок, а масштаб его содержания, регламентирующий практически все стороны жизни донского казачества, не мог не вызвать определенного *отношения* к нему как простого казачества, так и его «элиты». Это отношение не привело к формированию элементарного оппозиционного движения, имея вид слухов и сплетен, циркулирующих в казачьих станицах [5]. Единство мнения казаки-дворяне проявили лишь в адресе к Николаю I с просьбой открыть в Новочеркасске «высшее» военное училище, удовлетворенное весьма оригинальным способом [6]. Дворянский адрес стал своеобразным откликом на правительственную политику в области казачьего образования, точнее, на ее практическое отсутствие в дореформенный период в Земле войска Донского (далее – ЗвД). Здесь уместно привести слова начальника штаба войска Донского М.Н. Бердяева (1835–1839), кстати, не казачьего происхождения, который считал «ложным и несправедливым мнение некоторых, что казачьих дворян не следует отправлять в Университеты и другие высшие учебные заведения» [7]. Возможно, это «мнение» отражало, в том числе и опасение, открыто высказанное влиятельным военным министром А.И. Чернышевым, лично курировавшего подготовку Положения 1835 г., о том, что «между донскими чиновниками особенно зажиточными и имевшими власть в своих руках, кои с некоторого времени подстрекаются суждениями обучающихся в университетах, всегда замечались мысли на счет самостоятельности их отчизны» [8]. Недостаток образовательных учреждений вынуждал «прогрессивных» казаков отдавать своих детей в ближайшие частные пансионы Таганрога и Харькова. Получение же высшего образования квотировалось Военным министерством от 10 мест в нач. XIX в. до 30-ти в 1860-х гг. в Харьковском университете, «специализировавшемся» на казачьих воспитанниках. Всего на 1860 г. за пределами ЗвД в кадетских корпусах, коммерческих и иных училищах, институтах и медико-хирургической академии было выделено 129 вакансий на более чем 900 тыс. население края. По данным Н.И. Краснова, по соотношению количества обучающихся к общей численности населения (1 к 321), ЗвД к 1856 г. находилась на предпоследнем месте среди губерний и областей Европейской России. На 12 тыс. донских дворян такая пропорция составляла 1 к 12, а на 600 тыс. простых казаков, включая 20 тыс. калмыков, 1 к 400 [9]. Все это не способствовало формированию интеллектуальной казачьей среды, редкие университетские выпускники, к тому же обязанные военной службой после окончания вуза, растворялись в новочеркасском «светском» обществе, не говоря уже об окружном станичном [10]. По сведениям того же Н.И. Краснова, за первую половину XIX в. «не было в периодических изданиях и двадцати статей, принадлежащих местным литераторам», в которых бы освещались сюжеты из донской жизни [11]. Впрочем, столичное образованное общество по информированности в отношении донских дел, кажется, отличалось тем же. Бывший заместитель начальника Главного управления иррегулярных войск А.П. Чеботарев, долгое время служивший в Санкт-Петербурге, сообщает о таком весьма показательном примере светской беседы. В 1851 г. на одном из званных обедов известный журналист, публицист и филолог Н.И. Греч обратился к присутствующему за столом полковнику войска Донского со словами: «... А что-как теперь поживают на Дону? Начинают ли исчезать кочевья? Делает ли успехи христианская проповедь? И вообще показываются ли на Дону какие-нибудь начала европейской жизни?» [12].

Неверно, конечно, было бы утверждать, что в дореформенный период на Дону вовсе отсутствовало какое-либо интеллектуальное «брожение». Деятельность с 1839 г. местного Статистического комитета, ведение правильного делопроизводства, требовавшее подготовку «исторических» справок, появление и развитие первой газеты «Донских войсковых

ведомостей», частная переписка между образованными казаками, равнодушных к актуальным темам современной им жизни, все это, несомненно, уплотняло незримую идейную атмосферу, еще бесформенную и невнятную.

По единодушному мнению современников, в эпоху «великих реформ» ситуация с образованием на Дону заметно улучшилась [13], оживилась и местная общественная жизнь [14]. Подготовка отмены крепостного права заметно взбудоражила донское общество, правда, может быть не так сильно как в других губерниях, с большим количеством крепостных и более древними корнями белого рабства. Работа местного комитета по улучшению быта крепостных крестьян актуализировала земельный вопрос на Дону, затронув интересы казаков-помещиков. Практически параллельно с раскрепощением крестьян Военное министерство задумало «раскрепостить» и казаков. В середине 1862 г. донская администрация получила министерские «соображения», которыми должен был руководствоваться другой местный комитет, занимающийся разработкой проекта нового войскового положения. Основные пункты «соображений», а именно, утверждение частной собственности на землю, право свободного выхода из казачьего сословия, необязательность военной службы, отмена ограничений для иногородних в отношении собственности и передвижения в ЗвД, стали достоянием гласности. Обсуждение радикальных предложений министерства, вкупе с ожидаемыми последствиями отмены крепостного права разбудили общественное мнение на Дону. Впоследствии донские события нач. 1860-х гг. их современник А.А. Карасев, к которому мы еще вернемся, не без легкой иронии назовет «бунтом» [15].

В конце июля 1863 г. ЗвД посетил наследник престола Николай Александрович. Донская земля являлась одним из пунктов путешествия по России, специально организованного для наследника. Формально Николай Александрович прибыл на Дон для участия в торжественной церемонии возложения на него обязанностей Атамана всех казачьих войск, неформально - личное пребывание наследника среди казаков призвано было «умиротворить» последних, среди которых градус дискуссий по общественно-политическим вопросам достиг наивысшего предела [16]. В поездке по России наследника сопровождали его учителя – историк и статистик И.К. Бабет и юрист, будущий Обер-прокурор Святейшего Синода, К.П. Победоносцев. Свои путевые заметки (письма) они публиковали с июня по октябрь 1863 г. в «Московских ведомостях», а в 1864 г., слегка дополнив, издали отдельной книгой. В их интерпретации всплеск общественного мнения на Дону нач.1860-х г. выглядел следующим образом: ...голоса разделились по партиям, а партии, когда не имеют ни исторического ни сознательного основания, не хотят обыкновенно слушать и не в состоянии понять друг друга и разобраться в мнениях. Одни стали кричать, что надобно преобразовать все на новых началах и всякое злоупотребление исторгнуть с корнем; но и эти голоса не согласовывались между собою. Одни разумели под нововведениями и реформами применение к Войску Донскому всех тех учреждений, которые задуманы правительством для целой России; другие требовали переделки учреждений на тех началах, которые им самим, по мечтательному представлению казалось необходимо тотчас же водворить повсюду; третьи, домогаясь нововведений, указывали на те самые идеальные черты общественного устройства, которые противная партия отыскивала в истории вольного казачества, так что, ведя ожесточенный спор с противными голосами, в сущности сходились с ними в своих требованиях. Другая партия выступала не менее гордо со знаменем «старого казачества». Донское казачество, бесспорно, имеет свою славную историю и свои исторические особенности быта, которые отрицать и насиловать невозможно, точно также как невозможно отрицать индивидуальный характер каждой личности; но на этот раз пылкие приверженцы псевдо-исторической идеи Дона, построили эту идею не по действительной истории, а по тем мечтательным началам, которые воображение показало и расписало им яркими красками в истории старого казачества. С этим идеалом соединили понятие об исключительности и замкнутости быта на Дону и старались возвестить на высоту начала подозрительное ко всем посторонним, т.е. к так называемым «иногородним»... Умы разгорячились, заволновалась неопытная молодежь, и вместе с нею, под влиянием сплетен о замышляемых будто бы коренных реформах на Дону, заволновались и некоторые из старых – одни из смутного опасения новостей, другие – из эгоистического стремления к консерватизму во всем, что для них самих выгодно. А тут еще в

добавок с берегов Невы донесли до Дона ребяческие мечты и сказки о самостоятельности всякого рода племен в русском государстве, об автономии языка и учреждений, о федеративном начале и т.п... Донские Ведомости наполнились...статьями, в которых обе партии высказывали свои взгляды по вопросам об истории Дона и о местных учреждениях... Вся эта полемика... смущала умы впрочем только на поверхности общества, и народу не было до нее никакого дела» [17].

Из приведенного отрывка напрашиваются следующие выводы. Во-первых, авторы книги, весьма близкие к властным кругам, открыто обнажили и признали наличие проблемы обсуждения донским казачеством действий правительства, своей истории, проявив уверенность в ее потенциальной исчерпанности. Во-вторых, способ описания проблемы, расставленные акценты, а также употребляемые слова и выражения – «партии» (с отсутствием единства во мнениях), «идеальные черты общественного устройства», «знамя старого казачества», «псевдо-историческая идея Дона», «воображение пылкой, но неопытной молодежи», «самостоятельность племен», «автономия языка и учреждений», «федеративное начало», «полемика» в местной газете, - вполне укладываются в стандартный набор «националистического дискурса», который ищет или которым оперирует современный историк.

Оставив вопрос об информаторах Бабста и Победоносцева, а так же о полноте и достоверности представленной ими картины открытым для анализа, обратимся к первой задаче нашего исследования: каким образом на Дону появились «партии», кто генерировал этот процесс.

*«"пробуждение" вовсе не обязательно
приходит изнутри, —
часто его приносят пришельцы» [18]*

А.М. Дондуков-Корсаков и его «Записка о войске Донском»

В начале 1859 г. на Дон в распоряжение войскового наказного атамана (далее – в.н.а.) М.Г. Хомутова прибыл бывший командир нижегородского драгунского полка 39-летний генерал-майор кн. Александр Михайлович Дондуков-Корсаков. В воспоминаниях Д.А. Милютина именно Дондукову-Корсакову отведена главная роль в образовании казачьей «партии» [19]. После окончания в 1841 г. юридического факультета Санкт-Петербургского университета А.М. Дондуков-Корсаков, старший сын М.А. Дондукова-Корсакова – вице-президента Академии наук и попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, сознательно выбрал военную службу и карьеру. Недолго прослужив в столице, Дондуков-Корсаков в 1844 г. отправляется покорять Кавказ. Поступив адъютантом к наместнику Кавказа М.С. Воронцову, Дондуков-Корсаков, не избегая личного участия в сражениях, последовательно продвигаясь в чинах, в 1855 г. получает в командование нижегородский драгунский полк, с которым Крымскую войну проводит на Кавказском театре боевых действий. Однако в конце 1858 г. из-за конфликта с начальником левого фланга Кавказской линии Н.И. Евдокимовым Дондуков-Корсаков оставляет полк и вскоре оказывается в войске Донском. О причинах появления Дондукова-Корсакова на Дону и по чьей протекции он получает должность начальника войскового штаба можно только догадываться. Возможно, к этому назначению причастен начальник штаба корпуса жандармов и управляющий третьим отделением С. Е.И.В канцелярии А.Е. Тимашев, близкий друг и товарищ Дондукова-Корсакова [20]. В жандармское управление, несомненно, поступала информация о финансовых злоупотреблениях в донской администрации и, возможно, лично атамана, имеющего больше свободы перед гражданскими губернаторами в распоряжении войсковым бюджетом, считавшегося в сер. XIX в. «войсковой казачьей собственностью» и формируемого практически полностью из поступлений от питейных сборов, с которыми молва традиционно связывала различные махинации [21]. Думается, что в преддверии строительства на Дону Грушевской железной дороги (окончательное решение о строительстве принято 18 декабря 1860 г.) за счет войсковых средств, государственные, ведомственные, а может быть, и личные интересы требовали присутствия в ЗвД «своего» человека. Дондуков-Корсаков вполне подходил на эту роль. Он имел репутацию боевого офицера, содержавшего в отличном порядке вверенный ему полк и не побоявшегося, в числе немногих, открыто порицать Н.И. Евдокимова за

присвоение казенных денег [22]. Согласиться продолжить теперь уже административную карьеру на Дону Дондукова-Корсакова могли подвигнуть и следующие обстоятельства. Благополучие семьи Тимашевых, по крайней мере имущественное, покоилось на обширных владениях отца – Е.Н. Тимашева, бывшего атамана Оренбургского казачьего войска. На этом фоне положение в родовом отцовском имении Дондукова-Корсакова оставляло желать лучшего [23]. Оказавшись в ЗвД, в подчинении 64 летнего М.Г. Хомутова, чей атаманский срок (с 1848 г.) явно клонился к закату, Дондуков-Корсаков получал шанс побороться за атаманскую власть, сулящую стабильное, безбедное и почетное существование. Будущие события с участием князя косвенно свидетельствуют в пользу наших предположений о финансовой подоплеке и роли Тимашева в новом назначении. Первые шаги Дондукова-Корсакова как донского чиновника имели четко выраженную антикоррупционную направленность [24]. В начавшемся строительстве железной дороги он принял самое энергичное участие, от кадровых вопросов до заключения подрядных договоров [25]. Наконец, именно А.Е. Тимашев в 1868 г., уже в качестве министра внутренних дел, способствовал новому старту политической карьеры Дондукова-Корсакова, рекомендовав его на пост киевского генерал-губернатора [26] и вернув, таким образом, из отставки, полученной в 1863 г.

Прибытие А.М. Дондукова-Корсакова вместе с семьей в Новочеркасск стало заметным событием для провинциального чиновничьего мира. По словам А.А. Карасева: «Всегда и для всех доступный, остроумный и разговорчивый, князь как бы внес в местное общество новую жизнь, освежил его, вызывая на размышления и разговоры о таких предметах, которые до того обсуждались только в канцеляриях и деловых кабинетах, и притом в узких рамках времен дореформенных» [27]. Несмотря на явную симпатию к Дондукову-Корсакову Карасева (в то время молодого чиновника войсковой администрации), в его утверждении о том, что «простой, деликатный, разговорчивый князь скоро обворожил всех, начиная от представителей тогдашнего новочеркасского общества и кончая последним чиновником», все-таки больше правды, чем преувеличения. Действительно Дондуков-Корсаков был яркой, притягательной, харизматичной в полном смысле этого слова личностью с биографией, которая не могла не понравиться казакам, по крайней мере, некоторым из них. Университетское образование князя в сочетании с его боевой «характеристикой», неоднократными ранениями и подвигом при спасении 2-х орудий Донской №7 батареи в сражении при Кюрук-Дара (1854) Крымской войны выглядели привлекательными в глазах представителей от разных слоев казачества. Аристократическое происхождение Дондукова-Корсакова, обладателя широким кругозором путешественника, побывавшего в большей части европейских стран, а также в Персии, Азиатской Турции и Марокко, дополнялось его калмыцкими родовыми корнями, переплетающимися с донской историей [28]. Таким образом, князь мог надеяться на репутацию более или менее «своего» человека среди казаков, что было важно из-за широко известного настороженно-негативного настроения казачества к «чужим» назначенцам на ключевые должности в войске [29]. Наконец, психологические свойства характера Дондукова-Корсакова, правда, с его слов, но подтверждаемые современниками, такие как «горячность», «необузданность», «неумеренность в речах и суждениях», «находчивость и постоянный веселый нрав», склонность к «кутежам и предприятиям» [30], практически, не оставляли места для равнодушного к ним отношения [31]. А если к этому добавить мнение генерала П.Д. Зотова, знавшего князя по Кавказской войне: «Дондуков как начальник – великолепная личность, его всегда подчиненные любили, но горе тому, кто поставлен с Дондуковым в служебные отношения, даже равноправные: ложь, клевета, интриги – все будет пущено в ход, чтобы, что называется, подставить ножку...» [32], то с приездом Дондукова-Корсакова для войска Донского и его атамана, действительно, открывалась «новая жизнь».

А.А. Карасев в своей небольшой статье «Бунт на Дону» пишет о формировании двух противостоящих друг другу лагерей: первый, состоящий из более многочисленных сторонников Дондукова-Корсакова и второй – из находящихся в меньшинстве поддерживающих действующего атамана Хомутова, а также о росте слухов о будущем назначении князя войсковым атаманом [33]. Мобилизовать своих приверженцев Дондуков-Корсаков мог за счет эксплуатации идеи о коррупционном характере сложившейся системы управления, обсуждения наиболее актуальных проблем развития донского края и личного

активного участия в их разрешении. Так, темы для публичного порицания «темных» сторон деятельности войсковой администрации и отдельных лиц подбрасывала рукописная газета «Будильник», с 1860 г. распространявшаяся в Новочеркасске по почте [34]. Получив членство в войсковом статистическом комитете, Дондуков-Корсаков, склонный к литературной деятельности, мог теснее приобщиться к донской истории и войти в доверие к местным краоведам. Играя не последнюю роль в подготовке отмены крепостного права на Дону, Дондуков-Корсаков вынужден был внятно обозначить свою позицию по самому важному и болезненному вопросу для казачества – земельному. Находясь в январе 1861 г. в Петербурге, князь высказался на заседании Военного совета против предоставления донским помещикам права продажи своей земли иногородним [35]. Осознанно или не осознанно, но Дондуков-Корсаков уже тогда выступил против наметившейся тенденции изменения правительственной политики в отношении казачества [36].

Отголосок программы казачьих реформ, готовившейся в недрах Военного министерства, проявился в статье «По поводу открытия комитетов для пересмотра положений в казачьих войсках», помещенной в январской книжке «Военного сборника» за 1861 год. Ее автор – наказной атаман Уральского казачьего войска А.Д. Столыпин, скрывавшийся под псевдонимом «Ст.», допустил в статье такой весьма выразительный пассаж: «...если обстоятельства, родившие казачество, миновались, казачество должно пасть..., а то, что должно пасть, не следует поддерживать искусственными средствами. Донское войско есть аномалия, потому что расположено внутри Империи; оно же родилось от необходимости оберегать границы оной. Все эти выводы, на первый взгляд, кажутся логичными; скажу более: они, в последнее время, встретили много сторонников между почтенными специалистами в военном деле».

Поспешив отмежеваться от подобного мнения, А.Д. Столыпин, тем не менее, заявил, что «казачество нужно России не как сословие, а как оружие». Развивая эту идею далее, Столыпин предложил членам местных комитетов «проникнуться мыслью, что точно так, как *казачеству как оружию* местная национальность и иррегулярность – необходимые жизненные условия, *казачеству как сословию* – они вредны; гражданское управление казаками в противоположность от военного должно быть основано на научных истинах, на обще-человечных началах и на строгой регулярности» [37]. Несмотря на то, что правило «обязательной подписки («Военного сборника» – В.А.) для всех штабов, начиная со штабов отдельных батальонов» распространялось и на войско Донское [38], ведомственный журнал Военного министерства, не числился популярным среди периодических изданий, выписываемых в Новочеркасске частным путем [39]. Возможно, это обстоятельство, а также отсутствие на нач.1861 г. внятной программы казачьих реформ не дали донскому обществу информационного повода для активного обсуждения в течение почти всего «освободительного» года, по крайней мере, открыто и публично, озвученных Столыпиным радикальных идей или каких-либо других «провокационных» предложений. Слухи же, циркулирующие вокруг деятельности местного комитета по пересмотру войскового положения, открытого еще в феврале 1860 г., судя по всему, были весьма неопределенными [40]. Относительное «спокойствие» в Новочеркасском обществе в первой половине 1861 года констатировал и находящийся в это время в казачьей столице штаб-офицер для особых поручений при начальнике УИВ полковник И.Д. Попко, один из будущих архитекторов, а затем и активных популяризаторов казачьих реформ [41]. Между тем, 30 августа 1861 г. А.М. Дондуков-Корсаков получил чин генерал-лейтенанта. Как утверждает А.А. Карасев, повышение в звании произошло «в непопозное для казачьих наград время..., без всякого ходатайства со стороны атамана», вследствие чего «на Дону еще более укрепилось убеждение, что князь Дондуков делается Донским атаманом и, при том, очень скоро» [42]. Удобным предлогом для этого мог стать 50-летний юбилей офицерской службы М.Г. Хомутова, намеченный на август 1862 г.

В начале осени 1861 г. А.М. Дондуков-Корсаков гостил в имении своего отца в с. Глубокое Псковской губернии. Во время конной прогулки под ним неожиданно упала лошадь, сильно повредив ребра и внутренние органы Александра Михайловича. Сам князь это происшествие напрямую связывал с тем, что обычно называют «божьем провидением» [43]. В его воспоминаниях дальнейшие 4 месяца выглядели следующим образом: «сначала в деревне, а потом с трудом перевезенный в Петербург, я был постоянно между жизнью и

смертью... созданные на консилиум первые знаменитости Петербурга не допускали благоприятного исхода» [44]. И только «железная натура» князя и врачебное искусство семейного доктора помогли преодолеть болезнь. Однако именно в этот период появляется «Записка о войске Донском», адресованная военному министру Д.А. Милютину, подписанная А.М. Дондуковым-Корсаковым и датированная 3 декабря 1861 г. [45]. По собственному признанию автора записки, ее содержание привело его к скорой отставке и длительному перерыву в карьере [46]. Для казакоманского же движения записка превратится в своеобразный манифест. Впоследствии, озвученные в ней идеи, станут темами для печатных дискуссий и, возможно, устных дебатов, в которых детализировались и оттачивались «казакоманские» ценности и убеждения.

«Записка» начинается с небольшого вступления. В нем Дондуков-Корсаков отмечает, что «общие преобразования... отчасти должны коснуться и до казачьих войск империи», в связи с чем, у правительства должны быть «беспристрастные и правдивые данные», благодаря которым ему будет легче «угадать и удовлетворить насущные народные нужды». Собственно, для этого князь и составил записку, предупредив, что она содержит «слишком смелые выражения». Для «ясности изложения» Дондуков-Корсаков разделяет записку на три отдела: «основные начала казачества на Дону», «настоящие потребности войска Донского», «главные особенности войска Донского».

По его мнению, «главные начала казачества в Войске Донском основаны на трех существенных принципах: 1) на поземельном начале; 2) на замкнутости войска и 3) на выборном начале и других особенных правах самоуправления войска». Дондуков-Корсаков считает, что «все земли войска составляют войсковую собственность» в той или иной форме. И даже земли местных помещиков, находящиеся в их полной собственности, тем не менее, могут быть «отчуждаемы продажею только лицам войскового сословия». Несмотря на «странность и несовременность» такого порядка, князь оправдывает ограничение помещичьего права собственности следующим пассажем: «Автономия каждой страны несомненно основана на поземельном начале. Продажа земель иногородним ввела бы в войско новый, независимый от его учреждений, элемент, испестрила бы... карту Войска Донского владениями чуждых его сословию граждан». Сравнивая такое ограничение земельного права помещика с майоратом, Дондуков-Корсаков предлагает распространить его и на бывших крепостных донских крестьян, которые по завершению выкупной сделки получали бы право продавать свои земельные участки любому лицу, в том числе, иногороднему.

Принцип замкнутости, как считает князь, заключается «в запрещении выписываться из войска и свободно записываться в него». Констатируя существующую противоположность мнений «о несовременности, несообразности особой касты в государстве, Китайской стены и пр.», Дондуков-Корсаков утверждает, что «вся масса казачьего сословия твердо и упорно держится этого основного начала», за исключением лишь «некоторого числа молодого поколения помещиков и зажиточных казаков торгового общества». По мнению Дондукова-Корсакова, только Войско Донское, вместе с бывшим Черноморским, имеет свою «историю», «воспоминания» и «заслуги», которые позволяют казаку гордиться «своим военным значением». Более того, «как гражданин, каждый простой казак считает себя... несравненно выше всех прочих податных сословий России». Объяснение этому князь находит в существовании на Дону «выборного начала и других либеральных прав», в «материальном благосостоянии казака», в казачьей «любопытности и жажде образования», в знакомстве казаков в силу географии службы «с другими элементами жизни», в развитом у казака «чувстве личного достоинства и самостоятельности». В связи с этим Дондуков-Корсаков предупреждает, что «приписка нового иногороднего элемента, всегда будет встречена казаками с крайним неудовольствием, может даже быть и с гласным ропотом», а из-за, свойственного казакам, «недоверия и подозрительности» «подобная мера непременно заставит их опасаться за прочность существования самого войска и возбудит недоброжелательство к правительству».

«Выборное начало» Дондуков-Корсаков относит к «одному из существенных прав Войска Донского» и указывает на масштаб его распространения: от функционирования станичного круга до выборов чиновников Войскового Правления и даже окружных генералов, занимающихся исключительно военными вопросами. Затем, князь переходит к

перечислению других казачьих «прав» (ловля рыбы, добыча соли на Манычских озерах и т.д.), особо выделяя «главную привилегию» донского казачества – иметь «отдельную от государственной (казны – В.А.) войсковую казну и составлять собственный бюджет». После слов о том, что «три начала казачества на Дону» подтверждаются царскими грамотами «при вступлении каждого Императора на Престол», в которых «между прочим, упоминается о сохранении неприкосновенности земель и прочих преимуществ Донского войска», Дондуков-Корсаков подводит промежуточные итоги по первому отделу записки. Начинает он с констатации факта существования «в последнее время» в литературе и в сферах высшего управления «мысли быть или не быть казачеству». Затем с «сожалением» пишет о том, что многие предпринимаемые «правительственные меры не соответствовали цели сохранения казачества». Причины этого князь видит в «централизации в Петербурге, поглощающей все местные интересы и вопросы казачьих войск». Вновь упомянув о казачьем «раздражении» властными распоряжениями, Дондуков-Корсаков высказывает свое личное убеждение о «рановременности» и «опасности» «всякого изменения правительством основных начал войска», о невозможности «без некоторого риска, уничтожить в народе его исторические воспоминания, его вековые обычаи и преимущества, составляющие его гордость и благосостояние».

Второй отдел записки представляет собой список «потребностей» Войска Донского, удовлетворение которых, по мнению князя, будет встречено казаками «с глубоким чувством признательности». К таким потребностям Дондуков-Корсаков относит: 1) «распространение средств к образованию молодого казачьего поколения», т.к. медленное развитие этой сферы «рождает неосновательный слух, что правительство имеет цель приостанавливать образование казаков»; 2) строительство путей сообщения, в том числе, железных дорог; 3) повышение жалования войсковым чиновникам; 4) присвоение права выхода из казачьего сословия «воспитанникам специальных заведений» (видимо, Дондуков-Корсаков имел в виду высшие учебные заведения – В.А.), кроме закончивших курсы Артиллерийского училища; 5) уничтожение монополии местного торгового общества за счет допуска на Дон на определенных условиях иногородних, а также предоставления казакам торгового общества «гильдейских или других гражданских прав с избавлением... от военной зависимости». Две другие потребности князь изложил не в виде готового решения, а в качестве вопросов, требующих безотлагательного обсуждения, а именно: назначение офицерам Войска Донского «пожизненных поземельных участков»; положение льготных казаков по возвращении их со службы, а также подготовка казачьих «малолеток» к военной обязанности.

Третий заключительный отдел записки Дондуков-Корсаков начинает с упоминания вновь факта обладания Войском Донским «своей историей». Но теперь он акцент делает на том, что «воспоминания о прежней самобытности Донских казаков значительно изглажены многолетним слиянием их с Россией». После чего, ссылаясь на объем записки, князь оставляет эту тему и переходит к описанию донского дворянства, которое является «особенностью, не встречающейся в других казачьих войсках Империи». Дондуков-Корсаков разделяет местных дворян на две группы: родовые («самая образованная») и дворяне личные (казаки, получившие это звание с производством в офицерский чин). По его мнению, «гражданская связь, существовавшая между дворянами, офицерами и казаками» была нарушена переселением дворянских поместий на свободные войсковые земли, в Миусский и Донецкий округа. Эта мера «разрознила совершенно интересы сословий; вселила даже... неприязненные между ними отношения». Тем не менее, значительное большинство дворян родовых и все почти личные дворяне «твердо и крепко держаться принципа казачества» и только «меньшая часть дворянства... остается равнодушна к общим интересам массы». Однако, как считает князь, именно из «мнений этого меньшинства» в Петербурге и формируется «понятие о казаках и потребностях Войска».

Для Дондукова-Корсакова «географическое положение Донского края и род службы донских казаков» также являются «особенностью войска». Под географическим положением князь понимает внутренний, не пограничный статус ЗвД, который дает возможность «пользоваться всеми выгодами гражданской жизни». В тоже время принятый на Дону порядок формирования полков позволяет «по первому призыву правительства»

выставить требуемое количество военных частей. Дондуков-Корсаков не обходит вниманием и существующее мнение, «что донские казаки в армии не соответствуют своему назначению». Оно «отрицает даже неотъемлемые в них военные достоинства иррегулярной легкой кавалерии». Князь признает, что «воззрение это не лишено некоторой основательности...», но причины его видит в неправильном использовании армейским командованием донских казачьих полков, находящихся в их распоряжении.

В заключение записки, Дондуков-Корсаков делает упор на государственную пользу от использования донского казачества. По его словам, донские казаки это «огромный и неоцененный кавалерийский резерв с отличнейшею во всех отношениях артиллерией», формирование которого к тому же «ничего не стоит правительству». Князь считает, что власть должна ценить войско Донское особенно «в настоящее время более чем когда-либо» из-за «священной преданности донских казаков Государю».

Детальный источниковедческий анализ записки Дондукова-Корсакова требует специального исследования. В рамках нашей же темы ограничимся выделением тех знаковых смысловых акцентов, расставленных князем в записке, которые, как нам кажется, повлияли явно или опосредовано на дальнейшие события, а также на содержание публичных (печатных) дискуссий, развернувшихся в 1862–1863 гг. Это – войсковая собственность на землю, казачья замкнутость, обладание Войском Донским своей «историей», «воспоминаниями» и «заслугами», правительственная политика, «не соответствующая цели сохранения казачества», негативная казачья реакция на любые попытки изменения его статус-кво.

Что же подтолкнуло князя, вероятно, до конца еще не победившего болезнь, взяться за перо? Исторический контекст появления записки вкратце таков. На осень 1861 г. приходится бюрократическое проектирование основных положений будущей программы казачьих реформ. В общих чертах она сначала найдет отражение в известном высочайшем докладе Д.А. Милютина от 15 января 1862 г., а в окончательном и полном виде предстанет в уже упомянутых нами ранее министерских «соображениях», полученных войсковыми администрациями в сер. 1862 г. Согласно подготовленным в недрах Военного министерства документам, в казачьих войсках планировалось уделить большее внимание «гражданскому» развитию казачества, отменить для него обязательную военную службу, обеспечить юридическую основу для свободного входа и выхода из казачьего сословия, допустить в казачьих краях «личную поземельную собственность», в том числе и для иногородних, которым намечалось предоставить право свободного поселения в пределах казачьих территорий и пр. [47]. Однако сам по себе информационный фон или повод не раскрывает мотивов написания Дондуковым-Корсаковым записки, но объясняет осведомленность князя о векторе казачьей правительственной политики. По словам первого публикатора записки А.А. Карасева, напомним, современника событий, то ли «казакоманская волна увлекла князя на свою сторону, или же он до знакомства с нею, убедился в необходимости не касаться главных устоев существования Донских казаков; имела ли влияние на его убеждения какая-либо эгоистическая подкладка, – сказать трудно» [48]. Имеющийся на сегодня в нашем распоряжении круг источников также не позволяет уверенно ответить на вопрос: зачем понадобилось Дондукову-Корсакову, находившемуся почти в зените своей карьеры и ожидавшего атаманской должности, выступить, по сути, с критикой Военного министерства, ясно обозначив свою позицию по планируемым реформам. Возможно, темперамент и несдержанность в поступках, усугубленные болезнью, подтолкнули князя на опрометчивое, как оказалось, решение. Наличие излишней уверенности, что ему удастся убедить недавно вступившего в должность министра, к тому же такого же «кавказца», как и он, Д.А. Милютин пересмотреть принципы казачьей политики, а в случае неудачи списать свои идеи на болезнь, могли также мотивировать Дондукова-Корсакова на составление записки. К этому добавим предположение об ощущении князем туманных перспектив возвращения к активной административной жизни из-за полученной травмы в момент непосредственного написания записки, что в некоторой степени оправдывает ее критическое содержание. Нельзя также исключать и определенный сакральный смысл в появлении записки. Дондуков-Корсаков вполне мог взять на себя внутреннее обязательство, в случае выздоровления, в качестве благодарности вступить в защиту традиционных ценностей донского казачества, известных охранителей православия. На этом догадки вряд

ли кончатся, а впечатление, что во всем виновата лошадь, может вообще стать доминирующим. Но в нашем случае скорее важны не причины появления записки, а ее значение в последующих событиях. Известно, что Дондуков-Корсаков в личной беседе с Д.А. Милютиным обсудил предложения и «опасения», высказанные в записке [49]. Князь не только не нашел поддержки со стороны министра, но этот разговор стал отправной точкой в их дальнейшем идейном противостоянии в казачьем вопросе. Оправившись от болезни, Дондуков-Корсаков в нач. 1862 г. возвращается на Дон. По словам строителя Грушевской железной дороги, инженера В.А. Панаева, беспощадного критика Дондукова-Корсакова и апологета атамана М.Г. Хомутова, «секретная записка была переписана во многих экземплярах и распространена между простым казачеством, и там распространился слух, что казаков хотят обратить в государственных крестьян» [50]. Других источников, подтверждающих копирование и распространение записки, нами обнаружено не было. Ее публикатор А.А. Карасев ограничился утверждением, что «записка... есть отражение мыслей большинства тогдашнего донского населения» [51]. Однако факт наличия у него текста записки, абсолютно идентичного с оригинальным текстом, а также хранящаяся в Государственном архиве Ростовской области ее копия [52], косвенно, но, как нам кажется, довольно убедительно свидетельствуют, если не о широкой известности записки, то о неоднократном ее переписывании, уж точно [53]. Таким образом, можно предположить, что Дондуков-Корсаков осознав, что конфликт с военным министром может привести к негативным последствиям, например, затормозить продвижение по карьерной лестнице, решил доказать правильность своих мыслей. Легче всего это было бы сделать, эксплуатируя идею казачьего недовольства любыми изменениями своих «основ», рефреном звучащую в записке. Как первый шаг в этом направлении как раз и следует рассматривать возможное придание Дондуковым-Корсаковым огласки записки в надежде на предсказанную им реакцию.

«Правительство думает, что на Дону образовались какие-то партии...»

И реакция действительно наступила. Правда, князь предпочел ответственность за нее переложить на другие плечи. Вот как запечатлены события на Дону с июня 1862 по январь 1863 гг. в источниках личного происхождения, относящихся к Дондукову-Корсакову [54]. Одновременно с отъездом М.Г. Хомутова в Санкт-Петербург в Новочеркасск поступили министерские «соображения», содержащие общий план казачьих реформ. Здесь необходимо напомнить, что атаман уезжал в столицу на празднование своего 50-летнего юбилея военной службы, уже написав прошение о своей отставке, а попавший на Дон документ – это неоднократно упоминаемая нами программа казачьих преобразований. По мнению Дондукова-Корсакова, именно «соображения» вызвали в станицах «много толков», и казаки оказались «встревожены, что коснулись поземельного начала и выражена мысль о продаже иногородним войсковых земель». Князь принял решение на первых порах не придавать слухам «официального характера» и через окружные сыскные начальства, а также лично в Новочеркасске в частных разговорах «объяснять, что «соображения» написаны не для одного только войска Донского, и правительство желает блага войску». Сам же Дондуков-Корсаков как исполняющий обязанности в.н.а. подготовил обязательный ответ от лица местной администрации на предполагаемые в «соображениях» реформы. В этих заметках князь пошел на существенное отступление от ранее высказанных в записке идей, например, в части выхода из казачьего сословия, обязательности военной службы и особенно в земельном вопросе [55], таким образом, проявив некоторую «политическую» гибкость. Дондуков-Корсаков упоминает об обеде, данном в его честь в Новочеркасске, на котором присутствовало до 200 человек. О содержании всех речей, произнесенных во время застолья, князь сообщил М.Г. Хомутову, «чтобы не довели до Вас и до Санкт-Петербурга обстоятельства в искаженном виде». Как утверждает князь, свою ответную речь он закончил следующим пассажем: «Пусть доверие Ваше к Государю послужит Вам лучшим ручательством, что правительство имеет в виду одно благо Ваше. Если возбужденные Министерством вопросы могли потревожить Вас, то предоставлено Вам же самим обсудить их». К этому добавим, что такие слова без всяких объяснений со стороны князя ясно указывают на реальное содержание и градус, ведущихся за столом бесед, подогретых, как и бывает положено в таких случаях, горячительными напитками. В середине августа Дондуков-Корсаков констатирует ширящиеся «толки и слухи» и массовую инициативу

«довести каким-либо законным и ускоренным путем до сведения правительства свои пожелания». По этому поводу к князю специально приезжал из Старочеркаска отец Григорий Левицкий (Левитский), влиятельный и авторитетный священник, настоятель (протоирей) Воскресенского собора [56]. Он сообщил Дондукову-Корсакову о беспокойствах в станицах. Вероятно, результатом беседы стало следующее княжеское предложение, переданное Хомутову: «по случаю 1000-летия России... дать рескрипт войску Донскому и в нем упомянуть о сохранении поземельного начала». 30 августа М.Г. Хомутов получил отставку с одновременным производством в члены Государственного совета. Только 12 сентября войсковым наказным атаманом был назначен 72-летний герой Кавказской войны с декабристским прошлым генерал-адъютант П.Х. Граббе. Это назначение, по мнению Дондукова-Корсакова, «успокоило умы» на Дону. Осенью 1862 г. Военным министерством был поставлен вопрос о смене начальника штаба войска Донского. Дондукову-Корсакову предложили должность начальника 4-й кавалерийской дивизии. Однако он отказался ее занимать и написал рапорт об отставке, которую Александр II заменил на бессрочный отпуск. В конфиденциальном письме к Д.А. Милютину князь еще раз упрекнул министра в «ошибочности видения самого (донского) дела», а отставку объяснил «неодобрением» со стороны Милютина своих действий. 16 февраля 1863 г. Дондуков-Корсаков покинул Донскую землю в сопровождении генерал-адъютанта графа Ф.В. Орлова-Денисова, ранее присланного в Новочеркасск специально для наблюдения за отъездом князя [57].

Содержание, изложенных Дондуковым-Корсаковым событий, в интерпретации виновника его отставки военного министра, выглядит несколько иначе. В своих воспоминаниях за 1860–1862 гг., составленных в нач. 1880-х гг., Д.А. Милютин писал: «Заискывая популярности в среде казаков, князь образовал около себя партию, которая, под видом охранения старинных казачьих привилегий и обычаев, оказывала сопротивление всем предпринимаемым Военным министерством нововведениям. Все, что клонилось к развитию в Донской области гражданственности, промышленности, к сближению административного устройства с общими учреждениями государственными, - встречало на Дону оппозицию. Начальник штаба вместо разъяснения настоящих целей нововведений, вместо содействия приведению их в исполнение, сам громче всех порицал получаемые из Петербурга распоряжения и возбуждал между казаками превратные толки о воображаемых намерениях правительства вести к уничтожению казачества» [58].

Упомянутый нами инженер-путеец В.А. Панаев в своих записках, также написанных гораздо позже 60-х гг. XIX в., раскрывает иные грани дондуковского рассказа. Так, по его мнению, адъютанты и чиновники для особых поручений, разосланные Дондуковым-Корсаковым по войску для успокоения, «впрочем, не волновавшегося казачества..., главным образом и разнесли то, чего простое казачество не могло и знать». После отъезда Хомутова к Дондукову-Корсакову потянулись депутации от станиц. Принимал князь их торжественно, по воскресеньям «объявляя им, чтобы они были покойны и что, пока он будет на Дону, не допустит преобразований, а на другой день доносил об этих депутациях, говоря, что он успокаивает их». В изложении Панаева, обедов в честь Дондукова-Корсакова было дано два. На первом, еще до представления Граббе, князь заявил, что если не будет назначен атаманом, то не останется начальником штаба. Второй обед был дан накануне приезда нового атамана для того, чтобы князь «имел приличный повод отказаться от своих слов». Граббе, оказавшись на Дону, по словам Панаева, сразу же попал под «вредное влияние» Дондукова-Корсакова [59].

И Милютин, и Панаев, вспоминая о событиях нач. 1860-х гг. на Дону, имели весьма пристрастный взгляд на роль и деятельность Дондукова-Корсакова. Над Панаевым довели дружеские отношения с Хомутовым и его убежденность в том, что на Дондукове-Корсакове лежит персональная ответственность за возникающие из-за казачьего недовольства проблемы в строительстве железной дороги [60]. Милютин в своем изложении, помимо памяти, которая весьма вероятно вмещала в себя устные свидетельства различных информаторов (в том числе, и Панаева) о положении дел на Дону, однозначно основывался на документах, поступавших в Военное министерство и отложившихся в его личном архиве. В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в фонде Д.А. Милютина хранятся документы непосредственных очевидцев донских событий нач. 1860-х гг.

Почти нет сомнений, что среди источников мемуарного вдохновения министра были находящиеся в фонде – записка Н.В. Мезенцева и письмо донского уроженца С.С. Робуша к М.Г. Хомутову.

Будущий шеф жандармов флигель-адъютант императора полковник Н.В. Мезенцев оказался на Дону в нач. 1863 г. по Высочайшему повелению для надзора над ходом рекрутского набора среди местного крестьянского населения. Этот формальный повод скрывал истинные причины нахождения Мезенцева на Дону – прощупывание настроения донского общества, проверка его лояльности престолу. Важность миссии полковника еще более возросла на фоне поднявшегося 10 (22) января 1863 г. восстания в Польше. В записке, составленной Мезенцевым в Новочеркасске 1 марта 1863 г., подводятся промежуточные итоги его почти двухмесячных наблюдений. По мнению Мезенцева, присланные на Дон министерские соображения, «разделили мыслящее донское население на 2 партии». Первая партия имеет большое количество сторонников. Ее приверженцы «образованы», но обладают «односторонним взглядом», исповедуя «замкнутость» войска. Этой партии «сочувствуют в староверческом многочисленном населении, доказательством коего могут служить, хотя незначительные, но бывшие прошедшим летом в некоторых станицах волнения». Мезенцев констатирует, что «слабое брожение умов продолжается» из-за общего духа недоверия, усугубленного «действиями одного известного административного лица» (здесь, неизвестный читатель записки, возможно, Милютин, карандашом дописал: «Дон-Кор» - В.А.). Далее в записке утверждается, что правительственные распоряжения вызывают, «если не порицание, то критику, принимающую даже характер оппозиции, самым крайним проявлением которой суть мечтания некоторых горячих молодых голов об автономии Донского края». К числу таких оппонентов Мезенцев отнес и некоторых землевладельцев, «сожалеющих об утраченном произволе, вследствие крестьянской реформы». Другая партия, по словам Мезенцева, «малочисленна и не представляет общественного мнения». Ее члены поддерживают мероприятия правительства, направленные «на увеличение богатства края в нравственном и материальном отношениях», но не верят в успех его «инициатив в расширении прав гражданских». В целом, заключает Мезенцев, казачество «верноподданнически любит Государя», а «относительно либеральных противоправительственных идей, то в Донском крае нравственная почва неудобна к их развитию» [61].

Письмо С.С. Робуша – директора народных училищ ЗвД – к уже бывшему атаману датируется 8 февраля 1863 года. Одновременно в нем можно увидеть и донос, и оправдание, и беспокойство за положение дел в крае:

«Правительство думает, что на Дону образовались какие-то партии: их здесь нет; есть только ничтожная партия дундукова (так в тексте – В.А.), которая осмеливается в Донских ведомостях развивать идеи своего покровителя. В четвертом номере этих ведомостей помещена статья ...ова, весьма оскорбительная для иногородних; в статье этой есть целые выражения Дундуковские. Сами донцы оскорбились этою статьей, которая действительно может дать повод Правительству думать, что на Дону неспокойно. Хотя я далек от всех здешних вопросов, но я знаю, подобного рода статьи могут иметь неблагоприятное действие в неразвитом классе, а потому я просил бы Ваше Высокопревосходительство посоветовать бы кому-нибудь, чтобы донские ведомости издавались более осмотрительно» [62].

Содержание данных документов, несомненно, было известно и другим представителям военных, придворных и пр. кругов высшего столичного общества. О чем «правительство думает» по поводу донских событий и как эти мысли соотносятся с местным взглядом на происходящее, отметил в своих записках Ф.А. Оом, наставник и «дорожный секретарь» цесаревича Николая Александровича, который также как и Бабст с Победоносцевым, сопровождал наследника в его путешествии по России в 1863 г. Ф.А. Оом писал, что из-за польского восстания: «...слухи до нас доходившие были весьма тревожны. Опасались войны... В тоже время говорилось в Петербурге также о стремлении Донских казаков к автономии и даже независимости. В Новочеркасске же услышали мы совсем иное. Все казаки твердили в один голос, что это клевета, что слух этот был поднят и распространен лицом, которое для приобретения большего веса в столице и в глазах Государя, и для скорейшего достижения цели, т.е. назначения наказным атаманом, сбивал с толку казаков, обнадеживая их разными инсинуациями и в тоже время доносил в Петербург о мнимых

волнениях в населении ЗвД и предлагал советы свои для успокоения умов. Это был бывший начальник штаба войска... Но его отозвали в Петербург, и все толки улеглись при начальнике, каков был генерал Граббе...» [63].

Николай Александрович находился на Дону 10 дней. За это время Бабст, Победоносцев и Оом, в силу возложенных на них поручений и обязанностей, общались со многими местными должностными, и не только, лицами. Среди «твердящих в один голос», возможно, был и С.С. Робуш. Наследник престола почти целый день (10 августа) выделил для посещения образовательных учреждений Новочеркасска [64], а С.С. Робуш как директор народных училищ вряд ли упустил шанс лично засвидетельствовать свое почтение высочайшей особе и его спутникам. И уж совершенно точно, в числе тех, с кем плотно познакомилась путешествуя, находился инженер В.А. Панаев. И если Оома, в первую очередь, поразили маленькие дочери-красавицы Панаева [65], то на Бабста и Победоносцева большое впечатление произвели беседы «со строителями Грушевской железной дороги», которые «остались в памяти нашей надолго». Итогом таких бесед стало их оценочное суждение о противниках железной дороги как о «партии, противодействующей всем реформам и нововведениям... и, к сожалению пустившей на Дону корни, породе дешевых либералов, кричащих о самоуправлении, о каком-то федеративном начале, всякого иногородца называющих сипою и т.д., и думающих, что тогда только и будет благо на Дону, когда последний иногородний оставит Дон» [66].

Среди «голосов» очевидцев и воспоминаний современников, в целом выставяющих Дондукова-Корсакова в невыгодном свете и, вероятно, предвзятых, только статья А. Карасева «Бунт на Дону» (1900 г.), пожалуй, отражает как бы взгляд изнутри, взгляд, если не сторонника князя, то лица, прямо причисляющего себя к «казакоманам». По версии Карасева, изложенной спустя почти 40 лет, события 1862–1863 гг. выглядят следующим образом.

Уже с начала 1862 г. в Новочеркасске «громко трактовали об ожидаемом нарушении казачьих привилегий». Здесь напомним, что именно в этот период Дондуков-Корсаков возвращается на Дон и, возможно, распространяет свою «Записку о войске Донском». Далее, Карасев утверждает, что местное общество разделилось на две партии: первая по численности – партия «казакоманов», с примкнувшей к ней «молодой интеллигенцией», вторая – выступала «за казачье раскрепощение и за уничтожение «китайской стены», охранявшей донское войско от вторжения туда иногороднего элемента». Главная же идея «казакоманской» партии, по мнению Карасева, заключалась в оценке обязательной казачьей службы за свой счет как привилегии, а ее уничтожение рассматривалось как «попрание исторических прав народа». При этом войсковые ведомости стали своеобразным рупором «казакоманов», которые принялись на его страницах «с яростью» защищать традиционные ценности казачества. Карасев признается, что не помнит, когда именно на Дон поступили министерские «соображения». Кроме того, лично он «соображения» «никогда не читал, но слышал от других», что намечается «значительную часть казачьего сословия, чуть ли не половину, обратить в «гражданское» состояние». Планы Военного министерства вызвали «необыкновенный гвалт в среде «казакоманов», «загальдели» и в станицах. Как считает Карасев, Дондуков-Корсаков полностью разделил мнение «казакоманов». В отправленном в министерство ответе на «соображения», уже после отъезда М.Г. Хомутова в Санкт-Петербург, Дондуков-Корсаков предупредил власти о том, что на Дону проект предполагаемых реформ встречен «очень неприветливо», в нем видят нарушение казачьих прав и привилегий, а сам князь предпринял все меры для упокоения донского населения. Карасев предположил, что ответ Дондукова-Корсакова был передан на заключение Хомутова, а т.к. у последнего были «старые счеты» с князем, то «он поспешил наложить руку на этот ответ, выставив его, как интригу против министерства, как угрозу правительству бунтом в крае... И дело князя Дондукова пошатнулось». Прибывший на Дон новый атаман П.Х. Граббе почти сразу попал под «чары» князя и «стал смотреть на дела его глазами». Несмотря на то, что осенью 1862 г. был получен приказ о зачислении Дондукова-Корсакова в армейскую кавалерию, «местные правящие умы» решили, что князь должен исполнять обязанности начальника штаба до назначения на его место нового лица. Это позволило князю продолжить подписывать многие официальные документы, в том числе, отправляемые и в Военное министерство. Как пишет, затем, Карасев: «В след за

удивлением в Петербурге, как рассказывали в то время, последовало опасение, что князь, пользуясь слабостью атамана и опираясь на «казакоманов» и всех тех, кто враждебно смотрел на проект о «гражданских» казаках, решился не слушать приказаний свыше и поднять на Дону тревогу, взбунтовать население в ту пору, когда польское восстание еще не было подавлено, а влиятельные русские газеты заговорили о стремлении русских окраин к «сепаратизму». Бывший атаман Хомутов, вероятно, не противоречил такому мнению» [67].

Собственно этим «опасением» и был обусловлено появление на Дону Орлова-Денисова, которого обязали наблюдать за немедленным отъездом Дондукова-Корсакова из ЗвД.

Употребление Карасевым фразы «как рассказывали... князь... решился... поднять на Дону тревогу, взбунтовать население» делает его статью эксклюзивной на начало XX в. и одновременно ставит, по крайней мере, два исследовательских вопроса: так ли это и способен ли был Дондуков-Корсаков «взбунтовать население». Что касается первого вопроса, то, казалось бы, со всей очевидностью можно усомниться в осведомленности, тогда 29-летнего провинциального чиновника Карасева со сплетнями и слухами, циркулирующими в столичных кругах, в их первоизданном, так сказать, виде; а саму фразу, списать на творческую фантазию уже 66-летнего, и теперь маститого донского журналиста и общественного деятеля Карасева, являвшегося на рубеже XIX-XX вв., по признанию многих, «живой летописью края, его энциклопедией». Тем более, что основой для отсылки к слухам 1862–1863 гг. могло стать расширительное или вольное истолкование Карасевым слов Оома («говорилось в Петербурге также о стремлении Донских казаков к автономии и даже независимости»), которые вполне могли врезаться в его память, после прочтения записок Оома, опубликованных в 1896 г. С чем не мог быть знаком Карасев в момент написания своей статьи, так это с мемуарами А.И. Дельвига, издававшимися с 1912 г. В них А.И. Дельвиг, в 60-х гг. XIX в. главный инспектор и начальник железных дорог России, упоминает о своей поездке в ЗвД в 1863 г. по просьбе Д.А. Милютина для решения конфликтных ситуаций между казаками и железнодорожниками. Как утверждает Дельвиг, в его личной беседе с Милютиным последний допустил такое выражение: «...не посылать же войска для усмирения казаков особливо в то время, когда от них требуется присылка полков для усмирения царства Польского и наших западных губерний» [68]. Но главное, Дельвиг указывает на теплые и дружеские отношения Панаева и Хомутова, а также на критические замечания Граббе в адрес строительства железной дороги, «внушенные» ему Дондуковым-Корсаковым. Обо всем этом Дельвиг узнал из бесед с Панаевым, который к тому же полагал, что «меры Дондукова могли иметь последствием восстание казаков» [69]. Таким образом, если свести воедино подозрения Карасева в сторону Хомутова и его действий против Дондукова-Корсакова с неоднократными «антидондуковскими» высказываниями Панаева, являвшегося для многих важным источником информации о происходящем на Дону, и скрепить все это искренней и неподдельной дружбой бывшего атамана и инженера, то вполне можно выдвинуть следующее предположение. Именно Хомутов и Панаев стояли за слухами и интригами в Петербурге против Дондукова-Корсакова, каждый по своим причинам желая его удаления с Дона, при этом находя поддержку у военного министра Милютина. Ответ на второй вопрос будет еще более гипотетичным. Как нам представляется, Дондукову-Корсакову после неудачи с декабрьской запиской 1861 г. было выгодно создать впечатление об угрозе беспорядков на Дону, в тоже время, выдавая себя за знатока местной специфики, способного удержать контроль над ситуацией. Князь, вероятно, надеялся так разыграть «казакоманскую» карту, чтобы результат от рискованной партии достался ему в виде атаманской должности. Несмотря на отсутствие достоверных свидетельств в пользу нашей убежденности в разыгрывании Дондуковым-Корсаковым «казакоманской» карты в своих интересах, мы, опираясь на косвенные данные, все же считаем возможным настаивать именно на таком варианте событий. Так, упомянутое нами ранее мнение генерала П.Д. Зотова о способностях Дондукова-Корсакова «интриговать» и вести закулисную борьбу подтверждается другими источниками. В нач. XX в. П.Н. Милюков, исследуя деятельность Дондукова-Корсакова в качестве императорского российского комиссара в Болгарии в 1879–1880 гг., утверждал, что князь «сам имел весьма определенные виды на болгарский престол и делал все, чтобы заслужить себе широкую популярность и подготовить, таким образом, свое избрание». Правда, другой известный специалист по русско-турецкой войне 1877–

1878 гг. Н.Р. Овсяный с такой оценкой роли Дондукова-Корсакова в послевоенном устройстве Болгарии был категорически не согласен [70]. Современный российский историк А.А. Миллер, анализируя отношение Дондукова-Корсакова как генерал-губернатора Юго-Западного края к «украинофильству», пришел к убедительным выводам о том, что Дондуков-Корсаков вел тонкую политическую игру с украинофилами, имея свое видение роли и значения этого движения, отчасти несовпадающее с доминирующим правительственным взглядом на «украинофильство» [71].

Что касается донской, почти карточной «партии» Дондукова-Корсакова, то значительная роль в ней отводилась местной печати, в лице единственной официальной газеты «Донские войсковые ведомости» и неофициальной – «Будильник». В октябре 1862 г. Дондуков-Корсаков подает в Военное министерство рапорт с проектом нового положения и штатами редакции газеты и войсковой типографии. Князь просил увеличить материальные средства, выделяемые газете, а также «расширить программу ведомостей за счет статей литературного содержания, касающихся военного и домашнего быта казаков» [72]. Дондуков-Корсаков аргументировал свою просьбу тем, что, по его мнению, «Донской край, по особенностям своей истории, своих учреждений, нравов и обычаев народных, вовсе не похож на остальные области или губернии Империи и потому газета, долженствующая отражать все эти особенности..., не может быть стеснена рамками губернских ведомостей» [73]. Появление рапорта в октябре 1862 г. после поражения Дондукова-Корсакова в борьбе за атаманство и на фоне уже всюду ведущихся дискуссий на страницах ведомостей и даже центральных изданий между сторонниками и противниками казачьих преобразований выглядит, на первый взгляд, как некая благодарность напоследок со стороны князя местному пишущему сообществу, часть которого публично разделила и поддержала его идеи, высказанные в «Записке о Войске Донском». Таким образом, мы переходим к решению второй задачи статьи - анализу печатной полемики, развернувшейся преимущественно в донских ведомостях по актуальным вопросам казачьей жизни и планируемым реформам в 1860-х гг., для уточнения идейной основы «казакоманства» и определения его характера.

Вернувшись к вопросу об оценке роли Дондукова-Корсакова в «пробуждении» Дона, в образовании «партий» и общественной активности нач. 1860-х гг. заметим, что рассмотренные нами источники могут показаться не столь убедительными, для того чтобы закрыть его окончательно. Однако мы все же считаем, что эта роль была значительна и в этом смысле присоединяемся к точке зрения Оома [74] и Карасева [75], которые напрямую увязывали умиротворение казачества с удалением князя с Донской земли. Как утверждал А.А. Карасев, с отъездом князя «собственно говоря, и окончился бунт на Дону». А сам отъезд настолько колоритен в карасевском описании, что достоин обильного цитирования:

«...весь Новочеркасск собрался к его (Дондукова-Корсакова – В.А.) квартире на проводы. Около 50 саней перегородили всю Атаманскую улицу близ Александровского сада, у дома Ломовцова. Когда, после легкой закуски и выпивки, провожавшие стали выходить из квартиры князя, чтобы усаживаться в свои сани, только тогда граф Орлов-Денисов, все время дожидавшийся в экипаже... выезда князя, пустился вперед, по направлению к Москве, не оставляя князя позади себя более чем на одну почтовую станцию. Вереница саней двинулась за Дондуковым из Новочеркасска до первой, Кадамовской, почтовой станции, где ожидал всех прощальный завтрак. Вина: донские разных сортов и названий, шампанское, венгерское и любимое князем кахетинское, вскоре образовали опьяневшую компанию, кричавшую разные приветствия отъезжающему сотней голосов. Объятиям и поцелуям не было конца. Наконец, после долгих затруднений, растались... Как теперь вижу группы пассажиров, совместно с которыми я возвращался с Кадамовской станции: одни, раскачиваясь в санях, плакали, другие, в слезах, причитывали словно по умершем, третьи преодолеваемые тошнотой, выливали на дорогу то, что было сверх меры выпито на проводах, четвертые кричали во все горло на ямщиков и лошадей, требуя от распорядителей вина, чтобы погладить и без того уже выглаженную дорогу отъехавшему начальнику. Мне много раз приходилось в жизни присутствовать при овациях и чествованиях разных лиц, но никогда не видел я такой степени воодушевления, непритворного горя и искренней привязанности, какие были во время проводов князя Дондукова» [76].

Примечания:

1. Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма. СПб., 2013.
2. Маркедонов С.М. Зарождение и эволюция казачьего национализма // Межнациональные отношения сегодня. Ростов-н/Д., Тбилиси, 1996. С. 76–83.
3. Мининков Н.А. Практики историописания и зарождение исторической науки в культуре Дона первой половины XIX века // Терминология исторической науки. Историописание. М., 2010. С. 266–285
4. Коршиков Н.С. «Литературные собрания» Сухорукова. Публикация А. И. Агафонова // Донской временник. 2005. Ростов-на-Дону, 2004. С. 31–37.
5. Краснов И. Беспоместные и мелкопоместные чиновники Войска Донского // Русский вестник. 1865. № 58. С. 340–341.
6. Краснов И. По вопросу об образовании офицеров Донских полков // Военный сборник. 1866. № 4. С. 309–316.
7. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 200. Л.10 об.
8. Савелов Л. М. Донские дворянские роды. М., 1902. Вып. 1. С. 77–78.
9. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. С. 402.
10. К. Несколько слов о донских казаках и их образованности // Русский инвалид. 1860. № 77 (12 апреля).
11. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России... С. 403.
12. Чеботарев А.П. Дон и донцы в прежнее и настоящее время 1851 и 1877 гг. // Русская старина. 1879. Т. 25. С. 179.
13. Робуш С. О народном образовании в войске Донском // Труды донского войскового статистического комитета. Новочеркасск, 1867. Вып. 1. С. 128–130.
14. Внутренние известия. Новочеркасск // Русский инвалид. 1861. № 68. (25 марта).
15. Карасев А.А. Бунт на Дону в 1862–1863 годах // Исторический вестник. 1900. № 80. С. 167.
16. Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ» (1860–1870-е гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, 2014. Т. 16. № 3. С. 16–17.
17. Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. М., 1864. С. 526–528.
18. Геллер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. М., 2002. С. 190.
19. Воспоминания генерал-фельдмаршала гр. Д.А. Милютина. 1860–1862. М., 1999. С.377.
20. Мои воспоминания. 1840–1844 гг. Князя Дондукова-Корсакова // Старина и новизна. СПб., 1902. Кн.5. С.205.
21. Воспоминания В.А. Панаева // Русская старина. 1902. Т. 112. Вып. 10–12. С.533.
22. Из воспоминаний князя А.М. Дондукова-Корсакова // Старина и новизна. СПб., 1904. Кн. 7. С. 9–10.
23. Мои воспоминания. 1840–1844 гг. Князя Дондукова-Корсакова // Старина и новизна. СПб., 1902. Кн. 5. С. 166, 191–192.
24. Карасев А.А. Бунт на Дону в 1862–1863 годах... С. 168.
25. Воспоминания В.А. Панаева // Русская старина. 1902. Т. 111. Вып. 7–9. С. 560.
26. Воспоминания генерал-фельдмаршала гр. Д.А. Милютина. 1868 – начало 1873. М., 2006. С. 149.
27. Карасев А.А. Записка князя А.М. Дондукова-Корсакова о Земле войска Донского // Русский архив. 1896. Т. 91. С. 569.
28. Род князей Дондуковых Корсаковых. Тифлис, 1886.
29. Рыблова М.А. Образы «своих» и «чужих» в процессах социокультурных трансформаций на Дону // Материалы Фелицинских чтений 2007 г. Краснодар, 2007. С. 9–15.
30. Мои воспоминания. 1840–1844 гг. Князя Дондукова-Корсакова // Старина и новизна. СПб., 1902. Кн. 5. С. 161.
31. Дюма А. Кавказ. Тбилиси, 1988. С.133, 165 и др.
32. Муханов В.М. наброски к портрету генерала Н.И. Евдокимова // Кавказский сборник. Т. 5 (37). М., 2008. С. 156.
33. Карасев А.А. Бунт на Дону... С. 167–174.
34. А.К. Фельетон. Михаил Григорьевич Хомутов (воспоминания) // Приазовский край. 1893. № 300.
35. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 932. Оп. 1. Д. 470. Л. 32.
36. Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ»... С. 13–14.

37. Ст. По поводу открытия комитетов для пересмотра положений в казачьих войсках// Военный сборник. 1861. № 1. С. 202–203, 207.
38. Военный сборник. 1863. № 9. С. 1–4.
39. Королев В.Н. Библиотеки и чтение на Дону до 1861 г. // Донской временник, 2003. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m16/1/art.aspx?art_id=280 (дата обращения: 12.01.2015).
40. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1499. Л. 24–25.
41. Государственный архив Ставропольского края (далее–ГАСК). Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 187об.
42. Карасев А.А. Записка князя А.М. Дондукова-Корсакова о Земле войска Донского... С. 570.
43. Мои воспоминания. 1840–1844 гг. Князя Дондукова-Корсакова // Старина и новизна. СПб., 1902. Кн. 5. С. 192–193
44. Там же. С. 193.
45. РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 115. Лл. 2–29.
46. Там же. Л. 1.
47. Волвенко А.А. Программа гражданского курса Военного министерства в отношении казачьих войск (1860-е гг. // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого). Ростов н/Д., 2014. С. 73–79.
48. Карасев А.А. Записка князя А.М. Дондукова-Корсакова о Земле войска Донского... С. 570.
49. РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 121. Л. 2.
50. Воспоминания В.А. Панаева // Русская старина. 1903. Т. 113. Вып. 1–3. С. 149.
51. Карасев А.А. Записка князя А.М. Дондукова-Корсакова о Земле войска Донского... С. 571.
52. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 955. Лл. 65об.–82об.
53. Сватиков С.Г. Россия и Дон. 1549–1917. Белград, 1924. С. 342, 344–345.
54. РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 113, 119, 121, 470.
55. Там же. Ф. 932. Оп. 1. Д. 113. Л. 7–14об.
56. Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. 10. С. 146.
57. Донские войсковые ведомости. 1863. № 9.
58. Милютин Д.А. Воспоминания. 1860–1862. М., 1999. С. 376–377.
59. Воспоминания В.А. Панаева // Русская старина. 1903. Т. 113. Вып. 1–3. С. 149–150.
60. Воспоминания В.А. Панаева // Русская старина. 1902. Т. 112. Вып. 10–12. С. 544–545.
61. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее–ОР РГБ). Ф. 169. Карт. 62. Ед. х. 32. Лл. 29–32.
62. Там же. Л. 28–28об.
63. Воспоминания Федора Адольфовича Оома // Русский архив. 1896. Кн. 2. С. 446.
64. Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма... С. 510–521.
65. Воспоминания Федора Адольфовича Оома... С. 446.
66. Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма... С. 542, 544.
67. Карасев А.А. Бунт на Дону в 1862–1863 годах.... С. 170-171.
68. Полвека русской жизни. Воспоминания А.И. Дельвига. 1820–1870. М., 1935. Т. 2. С. 214.
69. Там же. С. 218
70. Овсяный Н.Р. Русское управление в Болгарии в 1877–78–79 гг. СПб., 1906. Ч. 2. С. 155–161.
71. Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб., 2001. С. 156, 157, 160 и т.д.
72. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 30. Оп. 6. Д. 148. Л. 3–3об.
73. Там же.
74. Воспоминания Федора Адольфовича Оома... С. 446.
75. Карасев А.А. Бунт на Дону... С. 172.
76. Там же.

References:

1. Kornienko B.S. Pravyi Don: kazaki i ideologiya natsionalizma. SPb., 2013.
2. Markedonov S.M. Zarozhdenie i evolyutsiya kazach'ego natsionalizma // Mezhnatsional'nye otnosheniya segodnya. Rostov-n/D., Tbilisi, 1996. S. 76-83.
3. Mininkov N.A. Praktiki istoriopisaniya i zarozhdenie istoricheskoi nauki v kul'ture Dona pervoi poloviny XIX veka // Terminologiya istoricheskoi nauki. Istoriopisaniye. M., 2010. S.266-285
4. Korshikov N.S. «Literaturnye sobraniya» Sukhorukova. Publikatsiya A. I. Agafonova // Donskoy vremennik. 2005. Rostov-na-Donu, 2004. S. 31-37.
5. Krasnov I. Bepomestnye i melkopomestnye chinovniki Voyska Donskogo// Russkiy vestnik, 1865. №58. S. 340-341.

6. Krasnov I. Po voprosu ob obrazovanii ofitserov Donskikh polkov // Voennyi sbornik, 1866. №4. S. 309-316.
7. Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti (dalee - GARO). F.55. Op.1. D.200. L.100b.
8. Savelov L. M. Donskie dvoryanskie rody. M., 1902. Vyp.1. S. 77-78.
9. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo Shtaba. Zemlya voiska Donskogo. SPb., 1863. S.402.
10. K. Neskol'ko slov o donskikh kazakakh i ikh obrazovannosti// Russkii invalid, 1860. №77 (12 aprelya).
11. Krasnov N.I. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii... S. 403
12. Chebotarev A.P. Don i dontsy v prezhnee i nastoyashchee vremya 1851 i 1877 gg. // Russkaya starina, 1879. T.25. S. 179.
13. Robush S. O narodnom obrazovanii v voyske Donskom // Trudy donskogo voyskovogo statisticheskogo komiteta. Novocherkassk, 1867. Vyp.1. S. 128-130
14. Vnutrennie izvestiya. Novocherkassk // Russkii invalid, 1861. №68. (25 marta)
15. Karasev A.A. Bunt na Donu v 1862-1863 godakh // Istoricheskii vestnik, 1900. №80. S. 167
16. Volvenko A.A. Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoy politike epokhi «Velikikh reform» (1860-1870-e gg.) // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoi akademii nauk, 2014. T. 16. №3. S. 16-17.
17. Pis'ma o puteshestvii gosudarya naslednika tsesarevicha po Rossii ot Peterburga do Kryma. M., 1864. S.526-528
18. Gellner E. Prishestvie natsionalizma. Mify natsii i klassa// Natsii i natsionalizm. M., 2002. S.190.
19. Vospominaniya general-fel'dmarshala gr. D.A. Milyutina. 1860-1862. M., 1999. S.377.
20. Moi vospominaniya. 1840-1844 gg. Knyazya Dondukova-Korsakova // Starina i novizna. SPb., 1902. Kn.5. S. 205.
21. Vospominaniya V.A. Panaeva // Russkaya starina, 1902. T.112. Vyp.10-12. S. 533.
22. Iz vospominanii knyazya A.M. Dondukova-Korsakova // Starina i novizna. SPb., 1904. Kn.7. S. 9-10.
23. Moi vospominaniya. 1840-1844 gg. Knyazya Dondukova-Korsakova // Starina i novizna. SPb., 1902. Kn.5. S. 166, 191-192.
24. Karasev A.A. Bunt na Donu v 1862-1863 godakh... S.168.
25. Vospominaniya V.A. Panaeva // Russkaya starina, 1902. T.111. Vyp. 7-9. S.560
26. Vospominaniya general-fel'dmarshala gr. D.A. Milyutina. 1868 – nachalo 1873. M., 2006. S.149.
27. Karasev A.A. Zapiska knyazya A.M. Dondukova-Korsakova o Zemle voiska Donskogo // Russkii arkhiv, 1896. T.91. S. 569.
28. Rod knyazei Dondukovykh Korsakovykh. Tiflis, 1886.
29. Ryblova M.A. Obrazy «svoikh» i «chuzhikh» v protsessakh sotsiokul'turnykh transformatsii na Donu // Materialy Felitsinskikh chtenii 2007 g. Krasnodar, 2007. C. 9-15.
30. Moi vospominaniya. 1840-1844 gg. Knyazya Dondukova-Korsakova // Starina i novizna. SPb., 1902. Kn.5. S.161.
31. Dyuma A. Kavkaz. Tbilisi, 1988. S. 133, 165 i dr.
32. Mukhanov V.M. Nabroski k portretu generala N.I. Evdokimova // Kavkazskii sbornik. T.5 (37). M., 2008. S. 156.
33. Karasev A.A. Bunt na Donu... S. 167-174
34. A.K. Fel'yeton. Mikhail Grigor'yevich Khomutov (vospominaniya) // Priazovskii kray, 1893. №300.
35. Rossiyskiy gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (dalee - RGIA). F.932. Op.1. D. 470. L.32.
36. Volvenko A.A. Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoy politike epokhi «Velikikh reform»... S. 13-14.
37. St. Po povodu otkrytiya komitetov dlya peresmotra polozhenii v kazach'ikh voyskakh// Voennyi sbornik, 1861. №1. S.202-203, 207.
38. Voennyi sbornik, 1863. №9. S.1-4.
39. Korolev V.N. Biblioteki i chtenie na Donu do 1861 g. // Donskoy vremennik, 2003 - http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m16/1/art.aspx?art_id=280
40. GARO. F.55. Op.1. D.1499. L.24-25.
41. Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraja (dalee - GASK). F.377. Op.1. D.7. L.1870b.
42. Karasev A.A. Zapiska knyazya A.M. Dondukova-Korsakova o Zemle voiska Donskogo... S.570.
43. Moi vospominaniya. 1840-1844 gg. Knyazya Dondukova-Korsakova// Starina i novizna. SPb., 1902. Kn.5. S.192-193
44. Tam zhe. S.193
45. RGIA. F.932. Op.1. D.115. Ll.2-29
46. Tam zhe. L.1.
47. Volvenko A.A. Programma grazhdanskogo kursa Voennogo ministerstva v otnoshenii kazach'ikh voysk (1860-e gg.)// Nauchnoe nasledie professora A.P. Pronshteyna i aktual'nye problemy razvitiya

- istoricheskoy nauki (k 95-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossiyskogo uchenogo). Rostov-na-Donu, 2014. S.73-79.
48. Karasev A.A. Zapiska knyazya A.M. Dondukova-Korsakova o Zemle voyska Donskogo... S.570.
 49. RGIA. F.932. Op.1. D.121. L.2.
 50. Vospominaniya V.A. Panaeva// Russkaya starina, 1903. T.113. Vyp. 1-3. S.149.
 51. Karasev A.A. Zapiska knyazya A.M. Dondukova-Korsakova o Zemle voyska Donskogo... S.571.
 52. GARO. F.55. Op.1. D.955. Ll.65ob.-82ob.
 53. Svatikov S.G. Rossiya i Don. 1549-1917. Belgrad, 1924. S.342, 344-345.
 54. RGIA. F.932. Op.1. D.113,119,121,470.
 55. Tam zhe. F.932. Op.1. D.113. L.7-14ob.
 56. Russkii biograficheskii slovar'. SPb., 1914. T.10. S.146.
 57. Donskie voyskovye vedomosti, 1863. №9.
 58. Milyutin D.A. Vospominaniya. 1860-1862. M.,1999. S.376-377.
 59. Vospominaniya V.A. Panaeva// Russkaya starina,1903. T.113. Vyp. 1-3. S.149-150
 60. Vospominaniya V.A. Panaeva// Russkaya starina, 1902. T.112. Vyp. 10-12. S. 544-545.
 61. Otdel rukopisei Rossiyskoi gosudarstvennoi biblioteki (dalee - OR RGB). F.169. Kart.62. Ed. kh. 32. Ll.29-32.
 62. Tam zhe. L. 28-28ob.
 63. Vospominaniya Fedora Adol'fovicha Ooma //Russkiy arkhiv, 1896. Kn.2. S.446
 64. Pis'ma o puteshestvii gosudarya naslednika tsesarevicha po Rossii ot Peterburga do Kryma... S. 510-521.
 65. Vospominaniya Fedora Adol'fovicha Ooma... S. 446.
 66. Pis'ma o puteshestvii gosudarya naslednika tsesarevicha po Rossii ot Peterburga do Kryma... S. 542, 544.
 67. Karasev A.A. Bunt na Donu v 1862-1863 godakh.... S. 170-171.
 68. Polveka russkoy zhizni. Vospominaniya A.I. Del'viga. 1820-1870. M., 1935. T.2. S. 214.
 69. Tam zhe. S.218
 70. Ovsyanyi N.R. Russkoe upravlenie v Bolgarii v 1877-78-79 gg. SPb., 1906. Ch.2. S. 155-161.
 71. Miller A.I. «Ukrainskii vopros» v politike vlastei i russkom obshchestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX veka). SPb., S. 156, 157, 160 i t.d.
 72. Rossiyskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv. F.30. Op.6. D.148. L.3-3ob.
 73. Tam zhe.
 74. Vospominaniya Fedora Adol'fovicha Ooma... S. 446
 75. Karasev A.A. Bunt na Donu... S. 172.
 76. Tam zhe.

УДК 947

Казакманство. Донской случай (1860-е гг.). Часть I.

Алексей Александрович Волвенко

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Российская Федерация
Кандидат исторический наук, доцент
E-mail: avolvenko@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется общественно-политическая ситуация на территории войска Донского в нач. 1860-х годов. Отмечается вклад кн. А.М. Дондукова-Корсакова начальника штаба войска Донского в формирование казакманской «партии» на Дону.

Ключевые слова. Донское казачество; казакманство; кн. А.М. Дондуков-Корсаков; «Записка о войске Донском»; «партии» на Дону.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 13, Is. 1, pp. 38-45, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.13.38
www.ejournal15.com

UDC 947.0

The Soviet Offensive on the Mius-front in February–March 1943

Maxim V. Medvedev

Institute of Social-Economic Research and Humanities of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
41, Prospekt Chekhov, Rostov-on-Don, 344006
E-mail: m1max@mail.ru

Abstract

The article discusses the offensive of the Southern Front in February and March 1943 at the line of the river Mius. In this period many settlements near Mius were set free. But breakthrough of the German Mius-Front was not achieved because of the errors of the Soviet command.

Keywords: Mius-front; Soviet troops; Wehrmacht; break-through; encirclement.

Введение

В начале 1943 г. советские войска овладели стратегической инициативой. Успехи Красной армии на Верхнем Дону и под Сталинградом создали возможность для наступления на Ростов-на-Дону. В условиях зимы войскам 2-й гвардейской, 28-й и 51-й армий Южного фронта 14 февраля 1943 г. удалось форсировать р. Дон и очистить от противника Ростова-на-Дону и близлежащие к нему населенные пункты. Преследование немецких войск вновь привело соединения генерал-полковника Р. Я. Малиновского к высотам на западном берегу реки Миус. Этот рубеж уже был непреодолимым препятствием для Красной армии при попытках его прорыва зимой 1941 г. и весной 1942 г.

Материалы и методы

Статья основывается на материалах уже опубликованных исторических и историографических источниках, а также воспоминаниях непосредственных участников рассматриваемых событий и результатах собственных полевых исследований.

Обсуждение и результаты

14 февраля командир 4-го гвардейского механизированного корпуса генерал-майор Т.И. Танасчишин приказал наступать на слободу Большекрепинскую (см. рис. 1). В решительном наступлении корпус силами гвардейцев 13, 14-й и 15-й механизированных бригад полностью освободил Родионово-Несветайский район [1]. 15 февраля командующий Южным фронтом генерал-полковник Р.Я. Малиновский отдал приказ командующим 5-й ударной, 2-й гвардейской, 51-й, 28-й и 44-й армий неотступно преследовать отходившего противника и выйти на западный берег реки Миус [2]. Под давлением советских войск противник отступал, прикрываясь моторизованными арьергардами. С флангов на себя удар приняли 29-й армейский и 57-й танковый корпуса противника, а 503-й тяжелый танковый

батальон («Тигры») отступил на 20 км северо-западнее Таганрога к Миусу и занял заранее подготовленные позиции.

Рис. 1. Совецание в штабе 4-го гвардейского мехкорпуса. Справа – командир, гвардии генерал-майор Т.И. Танасишин, в центре – гвардии майор И.С. Панченко, слева – гвардии подполковник И.Н. Николаев. Южный фронт, февраль 1943 г. [3]

4-й гвардейский механизированный корпус, развивая наступление, ранним утром 16 февраля заставил 243-й батальон штурмовых орудий поспешно отступить к 16-й мотопехотной дивизии на северо-запад от хутора Поповки к линии обороны 79-й пехотной дивизии. В это время 23-я танковая дивизия должна была расположиться в хуторе Денисовском в полосе 29-го армейского корпуса с задачей прикрытия плацдарма около села Ряженое. Два вражеских пехотных батальона попытались через село Покровское выйти навстречу атакующим. Предвидя прорыв своей обороны, командование 29-го армейского корпуса потребовало, чтобы подразделения отошли от Самбека и заняли оборону в районе Покровского [4]. Для немецких войск это означало потерю надежды на возможность перегруппироваться и вернуться на прежнюю линию обороны зимы 1941–1942 гг.

В полдень 16 февраля советские подразделения в условиях густого тумана вышли к хутору Кузьминскому и селам Александровке 1-й и Александровке 2-й, в ближнем бою потеснив 126-й мотопехотный полк. Оставив в долине Самбека минные заграждения, ослабленный 126-й пехотный полк отошел к западу от реки Мокрый Самбек до хутора Денисовского и поселка Матвеева Кургана, а 128-й мотопехотный полк вынужден был отступить к хутору Приюту. Наступавшие с востока 302-я и 126-я стрелковые дивизии 51-й армии вытеснили 503-й тяжелый танковый батальон противника из села Ряженое. Заместитель командира взвода 76-мм орудий 827-го стрелкового полка 302-й стрелковой дивизии, лейтенант Василий Николаевич Алексеев вспоминал: «Весной 1943-го дивизия вышла к Миусу и завязала бои у с. Ряженое. Село было разрушено. Среди разрушенных домов стояла наша полевая батарея и огнем поддерживала атаки нашей пехоты. Это были тяжелые и кровопролитные бои... У нас на Миусе не было хлеба и соли, не хватало боеприпасов. Мы ели конину, сваренную со свеклой без хлеба и соли, не было табака. Мерзлой была земля, в разрушенных домах лежали павшие бойцы, здесь были солдаты

морской пехоты в черных бушлатах, солдаты 126-й стрелковой дивизии в серых шинелях и наши солдаты 302-й стрелковой дивизии в домашней одежде, еще не успевшие получить обмундирование и не захотевшие снимать шинели с убитых товарищей. Сколько их там отдало свои жизни...» [5].

Бригады 4-го гвардейского мехкорпуса предприняли попытки прорвать позиции 79-й пехотной дивизии. Истощенные подразделения 23-й танковой дивизии покинули рубеж обороны в полосе Денисовский – Матвеев Курган и отошли на север за Алексеевку. Бои развернулись в районе хуторов Крынский и Дороганов, на участке расположения батальона 79-й пехотной дивизии. Батальон быстро отступил до хутора Восякина 1-го. В течение ночи подразделение прикрытия 79-й пехотной дивизии начало отход от поселка Матвеева Кургана к хутору Степановскому.

К вечеру 16 февраля противник силами 201-го танкового полка, 128-го мотопехотного полка и частью сил 384-й пехотной дивизий возле колонии Новой Надежды (ныне поселок Надежда Матвеево-Курганского района) контратакой вернули контроль над Алексеевкой. Во время боя мост через реку Миус был разрушен. К югу от хутора Крынского контратакующие удары наносили части 79-й пехотной дивизии. 126-й мотопехотный полк противника, находившийся, в районе Денисовского соединился с правым флангом 79-й пехотной дивизии.

В ночь на 17 февраля 14-я и 15-я гвардейские механизированные бригады пошли в наступление на Матвеев Курган. С ходу поселок взять не удалось. Командир корпуса генерал-майор Т.И. Танасчишин приказал ввести в бой 13-ю гвардейскую механизированную бригаду [6]. Экипаж лейтенанта А.М. Ерошина из 38-го танкового полка на Т-34, преодолев множество препятствий, первым ворвался в населенный пункт, тем самым расчистив путь остальным танкистам, посеял панику в расположении противника. За этот подвиг Александр Матвеевич Ерошин был удостоен звания Героя Советского Союза. Для затруднения продвижения 4-го механизированного корпуса возле бумажной фабрики немцы взорвали мост через Миус. К исходу дня вражеский 128-й мотопехотный полк успешной контратакой облегчил положение на участке обороны 666-го пехотного полка 384-го пехотной дивизии в районе Демидовки и у подножья высоты 114,9 (см. рис. 2).

Рис. 2. Памятник погибшим советским бойцам на высоте 114,9 (фото автора)

18 февраля в первой половине дня, в момент восстановления немцами разрушенной переправы через Миус у Алексеевки, 3-я гвардейская стрелковая дивизия вновь предприняла попытку установить контроль над селом. В итоге, после тяжелых боев противник с большими потерями все же отбросил атакующих гвардейцев. С утра наносился удар и по расположению 79-го пехотного батальона к северу от бумажной фабрики. Немцы удерживали высоту 114,9 около Демидовки, куда вновь направились силы механизированных бригад Красной армии, и отодвинули врага от опорного пункта. Чтобы справиться с тяжелой ситуацией юго-западнее Демидовки, немецкое командование решило нанести огневой удар из штурмовых орудий из секторов расположения 128-го и 126-го мотопехотных полков. 128-й мотопехотный полк благодаря огневой поддержке продвинулся от высоты 115,2 к Демидовке, где и закрепился [7]. Благодаря успеху у Демидовки отступавший 79-й пехотный батальон остановился и перешел к обороне в районе хутора Круглик. Оставляя за собой брешь, 4-й гвардейский механизированный корпус ночью вклинился вглубь немецкой обороны, и с боями вошел в Анастасиевку (см. рис. 3).

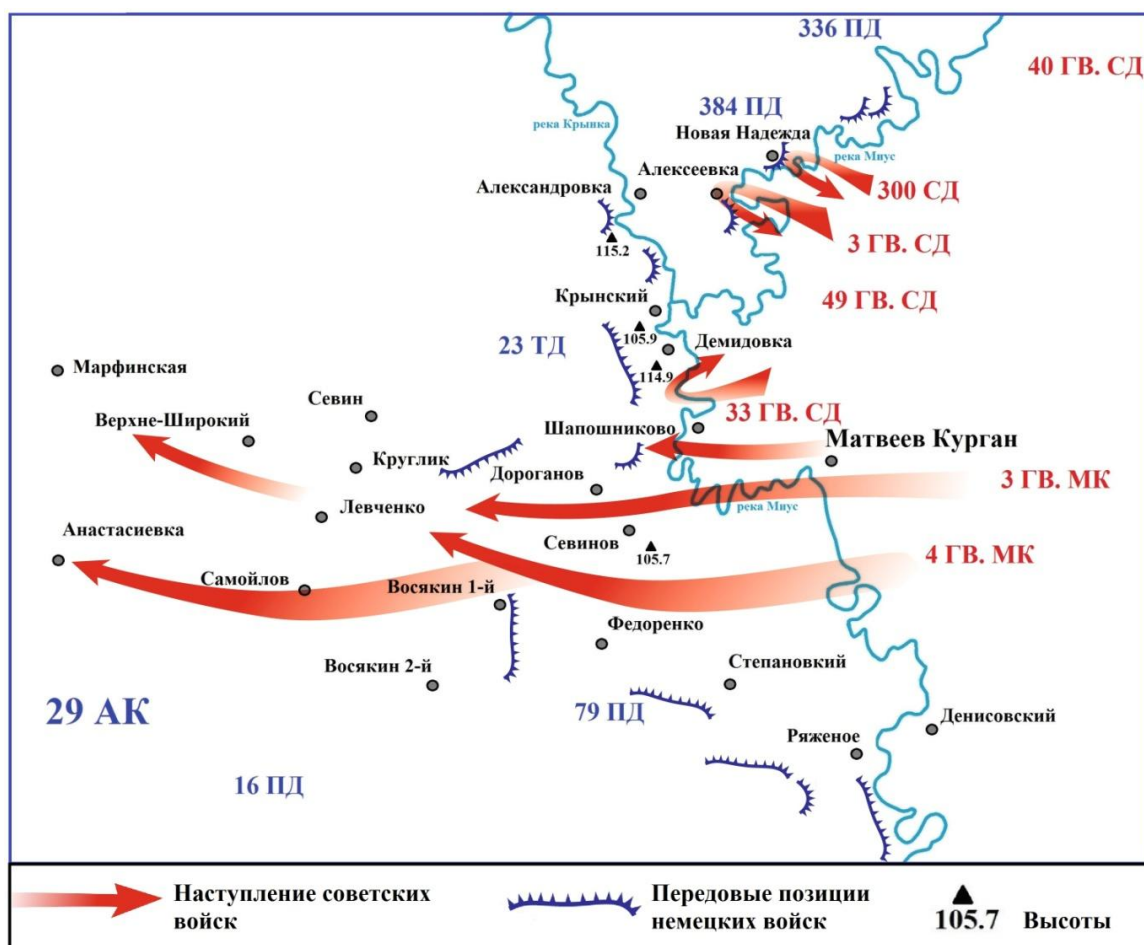

Рис. 3. Наступление советских войск на Миус-фронте 18–19 февраля 1943 г.

В ночь на 19 февраля 1049-й и 1051-й стрелковые полки 300-й стрелковой дивизии перешли реку Миус у колонии Новой Надежды, переправили по льду легкие противотанковые орудия, прорвались в населенный пункт. С рассветом красноармейцы были контратакованы частями 384-го пехотный дивизии противника (см. рис. 3 и 4). Командир взвода 76-мм орудий 1049-го стрелкового полка И.Г. Кобылянский вспоминал: «В середине февраля, продвигаясь по северо-западной части Ростовской области, мы вышли к левому берегу реки Миус. На противоположном холмистом берегу виднелись несколько домов немецкой колонии Новая Надежда... По тому, как был организован огонь встретившего нас противника, чувствовалось, что немцы пытаются закрепиться в этом

населенном пункте. Пехотинцы нашего полка, не знавшего поражений вот уже больше месяца, с ходу приблизились к Новой Надежде, укрылись от огня в русле замерзшего Миуса, а затем поднялись в атаку. Им удалось вытеснить противника из нескольких окраинных домов села, дальнейшее продвижение стало невозможным из-за понесенных потерь и усилившегося огня немцев» [8].

Рис. 4. Сохранившиеся очертания передовой линии траншей 384-й немецкой пехотной дивизии на окраине поселка Надежды Матвеево-Курганского района (фото автора)

19 февраля происходили непрерывные боевые столкновения. От Новой Надежды полки 3-й гвардейской и 300-й стрелковых дивизий вели бои на подступах к Алексеевке, но были потеснены встречным ударом гитлеровцев, имевших поддержку пикирующих бомбардировщиков Ю-87. К полудню советские войска прорвали фронт в секторе 79-й пехотной дивизии у Степановского, полностью окружив хутор. После овладения Анастасиевкой, 4-й механизированный корпус продвинулся на запад и нанес существенный урон боевой группе 23-й танковой дивизии около населенных пунктов Новоселовского, Новомировского, Добрицына и Гармаша [9]. На помощь танкистам и мотострелкам Танасчишина подоспели дивизии 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса, сумевшие продвинуться к линии немецкой обороны на участке: высота 101,0 – Новоселовский – Ряженое – Панченко. С правого фланга, в районе хутора Колесникова действовал 4-й Кубанский казачий кавалерийский корпус [10]. 3-й гвардейский кавалерийский корпус 5-й ударной армии освободил село Куйбышево [11].

Во второй половине дня 19 февраля немецкие войска вели бои в полосе прорыва корпуса Танасчишина на линии: Дороганов – бумажная фабрика – высоты 114,9 и 105,9, отсекая огонь прорывавшихся советских танкистов, кавалеристов и пехотинцев. Советские войска предприняли попытки деблокировать окруженную группу Танасчишина между Добрицыным и Восякиным 1-м. Тем временем, вражеская 23-я танковая дивизия подоспела на помощь 79-й пехотной дивизии, с боем вошла в Федоренко, выведя из строя до пяти советских танков. В 17:00 советские войска с юго-востока продвинулись к Покровскому. С запада мотопехота противника успешным рывком заняла хутор Левченко. С наступлением темноты советские гвардейцы нанесли удар по 128-му противотанковому батальону в Демидовке, вынудив его отступить к юго-восточному склону высоты 114,9 что близ высоты 105,9. Ночью силы вермахта со стороны слободы Марфинской атаковали советские колонны

снабжения, которые, не выдержав огневого напора, повернули назад в районе хуторов Пролетарского и Верхне-Широкого. С юга 16-я мотопехотная дивизия заняла хутор Степановский и закрыла прорыв 33-й гвардейской стрелковой дивизии. Помощь для ослабленного 4-го гвардейского механизированного корпуса в Анастасиевку так и не дошла. Небольшим достижением советской стороны в этот день было то, что поврежденная радиосвязь между 23-й танковой дивизией и штабом 29-го армейского корпуса позволила немного снизить неприятельский огонь.

20 февраля радиосвязь противника на многих участках была восстановлена, в том числе и у 29-го армейского корпуса. Командир 23-й танковой дивизии генерал-майор Николаус фон Форман попросил командование 16-й мотопехотной дивизии с юга атаковать район Круглика. Танки Т-6 «Тигр» снова выдвинулись к Круглику и Севинову, заняли эти разрушенные хутора, но встречным огнем были возвращены на прежние позиции. Не сумев долго удержаться на этом участке, полки 33-й гвардейской стрелковой дивизии, прорвались в Матвеев Курган, потеряв до 140 бойцов [12].

21 февраля советские войска заняли северную часть хутора Шапошникова, но снова были контратакованы 126-м мотопехотным полком. По немецким позициям был открыт мощный артиллерийский огонь, два батальона 126-го мотопехотного полка противника понесли значительные потери. Ночью 22 февраля 4-й гвардейский механизированный корпус начал отход из Анастасиевки в сторону хутора Верхне-Широкого. Попав там под шквальный огонь противника, колонны повернули на юг к Федоренко, но выходу из окружения мешали действия противника, который шквальным огнем 16-й мотопехотной дивизии у Федоренко закрывал пути отхода. В немецких источниках говорилось, что командир корпуса генерал-майор Т.И. Танасчишин был расстрелян при отказе сдаться в плен [13]. На самом деле Т.И. Танасчишин тогда, в феврале 1943 г. остался живым и погиб в 1944 г. в Николаевской области. Остатки 4-го механизированного корпуса продолжали прорываться со стороны Дороганова, а затем отходили через высоту 105,7 по железной дороге и к утру 23 февраля вошли в Матвеев Курган. Попавший в плен подполковник А.А. Виноградов – командир 38-го танкового полка 13-й гвардейской механизированной бригады, в своих показаниях признавался, что ключевой целью корпуса было движение в сторону Мариуполя, но из-за недостатка топлива и боекомплекта, а также отсутствия противотанковых орудий, операция провалилась.

23 февраля из района высоты 114,9 противник контратаками отодвинул советские части восточнее занимаемых рубежей. Однако боевая мощь 126-го и 128-го немецких мотопехотных полков снизилась до минимума. 25 февраля 1051-й стрелковый полк 300-й стрелковой дивизии ночью с юга-востока попытался атаковать Алексеевку, но был отброшен 384-й немецкой пехотной дивизией на исходные позиции. В течение 26–27 февраля авиация люфтваффе производила интенсивные бомбардировки в районе Матвеева Кургана. 28 февраля погодные условия ухудшились, с утра шел снегопад, авиация в этот день вылеты не производила. Пользуясь ситуацией, несколько советских батальонов после артиллерийской обработки немецких позиций атаковали противника южнее Шапошникова, в районе бумажной фабрики, но, потеряв там большое количество бронетехники и солдат, отступили. Противник после возвращения на прежние позиции активно занялся восстановлением полевых укреплений, несмотря на огонь с советской стороны.

Попытки соединений Красной армии овладеть правобережьем Миуса продолжались и в начале марта. С утра 2 марта ударам подвергся участок на стыке 384-го пехотной дивизии с 1-м батальоном 128-го мотопехотного полка противника, в полосе: Новая Надежда – Алексеевка – Александровка. В этот день 300-я стрелковая дивизия атаковала немцев на участке в районе Демидовки, между высотами 114,9 и 105,9. Советским дивизиям удалось немного вклиниться во вражескую оборону. Однако во второй половине дня разрыв немецкой обороны был восстановлен с помощью вовремя подошедших резервов противника.

К 5 марта 2-й и 5-й гвардейские механизированные корпуса, как и многие воевавшие на Миусе советские соединения, потерявшие в боях значительную часть личного состава и техники, отправились в тыл на переформирование [14]. 6 марта снова начался снегопад, советские войска в очередной раз осуществили попытку атаковать линию обороны

1-го батальона 128-го мотопехотного полка у юго-восточного склона высоты 105,9. Советские бойцы, прорвав укрепления противника, вошли в его расположение на высоте 105,9, но враг контратакой ликвидировал брешь в своей обороне. Противник с участков расположения 16-й и 336-й дивизий, заметил интенсивную перегруппировку советских войск в районе Матвеева Кургана. С наступлением темноты немецкие позиции потревожили бомбовые удары советских У-2. 8 марта советские дивизии в условиях густого утреннего тумана в очередной раз предпринимали попытки атаковать врага, но снова потерпели неудачу. Безуспешные попытки советских войск 14 и 15 марта изменить положение в долине Миуса не увенчались успехом. 15 марта понесший потери в живой силе и техники 5-й гвардейский Донской казачий кавалерийский корпус также был отведен в тыл на переоснащение и пополнение.

Выводы

Таким образом, масштабное советское наступление, начавшееся в январе-феврале 1943 г. от Сталинграда и продолжавшееся на юго-запад, вновь застыло у берегов Миуса. Неудачное завершение наступления обуславливалось нехваткой горюче-смазочных материалов, потерями в бронетехнике и физической усталостью личного состава от многодневных изнуряющих боевых действий в период интенсивного преследования врага. Многочисленные попытки расцепить кольцо окружения вокруг 4-го гвардейского механизированного корпуса заканчивались неудачами. Остатки корпуса, прорвавшиеся через заслон в Матвеев Курган, отправились в тыл на пополнение и переформирование. Положительным результатом было полное освобождение районных центров Матвеево-Курганского и Куйбышевского районов, а Родионово-Несветайский район был освобожден полностью. В марте 1943 г. фронт практически стабилизировался на несколько месяцев до нового советского наступления в июле-августе 1943 г., когда неприступный Миус-фронт был полностью ликвидирован.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках темы «Исторические формы и современные способы функционирования социокультурных институтов на Юге России» (базовое бюджетное финансирование, № госрегистрации 01201368164).

Примечания:

1. Пужаев Г.К. Кровь и слава Миуса. Таганрог, 2008. С. 132–133.
2. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. Ростов н/Д, 2010. С. 119.
3. Танковый фронт 1939-1945. URL: <http://tankfront.ru/ussr/mk/photo/gvmko4.html#!prettyPhoto> (дата обращения: 03.03.2015).
4. Rebentisch E. The Combat History of the 23rd Panzer Division in World War II. Mechanicsburg, 2012. P. 248–249.
5. Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Воспоминания Алексеева Василия Николаевича.
6. Пужаев Г.К. Кровь и слава Миуса. С. 137.
7. Rebentisch E. The Combat History of the 23rd Panzer Division in World War II. P. 251.
8. Кобылянский И. Г. Прямой наводкой по врагу. М., 2005. С. 64.
9. Rebentisch. E. The Combat History of the 23rd Panzer Division in World War II. P. 252.
10. Горшков С.И., Овчаренко И.В. Донской гвардейский. Ростов н/Д, 1985. С. 10, 52.
11. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. С. 119–120.
12. Rebentisch E. The Combat History of the 23rd Panzer Division in World War II. P. 252–253.
13. Rebentisch E. The Combat History of the 23rd Panzer Division in World War II. P. 256.
14. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. С. 123.

References:

1. Puzhaev G.K. Krov' i slava Miusa. Taganrog, 2008. S. 132–133.

2. Matishov G.G., Afanasenko V.I., Krinko E.F. Mius-front v Velikoj Otechestvennoj vojne. Rostov n/D, 2010. S. 119.
3. Tankovyj front 1939-1945. URL: <http://tankfront.ru/ussr/mk/photo/gvmo4.html#!prettyPhoto> (data obrashhenija: 03.03.2015).
4. Rebentisch E. The Combat History of the 23rd Panzer Division in World War II. Mechanicsburg, 2012. P. 248–249.
5. Arhiv laboratorii istorii i jetnografii ISJeGI JuNC RAN. Vospominanija Alekseeva Vasilija Nikolaevicha.
6. Puzhaev G.K. Krov' i slava Miusa. S. 137.
7. Rebentisch E. The Combat History of the 23rd Panzer Division in World War II. P. 251.
8. Kobyljanskij I. G. Prjamoj navodkoj po vragu. M., 2005. S. 64.
9. Rebentisch E. The Combat History of the 23rd Panzer Division in World War II. P. 252.
10. Gorshkov S.I., Ovcharenko I.V. Donskoj gvardejskij. Rostov n/D, 1985. S. 10, 52.
11. Matishov G.G., Afanasenko V.I., Krinko E.F. Mius-front v Velikoj Otechestvennoj vojne. S. 119–120.
12. Rebentisch E. The Combat History of the 23rd Panzer Division in World War II. P. 252–253.
13. Rebentisch E. The Combat History of the 23rd Panzer Division in World War II. P. 256.
14. Matishov G.G., Afanasenko V.I., Krinko E.F. Mius-front v Velikoj Otechestvennoj vojne. S. 123.

УДК 947.0

Советское наступление на Миус-фронте в феврале–марте 1943 г.

Максим Валерьевич Медведев

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
E-mail: m1max@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается наступление войск Южного фронта в феврале–марте 1943 г. на рубеже р. Миус. В этот период были освобождены многие населенные пункты Примиусья. Но из-за просчетов советского командования прорыв немецкого Миус-фронта не был достигнут.

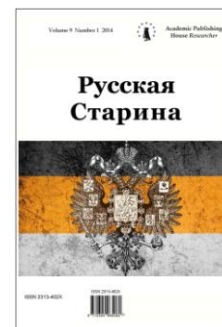
Ключевые слова: Миус-фронт; советские войска; вермахт; прорыв; окружение.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 13, Is. 1, pp. 46-61, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.13.46
www.ejournal15.com

UDC 94(47).084.3:(479.24) "1918–1919"

Mugan Region in 1918–1919

Olga M. Morozova

Don State Technical University (Donskoj gosudarstvennyj tehničeskij universitet), Russian Federation
Dr. (History), Professor
344000, Rostov-on-Don, Gagarina area, 1
E-mail: olgafrost@gmail.com

Abstract

The reconstruction of the events of 1918–1919 in the historical region of Transcaucasia – Mugan – based Soviet memories of the 1920–1930-ies and the memoirs of immigrant A. Dobrynin. Among them: political face successive government institutions, portraits active participants of the event T. Otradnev, B. Hoshev, Colonel Ilyashevich, A. Kropotov, circumstances of the death of I. Kolimeitsev; value of denominational differences in the positions of groups of population (Sunni, Shia, Old Believers, «Subbotniki»).

Keywords: Mugan region; 1918–1919; Lankaran commune; peasant-settlers; Turks; Shahsevan; T. Otradnev; B. Hoshev; Colonel Ilyashevich; A. Kropotov; I. Kolimeitsev

Введение

События 1918–1919 гг. в Муганской степи, расположенной между нижним течением Куры и Аракса и предгорьями Талышских гор, редко становятся предметом научного интереса, чаще политического, спровоцированного отзвуками современных этноконфликтов. Ликвидировать это белое пятно непросто.

Материалы и методы

За четыре года в крае сменилось семь политических режимов, хотя, как мы покажем в дальнейшем, между ними сохранялась преемственность, но о сохранности архивов учреждений забота ими проявлена не была. Газеты, издававшие за пределами Ленкоранского уезда, прежде всего, бакинские, не могли отражать муганские события в полном объеме. Кое-что позднее попало в архивы в виде разрозненных бумаг. Состояние источниковой базы не в последнюю очередь определило недостаточное освещение событий периода революции и Гражданской войны в Мугани.

Автор этой статьи не первый раз обращается к методу познания исторического прошлого на основе массовых свидетельств рядовых участников событий, считая его надежным способом реконструкции внутренних механизмов исторического процесса [1]. События в Мугани могут быть восстановлены на основе документов из фондов Архива политических документов при Управлении делами Президента Азербайджанской

Республики. Это – мемуарные тексты и протоколы вечеров воспоминаний, проводимых Институтом истории партии им. С. Шаумяна в 1920–1930-е гг.

Обсуждение и результаты

В трехтомнике «История Азербайджана» (1963), от которого следовало бы ожидать серьезного исследования вопроса, в параграфе «Советская власть в Ленкорани и на Мугани» [2] события практически не датированы, а действовавшие в регионе силы наделены определенной политической окраской в соответствии с историко-партийным шаблоном.

Время от времени интерес общественности и научного сообщества к этой теме дает о себе знать. Среди современных авторов, интересующихся этими событиями, исследователи Белого движения, стремящиеся усмотреть в Русской Мугани вариант подлинно народного антисоветского сопротивления (В.Е. Шамбаров); азербайджанские историки, видящие в этом историческом эпизоде попытку нарушения территориальной целостности Азербайджана [3]; представители талышского сепаратизма, называющие недолговременное государственное образование 1919-го года Талышско-муганской советской республикой (Ф.Ф. Аббасзода).

Российский ученый В.П. Булдаков в своей объемной монографии «Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарии, анализ» показал, что не в последнюю очередь в раскручивании маховика насилия в стране, оставшейся без центральной власти, участвовали этнические конфликты [4]. С опорой на бакинские газеты того периода и на опубликованные в эмиграции воспоминания участника муганских событий штабс-капитана В.А. Добрынина, удалось отследить череду ключевых событий в многонациональном регионе [5].

Мугань накануне революции. Пестрота и многообразие – главная черта Закавказья. В десятке ханств на века законсервировались племенные отличия. Среди мусульман выделялись оседло жившие турки [6] и талыши [7] и тюркоязычные кочевники – шахсевены; шииты, ориентировавшиеся на Персию, и сунниты, считавшие турецкого султана своим халифом. После присоединения Муганской степи к России по Гюлистанскому трактату (1813) многие кочевые и оседлые роды из ее северной части ушли в Турцию. На их место пришли армяне, немцы, греки. Русские сектанты, молокане и субботники [8], переселялись на зимние пастбища шахсевенов, зачисленные в казенный фонд. Но те продолжали кочевать по традиционным миграционным путям, не признавая границ и межей, и, случаясь, громя оседлые тюркские и русские села. Так пестрота коренного населения дополнилась неоднородностью переселенческой массы. В документе 1913 г. называется общая численность населения Закавказья – 1,3 млн. чел., и приводится его структура: татар – более 750 тыс. чел. (ок. 60%); армян – 400 тыс. (30,8%); греков – 82 тыс. (6,3%); чехов, латышей, поляков – 30 тыс. (2,3%); русских – 150 тыс. в ста поселках (11,5%), в том числе в Муганской степи – 20 тыс. чел. Именно их в использованных источниках называют муганцами.

Климатические и природные условия Мугани были не менее разнообразны: в 20 км от побережья начиналась более засушливая зона. Пастбищное скотоводство, сопряженное с сезонными миграциями стад, приводило к земельным конфликтам. Пути перекочевок шли по землям, в основном, армянских сел, что и приводило в Карабахском, Казахском и Дилижанском уездах к конфликтам и столкновениям, которые грозили приобрести национально-религиозный характер. Только в декабре 1912 г. в Закавказье были упразднены отношения крепостной зависимости. Выкуп и размежевание земель, которые всегда проходили тяжело, еще только предстояли. После Февральской революции начался перевод всех старых конфликтов в острую фазу.

Хронология военно-политических событий в Мугани. С момента ликвидации Кавказского фронта зимой 1917–1918 гг. в Мугани начинаются межнациональные столкновения. И прежде оружие было в каждом доме, но в новых условиях его требовалось еще больше. Уходившие от границы солдаты продавали местным винтовки, чтобы не быть обобранными совершенно безвозмездно. Население стало брать заботу о безопасности на себя, так возникли так называемые параллельные роты: в Ленкорани – полковника фон дер Остен-Сакена, в Привольном – полковника Ильяшевича и пр.

Дополнительный приток вооружений в регион обеспечила эвакуация русского экспедиционного корпуса из персидского Энзели. Где-то в начале марта 1918 г. в порту Ленкорани татарами под командой Шахтахтинского был разграблен пароход «Милютин». После этого местная «дикая дивизия» под командованием Тагиева разоружила роту Остен-Сакена. И уезд на короткое время стал военным оплотом мусульманских национальных партий.

Это имеет непосредственное отношение к мартовским событиям 1918 г. в Баку. Известно, что конфликт разгорелся во время погрузки в бакинском порту на пароход «Эвелина» мусульманских частей, отправлявшихся в Ленкорань. По словам очевидца событий Поминова, в тот момент на соседнем причале грузился на судно «Александр Жандр» советский батальон, тоже готовившийся отплыть в Ленкорань. Между ними произошла небольшая перестрелка, а через час, в 6 часов вечера, в городе начался сильный бой [9].

27–29 марта пароход «Александр Жандр» прибыл в Ленкорань с отрядом Баксовета на борту, установивший в городе многопартийную советскую власть. Она носила разные названия: Временный комитет Мугани, затем Муганский ревком, или Муганский исполком. Благодаря усилиям присланного из Баку в мае 1918 г. комиссара Исрафилбекова (Кадырли) там возник параллельный мусульманский исполком, избранный собравшимися на площади у мечети уважаемыми людьми. Его председателем стал авторитетный мулла Ага-мир Ашрафов. Начальником милиции выдвинули известного *кочи* (досл. мощный, использ. в значении «бандит») Кербалай-Рашида Керимова. И, тем не менее, этот исполком через мусульманское крыло Баксовета находил с ним общий язык.

Творившееся тогда в Ленкорани явно не подчинялось единой воле. Среди прибывших бакинских красноармейцев было немало армян, в том числе и дашнаков; «персов» [10], а также беженцев, покинувших Ленкорань и Астарту из-за гегемонии «дикой дивизии», а потому апрель 1918 г. прошел под знаком ущемления татарского населения во всех вопросах (талыши – от ханов до гачагов-абреков – в это время занимались налаживанием отношений с исполкомом). Но смена власти в Ленкорани произошла под влиянием внешнего фактора.

Падение власти Баксовета и установление «диктатуры Центрокаспия» имело в качестве зеркального процесса появление в Ленкорани «диктатуры пяти». В состав «пятерки» вошли Саратиков [11], Сухоруков, Кропотов, Ильяшевич и Шиманов. Из них трое уже входили в состав предшествующей власти – Муганского исполкома.

На смену «диктатуре пяти» пришла Муганская краевая управа. Точно установить момент перехода власти сложно. Упоминаются даты, начиная с сентября 1918 г. и до января 1919 г. Есть вероятное объяснение разночтений: орган с таким названием формировался дважды. В первый раз сразу после падения «диктатуры Центрокаспия», второй раз – после ухода турок. В рассказе И. Кулиева есть упоминание, что осенью 1918 г. мусаватисты направили в Ленкорань отряд генерала Салимова, упразднившего власть Управы, которая сдалась без сопротивления. После ухода турок бакинская газета «Азербайджан» сообщила в начале декабря 1918 г. о возникновении в Ленкорани при поддержке генерала Л.Ф. Бичерахова Союзного Кавказско-Каспийского правительства [12]. Это аморфное властное образование имело и другие названия, например, Каспийское побережное правительство, а Муганская краевая управа, по-видимому, являлась его территориальной структурой. В составе Управы мы видим тех же лиц и прежде всего бессменного члена всех властных органов Мугани Сухорукова. Теперь он – министр земледелия Каспийского побережного правительства и одновременно председатель Управы. Как видим, разделять первую советскую власть, «диктатуру пяти» и последующую власть Муганской краевой управы можно с известной степенью условности.

Управа ориентировалась сначала на Главнокомандующего войсками и флотом в Прикаспийском крае Л.Ф. Бичерахова, который финансировал муганскую армию, подписывал приказы о награждении и производстве отличившихся офицеров в следующие чины, затем на генерала М.А. Пржевальского, назначенного командующим Добровольческими войсками на Кавказе. По-видимому, в феврале 1918–1919 гг. был получен приказ о расформировании отрядов, который был встречен муганцами одобительно. Но последовавший за этим приказ о разоружении был расценен ими как желание сдать их безоружными тюрко-талышскому окружению. Добрынин и истпартовские тексты едины во

мнении, что именно с этого момента наметился раскол между муганцами и кадровыми офицерами.

Несмотря на утверждения советских мемуаристов, что с августа 1918 г. по апрель 1919 г. в Мугани существовала власть офицерства, вставшего на путь белогвардейщины, приводимые ими же факты этого не подтверждают. Присланные еще весной 1918 г. Баксоветом батальоны продолжали существовать как боевые единицы и находились на службе у этой Управы. 2-й батальон, которым командовал большевик Сорокин, продолжал ходить под красным знаменем, а 12 марта 1919 г. в честь двухлетия Февральской революции он прошел с лозунгами: Да здравствует 2-й Интернационал. Это вызвало скандал, но касался он того, что составители надписи не учли, что 2-й или 3-й Интернационал – это большая разница, поэтому быстро исправили 2-й на 3-й [13].

В этот период в крае царило подлинное безвластие, ярко описанное бывшим красноармейцем Осиповым: «Положение тогда в Ленкорани было неопределенное, каждый выдавал себя за власть. Даже улицы так назывались: рябовская улица, здесь Акопов, тут Осипов и т.д. Каждую ночь там шла охота между этими группировками. Сегодня хотели арестовать Акопова, завтра Шевкунова и т.д. Словом, полная анархия. Ночью мы не могли выйти на улицу» [14].

На заключительном этапе существования Управы, примерно в феврале-марте 1919 г., появился некий Комитет связи на Мугани. Его председателем стал Жириков, членами Попов, Чиркин, Шахраманов, Гранкин, Ломакин; из коренных муганцев в него входили жители с. Привольное Мясников и Моисей Бочарников. Примечательно то, что некоторые из членов Управы поддерживали Комитет связи, который располагался в бывшем ханском дворце, в квартире Сухорукова. Советские мемуаристы настаивали на нелегальном характере Комитета связи. По Добрынину, Комитет действовал как публичный орган, рассылая по селам воззвания с приглашением представителей, и власть естественным образом постепенно перешла к нему [15]. Но советские мемуаристы утверждали, что переворот все же был. По-видимому, сказывался уже сложившийся стереотип: советская власть возникает только после вооруженного восстания. Поэтому некоторые из них считали переворотом арест офицеров, который мог вполне произойти и позже 24 апреля – официальной даты появления Муганской советской республики (далее – МСР). Первое время новый властный орган продолжал именоваться Комитетом связи. По мнению Донского причина использования политически нейтрального названия в том, что большевики очень напугали народ в 1918 г. [16]

Как гласит официальная история, на созванном в середине мая съезде советов был избран исполком, выпущено воззвание по земельному вопросу и принято решение о готовности советской Мугани войти в состав советского Азербайджана и с ним в состав советской России. Исполком опирался на отряд из двух сотен отступивших зимой 1919 г. в Закавказье и интернированных в Грузии красноармейцев 10-й и 11-й советских армий. Они были переброшены с помощью Кавказского краевого комитета РКП(б) из Баку под видом жителей Ленкорани. В Мугани появились бакинские большевики Бахрам Агаев, Коваль, Калинин, Самсон Канделаки, Николай Енгибаров [17]. Одной из причин наплыва политических беженцев стало поражение майской общегородской забастовки в Баку. А в конце мая 1919 г. туда были делегированы «с инструкциями и деньгами» прибывшие из Астрахани Тимофей Отраднев, Анатолий (Ян) Лукьяненко, Топунов [18].

Прибывшие большевики заполнили собой все структуры управления, после чего местные эсеры и меньшевики, по выражению Лукьяненко, «совершенно сошли со сцены». Новые комиссары не побоялись вернуть название Реввоенсовета. На 23 июня 1919 г. распределение должностей было таким: председатель Горлин (член Кавкрайкома Л.Д. Гогоберидзе); командующий войсками Орлов, сменивший отстраненного Ильяшевича; начальник штаба Наумов (наст. фам. Замбродский); политкомиссар Отрадцев (наст. фам. Ульяновцев); председатель военно-революционного трибунала Ян Лукьяненко; председатель чека Блек. За месяц астраханским большевикам удалось испортить отношения с муганскими крестьянами (своим стремлением навести в армии дисциплину и пресечь «кулацкие» настроения во всех других сферах), к тому же они получили настоящий фронт с тюркскими «разбойниками» со стороны Астары.

В это время в одном из сел (то ли Астрахановке, то ли Покровке) их противники созвали съезд, где муганцы и решили идти против ленкоранских комиссаров. Обстоятельства похода под командованием Хошева в Ленкорань (24–28 июня 1919 г.) невозможно прояснить из обрывочных истпартовских текстов. И только благодаря Добрынину можно установить, что между двумя боями, которыми ограничено пребывание муганцев в городе, прошло пять дней состояния *ни мира – ни войны*. Город был разделен линией фронта, но перестрелок не было – шли переговоры. Большевики тянули время, ожидая подхода снятых из-под Астары частей. Хошев тоже ничего не мог предпринять, потому что не было командиров для приведенных отрядов муганцев. Уже на третий день муганцы начали проситься домой. На пятый день после боя у захваченного ими маяка, в ходе которого погиб Отраднев, Хошев дал приказ уходить: он не мог допустить, чтобы его солдаты сами разбрелись из города.

О дальнейших событиях читать наиболее интересно. Оказывается, что каждая из сторон считала, что именно она проиграла эту борьбу. Хошев и Добрынин полагали, что уже все русские села присоединились к советской власти: переменчивость настроений муганцев они хорошо знали. Их даже обстреляли из засады у села Пришиб, которое советскими мемуаристами неизменно называлось контрреволюционным. После попытки покушения на его жизнь Хошев распустил отряд и покинул свою базу – Билясувар. Скрываясь от резко покрасневших муганцев, они вместе перешли персидскую границу.

Причину столь резкого изменения настроений Добрынин усмотрел в том, что большевики оборонялись в Ленкорани слишком ожесточенно: «Муганцы, привыкшие к легким победам, были подавлены решимостью красных, разбежались по домам, притихли и, казалось, безропотно ждали своей участи. Даже ближайšie солдаты, наши вестовые и денщики и те держались как-то в стороне» [19]. В офицерах стали видеть виновников пролития братской крови. Муганский маятник понесся влево. Как он описывал это время: «Снова появились по селам их агитаторы, снова заработали комитеты бедноты, открыто призывая население к борьбе и террору. Муганцы не знали, на что решиться. Одно село глядело на другое, мелкие села ждали больших, а большие еще сами не могли сговориться. Наконец сторону большевиков окончательно приняли Привольное, Григорьевка, Петровка, болгарчайские села и труба» [20].

В это время состоялось два просоветских съезда – в Ленкорани и в Привольном. Один постановил выдать офицеров-зачинщиков. Второй – снести все села, которые сейчас же не присоединятся к решениям первого. А в кулуарах съезда якобы обговаривались возбуждающие проекты разграбления «белых» сел, о чем вспоминал не только белоэмигрант, но и советские ветераны. Муганцы считали, что победили ленкоранские большевики. Однако среди тех тоже царила полная растерянность. Погиб председатель Реввоенсовета Тимофей Отраднев, центральная на тот момент фигура в Ленкорани, а главное – не было патронов. Это и стало причиной решения об эвакуации [21].

Истпартовские тексты и книга Добрынина дают разное представление о времени, прошедшем между боем у маяка и уходом комиссаров из города. Впечатление от массива советских воспоминаний позволяет оценить его в несколько дней. А по версии Добрынина уход муганцев из Ленкорани и эвакуацию советских комиссаров разделяет более существенный срок – три-четыре недели. По-видимому, их отъезд на о. Сара, откуда лодки отправились в Астрахань, Туркестан и Персию, может быть датирован второй половиной июля 1919 г.

А в это время в муганской степи шла война, названная позже войной между «советскими» и «антисоветскими» селами. Шпинёв, перечисляя «большевистские» села, называл Привольное, Грибоедовку, Петровку, Григорьевку. Большинство из них – села сектантов-субботников. Поляка И. Файковского всегда удивлял тот факт, что за советы более всего выступали субботники [22]. Уроженец с. Привольное Петриков объяснял этот факт тем, что в отличие от молокан они не уклонялись от призыва в армию по религиозным причинам, а на фронте «кое-что почерпнули и научились» [23]. «Контрреволюционные» села – это молоканские и малороссийские Пришиб, Новоголовка, Андреевка, Астрахановка, Покровка, Николаевка. Можно было бы объяснить этот раскол религиозными причинами, как это сделал участник событий армянин Сидомонов: «Приволенцы были субботниками,

пришибенцы были молоканами[,] и на этой почве у них были некоторые разногласия. [...] Это обстоятельство, безусловно, тогда имело колоссальное значение» [24].

Представляется существенным факт отличия управляющих органов этих сел: в Пришибе продолжало существовать комиссарство (Временного правительства), а в Привольном по инициативе местной «ячейки» был избран совет. По словам Соломона Моисеева обе сельские власти конфликтовали между собой, втянув в это и население [25]. Похожий конфликт обнаружен и далеко на севере, в Архангельской губ., где два соседних села Тарасовское и Церковное погрузились в вооруженный конфликт, спровоцированный существованием в одном – совета, а в другом – сельской управы [26].

По версии Добрынина причиной вражды между Привольным и Пришибом были земельные споры, ведь они находились на расстоянии трех верст друг от друга. Союзником приволенцев стали жители разоренного татарами с. Григорьевка, осевшие поблизости Пришиба; которым «большевики обещали поделить чужие земли и хозяйское добро», т.е. собственность пришибенцев. Но решающим поводом, по его мнению, стало взаимное требование выдачи пришлых офицеров и вожаков из числа местных [27]. Если первое требование проходило легко, то второе вызвало непреодолимые затруднения.

В июле 1919 г. между селами Привольное и Пришиб произошла артиллерийская дуэль. Пришиб обстреливался артиллерией с двух сторон: с запада из Привольного, с востока – из Григорьевки. Казалось бы, Пришиб обречен, однако конфликт закончился признанием приволенцами своего поражения. Перелом в их настроениях наступил тогда, когда на сельской площади снарядом разнесло телегу и лошадь. И бабы потребовали прекратить ушибу. Добрынин не знал об этом происшествии, но из его текста становится ясно, что именно он выпустил шрапнельный снаряд, произведший такой эффект [28].

Получение телефонограммы о бегстве комиссаров поразило муганцев, только что очнувшихся от угара своей «войны». Они устремились в город, который оставался последним каналом связи с внешним миром, но вступили в борьбу с отрядами Азербайджанская демократическая республика (АДР) и местных предводителей талышей и тюрков. Они уже контролировали всю Мугань, но должны были в соответствии с рекомендациями Парижской мирной конференции смириться с включением края в состав АДР. Появление красных бронепоездов на вокзале Баку 28 апреля 1920 г. означало, что и в Ленкорани сменится администрация. По телеграмме из Баку власть была передана оказавшимся в городе лицам левых убеждений [29]. В 1920–1921 гг. Ленкорань опять осаждали тюркские отряды под командованием капрала турецкой армии Джамал-паши, с 1918 г. участвовавшего в местных событиях. Успокоение края продолжалось еще несколько лет.

Такова общая канва революционной истории Мугани.

В истпартовских рассказах немало сделанных вскользь упоминаний о неких событиях, смысл которых никак не раскрывался. По-видимому, большинство присутствовавших понимало, о чем идет речь, да и главным предметом повествования была собственная героическая биография рассказчика.

Массовость глухих ссылок на инцидент с полковником Аветисовым свидетельствовала о том, что он представлял некую значимость для вспоминаящих. За счет сопоставления некоторых рассказов, наиболее плодотворными из которых оказались принадлежащие членам красновардейского отряда с. Привольное Донскому и Шпинёву, удалось установить, что полковник погиб в марте 1919 г. во время крестьянского съезда в Пришибе.

Перед муганцами выступил полковник Ильяшевич и огласил приказ о разоружении «в связи с окончанием гражданской войны». Приволенцы тут же выразили недовольство, но не в связи с приказом, а по поводу обещанной, но не выданной бязи, тут же обвинив командование в ее краже. Ильяшевич, убедившись, что разговоры бесполезны, ушел. В это время раздался выстрел. Приволенский эскадрон решил, что их обстреливают. Яков Левин и еще один боец ворвались с винтовками в помещение, где находился Аветисов, и накинулись на него. Полковник был настолько физически силен, что схватил двух солдат за винтовки и держал, пока Моисей Бочарников не всадил в него пять пуль. Мертвое тело выбросили на двор, кто-то снял с него награды. После этого, по словам Шпинёва: «Ребята приехали в Привольное, доложили, что случилось такое несчастье[,] и дальше неизвестно что будет. [...] Пришлось провести разъяснительную компанию по селам, что это случилось недоразумение. С красными флагами наш эскадрон проехал по всем селам». Явно это был

акт покаяния и демонстрация лояльности, хотя Шпинёв в 1931 г. предпочел заявить, что поход по селам был сделан для того, чтобы «кулачье, кадетская и эсеровская масса приутихла» [30].

А погибшему полковнику были организованы похороны государственного уровня: с оркестром, с красными знаменами и отпеванием в армянской церкви. Видимо, именно пышностью похорон объясняется стойкая память об этом полковнике, ведь заметил же один из них, что помнит пышные похороны, а вот кто он и почему его убили, до сих пор представления не имеет.

Капитан Добрынин рассказал о деятельности Аветисова в качестве начальника штаба у Ильяшевича. Он потребовал у офицеров представления документов – послужных списков, удостоверений на чины и награды, а от командиров частей – списков личного состава, реестров казенного имущества, денежной отчетности. Именно с этим эмигрантский мемуарист и связал его гибель. Подлинным зачинщиком конфликта он считал пехотного прапорщика Исаева, командующего «отдельным» эскадром из с. Привольное, снятого с должности. Вместо него полковник поставил сотника, окончившего кавалерийского училище. Исаев не подчинился приказу и привел свой эскадрон к штабу. Аветисов бесстрашно вышел к ним, но был тут же расстрелян пьяными солдатами. Никто наказания не понес, а прапорщик продолжил командовать эскадром [31]. Через несколько месяцев Исаев в свою очередь пал жертвой Моисея Бочарникова. Упомянувшие об этом советские рассказчики приводили самые разные версии случившегося, не дававшие исчерпывающего ответа. Но одно из объяснений строилось на том, что направленный в Привольное Исаев был из враждебного приволжцам села – из Пришиба.

Немало вопросов связано с гибелью в бою у маяка председателя Реввоенсовета Тимофея Отраднева (наст. фам. Ульянов, 1888–1919). Среди ветеранов ходили слухи, что он погиб от предательской пули [32]. Рассказ оказывавшей ему медицинскую помощь Кирюшиной, относящийся к 1928 г., объясняет причину их проявления: Отраднев был ранен срикошетировавшей пулей, которая вошла в ногу сзади, повредив крупный кровеносный сосуд. Он прожил после этого не более четырех часов, скончавшись от потери крови [33]. Кроме того, указанная в энциклопедической статье дата боя у маяка и гибели Отраднева (28 июля) не соответствует действительности. По-видимому, это произошло на месяц раньше. Известно, что И.О. Коломийцев прибыл в Мугань уже после гибели Отраднева. В соответствии с воспоминаниями участников Особой морской экспедиции, которые доставили его в Ленкорань, это могло быть в первых числах июля 1919 г. В воспоминаниях Я. Лукьяненко, близкого друга Отраднева, указана правильная дата – 28 июня [34].

Нет полной ясности в обстоятельствах пленения и гибели Ивана Осиповича Коломийцева (1896–1919). Непосредственных очевидцев этого среди авторов истпартовских мемуаров не оказалось, тем не менее, кое-что удалось прояснить.

В официальной биографии советского «дипломата» сказано следующее. Будучи призванным в действующую армию в 1916 г., он оказался в составе Отдельного кавалерийского экспедиционного корпуса генерала Н.Н. Баратова в Персии. С января 1918 г. являлся ответственным секретарем Энзелийского ревкома, избранного солдатами экспедиционного корпуса. В июле 1918 г. он был назначен главой дипломатической миссии РСФСР в Персии, не признанной однако правительством в Тегеране. В ноябре 1918 г. миссия была разгромлена, но Коломийцеву удалось бежать. В июне 1919 г. он прибыл в Москву и вторично был направлен в Персию в качестве главы Советской чрезвычайной дипломатической миссии с «Обращением правительства РСФСР к правительству и народу Персии».

Однако материалы Института им. Шаумяна заставляют сомневаться в дипломатическом характере миссии Коломийцева и подтверждают, что его деятельность преследовала цели экспорта революции. Осведомленные лица, в том числе и работавшие вместе с Коломийцевым, утверждали, что в Энзелийский ревком располагался в Казвине, и что после прихода англичан члены ревкома бежали в Астару, а потом в Баку. По-видимому, в официальной биографии под разгромленной дипломатической миссией подразумевается ревком. Когда случились разгром и бегство, точно установить не удалось. Коломийцев пробыл в Баку до конца апреля 1919 г. и на первом рейсе баркаса «Перебойня» отправился в Советскую Россию. На астраханский рейд прибыл 21 мая. Он якобы побывал в Москве, а

затем вернулся в Ленкорань на баркасе «Встреча». Его попытки добиться перемирия с муганскими крестьянами несколько отсрочили конец МСР [35].

Иван Коломийцев покинул о. Сара вместе с ленкоранскими комиссарами и прибыл на о. Ашураде, в юго-восточной части Каспийского моря. В день, когда советская флотилия была внезапно атакована белыми кораблями, местоположение Коломийцева указывается по-разному. По версии, изложенной летчиком Романовым, Коломийцев уплыл на баркасе «Кура» в одной группе с Кропотковым, Сухоруковым, Шевкуновым и др., был схвачен белыми и расстрелян в Порт-Петровске [36]. Но молодой матрос Широ, покинувший о. Ашураде на «Куре», не помнит Коломийцева среди его девяти пассажиров [37].

Наиболее информативен рассказ моряка Тутина. Он помнит Коломийцева находящимся на «Перебойне», которая ушла вглубь залива, чтобы попытаться выйти в открытое море через перешеек по мелководью. Прошли, но каким-то образом в темноте потеряли из виду маленькую лодку, на которую пересел Коломийцев. Искали, кричали, но он не отозвался. По его версии Коломийцев двинулся в Персию, решив выполнить распоряжение Центра, о чем говорил раньше: мы должны отвоевать какой-нибудь кусок Персии [38].

Стоит обратить внимание на тот факт, что он привез из Астрахани крупную сумму денег. Хотя морской радист Дюкарев утверждал, что перед отплытием с о. Сара Коломийцев передал ему, направлявшемуся в Баку, деньги и бриллианты – для передачи в Кавкрайком [39], по-видимому, это были не все имеющиеся у комиссара ценности. Романов вспоминал, что с острова был вывезен сейф с кассой авиационного отряда, в котором также находились деньги Коломийцева. В. Бойцов рассказал, что лично помогал ему зарыть на о. Ашураде сейф с несколькими миллионами рублей и фотоаппарат с 300 пластинами. С ними было несколько красноармейцев. А в те годы соседство больших денег и золота было опасным. Люди, которым было известно о спрятанных ценностях, не пожелали бы далеко удаляться от этого острова сокровищ. Революционный посол мог стать заложником их намерений.

В официальной биографии Коломийцева говорится, что он был расстрелян 18 августа 1919 г. на о. Ашураде. Но Тутин приводит рассказ сестры милосердия, которая была арестована вместе с ним. Ивана держали сначала под стражей в г. Астрабад (на другой стороне залива), а потом повели за город на расстрел. Коломийцев зажег папиросу, но начальник конвоя запретил ему курить, а тот ответил: я не арестант, а арестованный, что хочу, то и делаю, а если бы подчинялся бы вашей власти, то тут бы не находился [40].

В союзе с полумесяцем. Отношения Хошева с приграничными ханами встречали непонимание у муганских крестьян и Ильяшевича. Но поручик видел серьезные перспективы у такого союза. Он понимал, что ни советская власть, ни АДР не пользуются симпатией вождей перембельских и шахсевенских племен. Те были уверены, что большевики и армяне – это одно и то же, и что советская власть защищает русских переселенцев, а от мусаватистов с настороженностью ожидали мобилизации в армию, ведь в России они были свободны от воинской повинности. Кроме того, Хошев учитывал тщеславие племенных владык: «Стоит же одеть офицерские погоны некоторым татарским ханам и пообещать им хорошую награду, чтобы быть уверенным, что все они безусловно пойдут за нами» [41].

Описывая тактические таланты своего друга, Добрынин противопоставлял его ленкоранским комиссарам, не умевшим договариваться с мусульманами. Падение советской власти он связывал с восстанием татар в Астаре, которое началось с того, что назначенные из Ленкорани для несения пограничной службы представители советской власти организовали налет на Галакаран – стоянку Усейна Рамазана, в свою очередь совершавшего набеги на примыкавшие к границе крестьянские участки. В ходе этого рейда погибли два сына Рамазана. К этой вражде присоединился главарь другой вооруженной группы Усейн Алихан, который собирался выдать дочь за одного из погибших сыновей Рамазана. Так возник фронт, который оттянул на себя вооруженные силы Реввоенсовета – все 500 чел. Военные действия под Астарой потребовали от ленкоранской власти активизации реквизиционной деятельности, чем она окончательно испортила отношения с русским населением. Воспользовавшись моментом, Хошев для агитации среди муганцев выдвинул лозунг – идти в Ленкорань, что прекратить войну с татарами, сместив пришлых проходимцев [42].

В инструктивном письме Кавкрайкома РКП(б) в Ревком Муганского края от 23.06.1919 г. выражено стремление видеть его зоной революционизации мусульманского мира: «На все Закавказье Мугань представляет в настоящее время единственное место, где

идея Советской Власти осуществляется при поддержке тюркской демократической массы» [43]. Но политическая воля лидеров тяжело усваивалась массами.

На собраниях в Институте им. Шаумяна вопрос о совместной боевой работе с мусульманскими отрядами вызывал бурные споры. В ходе обмена репликами на вечере воспоминаний между Поминовым и Файковским становится известно, что в 1918 г. комендант Ленкорани Шевкунов поддерживал отношения с разбойничьими (по определению Файковского) отрядами под командованием Юнуса и Мамеда Зувандского. Поминов парировал это обвинение, заявив: благодаря Юнуске и Мамедке в Мугани было затишье в смысле грабежей [44].

Прозвище Мамеда говорит о том, что он был талышем. Летом 1919 г. он помогал оборонять Ленкорань с юга от других талышских и шахсевенских отрядов, наступавших от Астары и со стороны Зувандских гор. Он оказал большую помощь во время боев в лесах, когда ленкоранские отряды подвергались перекрестному обстрелу. Юнус командовал отрядом, первоначально подчинявшимся ханше Талышской. В 1918 г. ханша продемонстрировала свою готовность сотрудничать с новой властью, передав Юнуса в распоряжение Ленкоранского исполкома. Юнус вместе с отрядом Шевкунова ходил в боевой поход на запад до Зуванда. Ширали Ахундов вспоминал, как он обратился к Юнусу, «комиссару Зувандского района», за помощью для крестьян-тюрков, обобранных шевкуновцами. Тот попенял ходатаю, зачем он хлопочет о суннитах, и отказал. Оба – Мамед и Юнус – погибли в 1920 г. при обстоятельствах неясных [45].

О мотивах сотрудничества мусульманских вождей с русскими «гяурами» советские и эмигрантские тексты говорят практически одно и то же. Ахундов сообщил о содержании своих переговоров с известным талышским разбойником Ибрагим-Халилом из Бала Шахагача, который заявлял о готовности «сдаться бакинским большевикам», если они защитят его людей от персидских разбойников [иранских шахсевенов – авт.] и установят твердую власть [46]. Кадырли упоминал, что разбойник Кардаш-хан пошел на контакт с ним в тот момент, когда его теснил другой гачаг – Шахверан из Вергедузского района. Кадырли заключил соглашение с ним, понимая, что у Кардаш-хана большие посева, и он хочет вернуться и убрать урожай [47]. Примечательно, что Добрынин описал похожий случай, когда шахсевенский вождь Нафтулла-хан пошел на мировую с Хошевым, лишь бы иметь доступ в свои владения накануне полевого сезона, несмотря на то, что поручик весной 1918 г. разорил все его аулы [48].

По-видимому, для Юнуса, Мамеда, Кардаш-хана и Нафтулла-хана их боевая деятельность 1918–1919 гг. мало отличались от конфликтов, в которые они были издавна вовлечены. То, что у них в союзниках оказались большевики или воевавшие против красных офицеры – деталь, находящаяся за рамками их социокультурной реальности.

Герои и антигерои Мугани. За два бурных года истории Ленкоранского уезда в нее оказалось включенным изрядное количество людей, имена которых тогда гремели, но о них мало что известно. Обрывочные сведения в разных текстах, сведенные вместе, позволяют выхватить из прошлого почти исчезнувшую память об их жизни.

Ведущей фигурой муганских событий был полковник Ильяшевич. О нем пишут все, но одинаково негативно. Историко-партийные авторы признавали в нем лидера контрреволюционного офицерства. А Добрынин постоянно противопоставлял его своему идеальному герою – поручику Хошеву – как лукавого и слабохарактерного тугодума.

До революции полковник командовал батальоном на Билясуварском пограничном участке. Когда после ограбления парохода «Милютин» мусульмане стали нападать на переселенческие села и сожгли Григорьевку, Ильяшевич во главе отряда, основой которого стали солдаты царского призыва, предпринял рейд в нагорную полосу. Он буквально стер с лица земли десятки мусульманских сел. При этом полковник не учел, что нападавшие были в основном кочевники-шахсевены. Местные беки были замечены только в том, что подсылали людей с керосином и спичками для поджогов домов и полей переселенцев [49]. Но после этого успеха муганцы стали смотреть на Ильяшевича как на спасителя Мугани. Другие полковники – Ермолаев, Самбруд, Макаров, Аветисов и Остен-Сакен, такой репутации не имели.

Ильяшевич пользовался поддержкой эсера Сухорукова и входил так же, как и тот, во все муганские правительства. О нем хорошо отзывался Алеша Джапаридзе, а после падения Баккоммуны полковник в дружеском тоне советовал местным большевикам покинуть Ленкорань. После 24 апреля 1919 г. он был оставлен на должности главнокомандующего

армией как сочувствующий идее советского переворота. Только после появления в Мугани астраханских большевиков, по партийной привычке недолголюбивавших офицеров, он был отстранен и удален на покой в с. Пришиб. В июне 1919 г. (очевидно где-то в середине месяца) он был арестован в составе большой группы офицеров. Советские рассказчики высказывали мнение, что поход муганцев на Ленкорань был вызван их желанием освободить полковника [50].

Повествование Добрынина в части, отведенной Ильяшевичу, грешит желанием принизить его личность и роль в событиях. Но бесполезных источников не бывает. Даже этот тенденциозный рассказ в состоянии объяснить причины трений между 21-летним поручиком Хошевым и седым полковником. Во-первых, Ильяшевич не поддерживал тактику поручика по привлечению татар к выполнению задуманных операций; во-вторых, он не одобрял «шалостей» молодого поручика, любившего эффектные, но не всегда целесообразные вылазки и затеи; в-третьих, полковник был дипломатичен, мирился с существованием всяких советов и комитетов, а юный максималист Хошев не желал согласовывать свои действия с различными «безответственными горлодерами». Но особое место Ильяшевича среди муганских офицеров подтверждается тем, что он не был расстрелян во время эвакуации комиссаров из Ленкорани в отличие от других арестованных.

После установления в Мугани власти АДР Ильяшевич отбыл в Порт-Петровск, где был задержан белой контрразведкой. Для дальнейшего следствия он был переведен в Пятигорск. При отступлении его «забыли» в тюрьме, и он продолжал оставаться там и при советской власти, пока не умер [51].

У нас есть возможность оценить реальные заслуги поручика Хошева, взглянув на его деятельность не только глазами его товарища. Количество упоминаний фамилии Хошева в истпартовских текстах примерно в четыре раза уступает числу упоминаний об Ильяшевиче. Это о чем-то говорит. Большинству мемуаристов Хошев запомнился по событиям последних дней МСР, когда он с отрядом вошел в город и вел там уличные бои с комиссарскими отрядами. Хотя муганцам имя Хошева стало известно раньше, они делили командование отрядом с Пришиб между ним и Аникеевым, причем местный уроженец Аникеев назывался руководителем, а Хошев – при нем военным специалистом [52]. Если по Добрынину Билясувар – вотчина Хошева, то Гайк Арустамов упоминал, что в мае 1918 г. Алеша Джапаридзе выезжал к большевику Сидомонову, «руководившему всем в Билясуваре» [53]. По-видимому, описанная Добрыниным боевая активность Хошева носила местный характер и до лета 1919 г. мало влияла на события в регионе.

И, тем не менее, личность молодого поручика очень интересна в силу своей типичности для той эпохи. Борис Александрович Хошев (1898–1978) происходил из дворян Вологодской губ., окончил кадетский корпус в Тифлисе. В годы Первой мировой войны имел какое-то отношение к Нижегородскому полку, по-видимому, служил в качестве вольноопределяющегося. После производства в корнеты был отправлен в Персию. Потом, после Февральской революции – Мугань. Он не уехал, чтобы «хоть там спасти отдаленный клочок дорогой и истерзанной Родины».

Типаж, к которому принадлежал Хошев, неоднократно был описан: опаленное войной молодое поколение, которое уже не могло существовать без «жизни нервами» [54]. Эту участь выбирали не все, а только по-своему талантливые люди. Добрынин в полной мере отдал должное выдумке и отваге своего юного друга: «Впоследствии, когда мне пришлось стать ближайшим сотрудником Хошева, я не раз поражался его исключительной способности ясно и безошибочно разбираться в самой запутанной и сложной обстановке и его находчивости и умению всегда ловко и с успехом выходить из любого критического положения» [55]. Сам факт того, что штабс-капитан безоговорочно принял лидерство более молодого офицера, свидетельствует о незаурядности личности поручика.

В своей книге Добрынин привел несколько примеров своеобразного творческого подхода к войне, который демонстрировал Хошев. В начале 1918 г. тот видел своей задачей пресечение набегов на русские приграничные села. Сил для этого явно не хватало. И Хошев придумывает хитрость, которая должна была заставить татар из приграничных сел оказаться в одном с русскими лагере против кочевников. Он согнал в окопы местных армян, говорящих без акцента по-татарски, и заставил их переругиваться с шахсевенами, чтобы те подумали, что в окопах находятся татары. Шахсевены, договорившиеся с теми о совместном

нападении на Билясувар, решили, что преданы, что местные татары стали на сторону русских. И они от злости начали обстреливать татарские села. После провокации Хошева вражда между оседлыми татарами и кочевниками-шахсевенами установилась смертельная, и татары оказались накрепко привязанными к муганцам. Это повлияло и на боевой дух русских крестьян, они уже без сопротивления шли в окопы [56]. Как писал Добрынин: «Опасность оказалась Хошеву верным другом и лучшим средством в подчинении людей».

Как-то Добрынин иронично упомянул полумифический побег Керенского «в бабьей юбке», при этом ничтоже сумняшеся описал обстоятельства бегства Хошева из Ленкорани после установления там власти АДР, когда генерал-губернатор Джавад-бек Мелик-Еганов отдал приказ о его аресте: поручик был вывезен из города Али-ханом Талышинским под чадрой и в женском платье. Но обычно Хошев одевался весьма претенциозно, это отмечали даже в воспоминаниях на истпартовских вечерах.

Затем поручик служил в деникинской армии, в полку александрийских улан, расквартированном в Темир-Хан-Шуре. Их командиру генералу И.А. Глебову он был рекомендован лично генералом И.Г. Эрдели. После эвакуации в Крым он участвовал в боях против корпуса Д.П. Жлобы под Верхним Токмаком. В эмиграции нашел выход своей творческой натуре в работе фотографа.

Дмитрий Николаевич Кропотов – офицер-летчик, дворянин, сын помещика Саратовской губ., начальник военной гидроавиационной базы на о. Сара и член всех муганских правительств. Всеми признается его роль в ликвидации угрозы мусульманского погрома после разграбления оружия с парохода «Милютин» в феврале 1918 г. Это дало время для организации русских отрядов самообороны [57]. Кропотов был человеком Л.Ф. Бичерахова, по-видимому, через него шел хлеб частям корпуса Баратова, остававшимся еще в Персии. Это могло сформировать у советских мемуаристов устойчивое предубеждение против него. Даже его дружеские отношения с каноническим героем революции И.О. Коломийцевым (тоже энзелийцем) не поколебали этого мнения.

Летчик Романов описал порядки на авиабазе при Кропотове: «Дисциплина в отряде по нынешним понятиям на низком уровне. Все чувствовали себя с Кропотовым на равной ноге, так как они были с равными правами, моряки, и лишь признавали в нем старшего и подчинялись ему добровольно, когда же почему либо не нравилось его приказание, они его не выполняли, и Кропотов, истерически повышая тон, выхватывал револьвер, стучал по столу, грозил арестом, расстрелом, ссылкой. Команда говорила, что мы уходим, оставайся один, и это был главный довод, т.к. он не мог допустить, чтобы они ушли, и шел на уступки» [58]. Кропотов преимущественно находился в Ленкорани, время от времени появляясь на базе. И лишь во время боев между муганцами и комиссарами заявил, что уезжает на Сару, чтобы не принимать участие в усобице. Образ революционного романтика завершает описание рокового пленения баркаса «Кура», на котором Кропотов пытался пробраться в Астрахань. Ему удалось пройти более 700 км до Порт-Александровского, который считался советским, поэтому на вопрос встречного парохода «кто?», Кропотов ответил: большевики.

Командир одного из ленкоранских отрядов Шевкунов – уроженец Пришиба, живший в Билясуваре, по политическим взглядам, как и большинство муганских деятелей, принадлежал к правым эсерам. Он не был военным человеком, и, по словам некоего Филина, считался хулиганом, а значит, был весьма авторитетным среди сверстников молодым человеком. В 1917 г. он собрал небольшой отряд из жителей русских сел, который формально подчинялся Ильяшевичу. После того, как отряд Тагиева разоружил параллельные роты, Шевкунов уехал в Баку, но в конце марта 1918 г. вернулся назад на пароходе «Александр Жандр». Позже он был комендантом Ленкорани и возглавлял заградительный отряд, который фильтровал тех, кто направлялся в город, и отбирал у них хлеб [59]. По словам большевика доктора Захарьяна, Шевкунов творил безобразия особенно в отношении тюркского населения: снимал из ушей тюрчанок серьги и даже раздевал их прямо на улице, забирая шелковые платья. По некоторым рассказам известно, что у Шевкунова был человек для грязных поручений, палач – казанский татарин, которого называли Семён. Но в дальнейшем, как отмечали некоторые из советских мемуаристов (Поминов, Донской), его отряд перестал носить грабительский характер [60]. Среди них были и те, кто видел в нем муганского Робин Гуда. Осипов и Донской утверждали, что шевкуновский отряд боролся за советскую власть в 1919 г. как никакой другой. В это время

Шевкунов тесно взаимодействовал с отрядами Юнуса и его помощника Кулам Мамеда, что позволило на время остановить грабежи русских сел [61].

Шевкунов попал в плен к белым вместе с Кропотовым и Сухоруковым на баркасе «Кура». Затем был вместе с ними расстрелян. Их имена постоянно сочетаются в рассказах, вероятно, этих разных людей связывали дружеские отношения. Не исключено, что к их расстрелу причастен Добрынин: он упоминал, что встречал их в Порт-Петровске в контрразведке.

Другим ленкоранским отрядом командовал кубанский казак Лозовой. Зимой 1918 г. он был офицером «контрольной роты» Закавказского сейма, которая была направлена в Дербент и Порт-Петровск для предотвращения вывоза муки с Кавказа. Когда в Дагестане активизировались отряды имама Гоцинского, рота решила вернуться в Тифлис, но была задержана и разоружена бакинскими отрядами. Офицеры разбежались, осталось только трое, в том числе и Лозовой. Когда на ст. Хурдалан шли бои с турками, отряд попросился на фронт. В дальнейшем он был влит в состав Особого сводного отряда Баксовета. После переброски в Мугань стал опять называться контрольным отрядом [62]. Затем конный эскадрон Лозового располагался в с. Бала Шахагач, к югу от Ленкорани. Когда отношения Ленкоранской коммуны и муганских крестьян обострились, по приказу Орлова он был арестован вместе с другими офицерами. Лозового взяли во время его собственной свадьбы, привязали за шею к тачанке и гнали до самой Астары. Затем он вместе с другими содержался на о. Сара. В момент расстрела поручик предпринял попытку спастись. Он бросился в море и раненым сумел, будучи прекрасным спортсменом, проплыть несколько верст, но был найден на берегу утром конным разездом и тогда расстрелян [63].

Среди уроженцев Мугани наибольшую известность приобрел Моисей Бочарников, уроженец субботнического села Привольное, фронтовик и бедняк, по-видимому, по причине сиротства. Этого колоритного крестьянского вожака его земляк Донской охарактеризовал как «полуанархиста и коммуниста», а в прошлом – активного мародера [64]. Его имя постоянно упоминается в связи с экспроприациями и убийствами. Бочарников руководил сначала эскадром, потом всем приволенским отрядом. Манеру его политического поведения описал присутствовавший на июньском съезде в Ленкорани Донской: «Помню[,] как Бочарников заставил голосовать револьвером. Когда я стоял часовым, я помню[,] полковник Орлов говорил о чем-то, потом начались выборы. Помню[,] драка происходила, кто-то во флотском костюме – там все эсеры были – хотел первенство взять, в это время Бочарников с “Кольтом” вскочил на скамейку и говорит: голосуйте за наших делегатов. Тут паника» [65]. После установления власти АДР в Мугани Моисей Бочарников бежал в Персию, где попал в руки одного из местных вождей. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Главнокомандующий армией МСР Орлов – самая загадочная из фигур муганских событий. Он появился в Мугани с мандатом Временного правительства как комиссар по продовольствию. Называл себя членом партии правых эсеров. Весной 1918 г. вошел в состав Временного комитета Мугани. Через год в правительстве МСР сменил на посту главнокомандующего отстраненного Ильяшевича. Приволенец Донской описал его как интеллигентного человека в цивильном костюме с бородкой и в очках [66]. Его деятельность на этом посту вспоминается истпартовскими мемуаристами как-то неодобрительно, хотя, казалось бы, он все делал как надо. Он запомнился наведением дисциплины в армии. Аресты офицеров в июне 1918 г. были осуществлены по его приказу. Вместе с другими комиссарами отступил на о. Сара. Шахраманов в конце своего рассказа даже посетовал: его все время подозревали в измене, но он так и остался верен [67].

Добрынин также уделил внимание персоне этого необычного советского главнокомандующего: «Полковник граф Орлов-Пасечный, назначенный к нам на эту должность из Баку генералом Пржевальским. Он явился в Ленкорань в форме полковника Изюмского гусарского полка с Георгиевским крестом, Георгиевским оружием и Владимиром с мечами на шее. Это был тучный, лет под пятьдесят курчавый субъект с пенсне, с рыжеватой бородкой. Неумело носивший военную форму и неуклюже и боязливо сидевший на коне. [...] Вместо гусарской сабли ходил почему-то со штатской тросточкой, выпятив вперед толстый живот, и походил скорее на заживевшего маклера, чем на гусарского офицера. Его единственной страстью была крупная и азартная игра в карты, в которую он кстати сказать никогда не проигрывал» [68]. Затем штабс-капитан пересказал все компрометирующие слухи, ходившее об Орлове: еврей и немецко-британский (!) шпион, ведущий коммунистическую

пропаганду и причастный к убийству женщины, которая его опознала и разоблачила. Если человек негодяй, то абсолютный – в соответствии с жанром классической драмы, к которой тяготели эмигрантские авторы. Противоречивость сведений Добрынина, Шахраманова, Кожемяко и др. сама по себе симптоматична. Коллекционер мандатов Орлов – типаж авантюриста, готового служить всем властям, а таких в Мугани было немало.

Выводы

В заключение есть возможность оценить эвристические возможности раннесоветских и белоэмигрантских мемуаров. Воспоминания Добрынина написаны на основе дневниковых записей в первые годы пребывания на чужбине, что и определило их чрезмерную субъективность. Это особенно чувствуется по обилию оппозиций: Хошев – Ильяшевич, Бичерахов – добровольческое командование, и пр. Дизъюнкционная логика его построений: мир делится на Добро и Зло без полутонов, иногда приводит к полной нелепости. Он считает Бичерахова достойнейшим из русских офицеров, поэтому с вероломными союзниками – британцами у того не может быть никаких партнерских отношений, убежденно доказывает Добрынин. Но хорошо известно, что это совсем не так. Там, где дело касается чинов, дат, географических названий, Добрынин чаще всего точен. Это помогает установить последовательность событий, описанных в раннесоветских текстах с большей хаотичностью. Однако в книге встречаются и фактические неточности, выявить которые в свою очередь помогают советские тексты.

Документы из фондов Института им. Шаумяна еще раз показали, что претензии к этому типу источников обоснованы. Исследователь сталкивается и с приверженностью к шаблонной лексике, которая лишь искажала подлинную суть событий, и с влиянием официальной версии истории на содержание ветеранской памяти, и с «инфицированием» чужими образами памяти, благодаря заложенной Истпартом традиции вечеров воспоминаний. Все это компенсируется массовостью подобных документов. Их авторами были люди с разным уровнем образования и объемом предшествующего опыта, русские, армяне, азербайджанцы, мужчины и женщины, в разное время включившиеся в события. Взятое каждое в отдельности такое свидетельство не может быть надежным источником о повествуемом прошлом, потому что страдает фрагментарностью и неточностью. Но будучи использованными как единый, связанный объектно-субъектной общностью источниковый массив, они позволяют понять смысл случившегося. За счет «наложения» картинок прошлого уходят огрехи и частности, остается существенное. Рассказы людей, оказавшихся когда-то в прошлом в одном месте в одно время, отличаясь углом зрения, нивелируют погрешности. Нынешняя публикация призвана служить аргументом в пользу использования методики взаимной критики массовых источников личного происхождения, которую мы предлагаем назвать методом коллективного свидетеля.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ – проект № 12-01-00065а «Север – Юг: Географический и этнический факторы в гражданской войне (на материале Европейского Севера и Юга России)».

Примечания:

1. Морозова О.М., Невская Т.А. «Мои пятьсот трупов лежат...» // Родина. 2011. № 2. С. 44-48.
2. История Азербайджана / Под ред. И.А. Гусейнова, М.А. Дадашзаде и др. Баку, 1963. Т. 3. Ч. 1. С. 188–193.
3. Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Баку, 1998. С. 80.
4. Булдаков В.П. Хаос и этнос: Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2011.
5. Там же. С. 679, 687, 717, 767, 961, 990.
6. До 1918 г. применительно к тюркоязычному населению Закавказья использовались этнонимы «татары» или «тюрки». Современный этноним «азербайджанцы» мог появиться только после 15 сентября 1918 г.
7. Талыши, чей язык был отнесен Б.В. Миллером к северо-западной группе иранских языков, считаются потомками древнего населения Закавказья; исповедуют ислам шиитского толка.

8. Субботники, или геры (ивр. «пришелец», «жилец») – русские, принявшие иудаизм через процедуру «гиора».

9. Там же. Оп. 2. Д. 172. Л. 166.

10. Персидско-подданные турки Южного Азербайджана ошибочно назывались персами. Они устраивались на самые тяжелые и малооплачиваемые работы на нефтяных предприятиях и составляли наиболее эксплуатируемую часть бакинского пролетариата, что и определило высокую степень их социальной агрессии и присутствие в отрядах Баксовета, направленных на юг.

11. Саратиков Самуил Бежанович (Бажанович), занимал руководящие должности в Харьковском губздравотделе, горздравотделе, окрисполкоме. Был депутатом Харьковского горсовета, в 1933–1934 гг. возглавлял горсовет в Сумах. В 1934 г. возвратился в Харьков, занял пост сначала заместителя, затем председателя горсовета. В августе 1935 г. выведен из состава бюро горкома партии, а в октябре освобожден от должности. Приговорен и расстрелян в 1938 г.

12. Цит. по: Булдаков В.П. Указ. соч. С. 990.

13. АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 30. Л. 71.

14. Там же. Д. 33. Л. 166.

15. Добрынин В.А. Указ. соч. С. 88–89, 92.

16. АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 237.

17. Там же. Оп. 17. Д. 14. Л. 51.

18. Там же. Оп. 10. Д. 128. Л. 96–97.

19. Добрынин В.А. Указ. соч. С. 149.

20. Там же. С. 154.

21. АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 211.

22. АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 78.

23. Там же. Ф. 276. Оп. 2. Д. 172. Л. 170.

24. Там же. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 150.

25. Там же. Л. 205.

26. Государственный архив Архангельской области. Ф. 780. Оп. 1. Д. 8. Л. 114.

27. Добрынин В.А. Указ. соч. С. 151, 157.

28. Там же. С. 160.

29. АПД УДПАР. Ф. 276. Оп. 2. Д. 28. Л. 71.

30. АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 30. Л. 32, 48; Д. 33. Л. 184, 189, 232.

31. Добрынин В.А. Указ. соч. С. 66–67.

32. АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 5, 243.

33. Там же. Ф. 276. Оп. 2. Д. 26. Л. 8–9.

34. Там же. Ф. 456. Оп. 10. Д. 128. Л. 99–100.

35. Там же. Ф. 268. Оп. 23. Д. 121. Л. 3–4.

36. Там же. Ф. 456. Оп. 18. Д. 31. Л. 19, 24.

37. Там же. Оп. 17. Д. 14. Л. 13–19.

38. Там же. Л. 88, 91.

39. Там же. Оп. 18. Д. 33. Л. 200.

40. Там же. Оп. 17. Д. 10. Л. 56.

41. Добрынин В.А. Указ. соч. С. 82.

42. Там же. С. 98, 100, 114.

43. АПД УДПАР, ф. 456. Оп. 17. Д. 1. Л. 13.

44. Там же. Оп. 18. Д. 33. Л. 108–109.

45. Там же. Ф. 276. Оп. 2. Д. 172. Л. 168.

46. Там же. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 53–54.

47. Там же. Оп. 10. Д. 43. Л. 180.

48. Добрынин В.А. Указ. соч. С. 91.

49. АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 219–221.

50. Там же. Оп. 10. Д. 128. Л. 98.

51. Добрынин В.А. Указ. соч. С. 225–226.

52. АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 190, 245.

53. Там же. Л. 60–61.

54. Буторов Н. Прожитое. 1905–1920. М., 2009. С. 92.

55. Добрынин В.А. Указ. соч. С. 35.

56. Там же. С. 27, 29, 36.

57. Там же. С. 2–3.

58. АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 31. Л. 2–3.

59. Там же. Д. 33. Л. 136.

60. Там же. Л. 109, 185.

61. Там же. Л. 52.
62. Там же. Л. 139.
63. Добрынин В.А. Указ. соч. С. 179.
64. АПД УДПАР. Ф. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 184.
65. Там же. Л. 190.
66. Там же. Л. 184.
67. Там же. Д. 30. Л. 92; Д. 33. Л. 3 об.-4.
68. Добрынин А.В. Указ. соч. С. 93.

References:

1. Morozova O.M., Nevskaja T.A. «Moi pjat'sot trupov lezhat...» // Rodina. 2011. № 2. S. 44-48.
2. Istorija Azerbajdzhana / Pod red. I.A. Gusejnova, M.A. Dadashzade i dr. Baku, 1963. T. 3. Ch. 1. S. 188-193.
3. Azerbajdzhanskaja Demokratičeskaja Respublika (1918–1920). Baku, 1998. S. 80.
4. Buldakov V.P. Haos i jetnos: Jetnicheskie konflikty v Rossii, 1917–1918 gg. Uslovija vozniknovenija, hronika, kommentarij, analiz. M., 2011.
5. Tam zhe. S. 679, 687, 717, 767, 961, 990.
6. Do 1918 g. primenitel'no k tjurkojazyčnomu naseleniju Zakavkaz'ja ispol'zovalis' jetnonimy «tatary» ili «tjurki». Sovremennij jetnonim «azerbajdzhancy» mog pojavit'sja tol'ko posle 15 sentjabrja 1918 g.
7. Talyshi, chej jazyk byl otnesen B.V. Millerom k severo-zapadnoj gruppe iranskih jazykov, schitajutsja potomkami drevnego naselenija Zakavkaz'ja; ispovedujut islam shiitskogo tolka.
8. Subbotniki, ili gery (ivr. «prishelec», «zhilec») – russkie, prinjavshie iudaizm cherez proceduru «gijura».
9. Tam zhe. Op. 2. D. 172. L. 166.
10. Persidsko-poddannye tjurki Juzhnogo Azerbajdzhana oshibočno nazывalis' persami. Oni ustraivalis' na samye tjazhelye i malooplachivaemye raboty na neftjanyh predprijatijah i sostavljali naibolee jekspluatiruemuju chast' bakinskogo proletariata, čto i opredelilo vysokuju stepen' ih social'noj agressii i prisutstvie v otrjadah Baksoveta, napravlennyh na jug.
11. Saratikov Samuil Bežhanovich (Bazhanovich), zanimal rukovodjashhie dolžnosti v Har'kovskom gubzdravotdele, gorzdravotdele, okrispolkome. Byl deputatom Har'kovskogo gorsoveta, v 1933-1934 gg. vozglavljal gorsovet v Sumah. V 1934 g. vozvratilsja v Har'kov, zanjal post snachala zamestitelja, zatem predsedatelja gorsoveta. V avguste 1935 g. vyveden iz sostava bjuro gorkoma partii, a v oktjebre osvobožden ot dolžnosti. Prigovoren i rasstreljan v 1938 g.
12. Cit. po: Buldakov V.P. Ukaz. soch. S. 990.
13. АРД УДПАР. F. 456. Оп. 18. Д. 30. Л. 71.
14. Там зhe. Д. 33. Л. 166.
15. Добрынин В.А. Указ. соч. S. 88-89, 92.
16. АРД УДПАР. F. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 237.
17. Там зhe. Оп. 17. Д. 14. Л. 51.
18. Там зhe. Оп. 10. Д. 128. Л. 96-97.
19. Добрынин В.А. Указ. соч. S. 149.
20. Там зhe. S. 154.
21. АРД УДПАР. F. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 211.
22. АРД УДПАР. F. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 78.
23. Там зhe. F. 276. Оп. 2. Д. 172. Л. 170.
24. Там зhe. F. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 150.
25. Там зhe. L. 205.
26. Gosudarstvennyj arhiv Arhangel'skoj oblasti. F. 780. Op. 1. D. 8. L. 114.
27. Добрынин В.А. Указ. соч. S. 151, 157.
28. Там зhe. S. 160.
29. АРД УДПАР. F. 276. Оп. 2. Д. 28. Л. 71.
30. АРД УДПАР. F. 456. Оп. 18. Д. 30. Л. 32, 48.
31. Добрынин В.А. Указ. соч. S. 66-67.
32. АРД УДПАР. F. 456. Оп. 18. Д. 33. Л. 5, 243.
33. Там зhe. F. 276. Оп. 2. Д. 26. Л. 8-9.
34. Там зhe. F. 456. Оп. 10. Д. 128. Л. 99-100.
35. Там зhe. F. 268. Оп. 23. Д. 121. Л. 3-4.
36. Там зhe. F. 456. Оп. 18. Д. 31. Л. 19, 24.
37. Там зhe. Оп. 17. Д. 14. Л. 13-19.
38. Там зhe. L. 88, 91.
39. Там зhe. Оп. 18. Д. 33. Л. 200.

40. Tam zhe. Op. 17. D. 10. L. 56.
41. Dobrynin A.V. Ukaz. soch. S. 82.
42. Tam zhe. S. 98, 100, 114.
43. APD UDPAR. F. 456. Op. 17. D. 1. L. 13.
44. Tam zhe. Op. 18. D. 33. L. 108-109.
45. Tam zhe. F. 276. Op. 2. D. 172. L. 168.
46. Tam zhe. F. 456. Op. 18. D. 33. L. 53-54.
47. Tam zhe. Op. 10. D. 43. L. 180.
48. Dobrynin V.A. Ukaz. soch. S. 91.
49. APD UDPAR. F. 456. Op. 18. D. 33. L. 219-221.
50. Tam zhe. Op. 10. D. 128. L. 98.
51. Dobrynin V.A. Ukaz. soch. S. 225-226.
52. APD UDPAR. F. 456. Op. 18. D. 33. L. 190, 245.
53. Tam zhe. L. 60-61.
54. Butorov N. Prozhitoe. 1905-1920. M., 2009. S. 92.
55. Dobrynin V.A. Ukaz. soch. S. 35.
56. Tam zhe. S. 27, 29, 36.
57. Tam zhe. S. 2-3.
58. APD UDPAR. F. 456. Op. 18. D. 31. L. 2-3.
59. Tam zhe. D. 33. L. 136.
60. Tam zhe. L. 109, 185.
61. Tam zhe. L. 52.
62. Tam zhe. L. 139.
63. Dobrynin V.A. Ukaz. soch. S. 179.
64. APD UDPAR. F. 456. Op. 18. D. 33. L. 184.
65. Tam zhe. L. 190.
66. Tam zhe. L. 184.
67. Tam zhe. D. 30. L. 92; D. 33. L. 3 ob.-4.
68. Dobrynin A.V. Ukaz. soch. S. 93.

УДК 94(47).084.3:(479.24) "1918–1919"

Муганская область в 1918–1919 гг.

Ольга Михайловна Морозова

Донской государственный технический университет, Российская Федерация
Доктор исторических наук, профессор
344012, г. Ростов–на–Дону, пл. Гагарина, 1
E-mail: olgafrost@gmail.com

Аннотация. Реконструкция событий 1918–1919 годов в исторической области Закавказья – Мугани – на основе советских воспоминаний 1920–1930-х годов и мемуаров эмигранта В.А. Добрынина. Среди них: политическое лицо сменявших друг друга властных учреждений, портреты активных участников событий Т.И. Отраднева, Б.А. Хошева, полковника Ильяшевича, Д.Н. Кропотова, обстоятельства гибели И.О. Коломийцева; значение конфессиональных различий в позиции разных групп населения области (суннитов, шиитов, раскольников, субботников).

Ключевые слова: Муганская область; 1918–1919 годы; Ленкоранская коммуна крестьяне-переселены; тюрки; шахсевены; Т. Отраднев; Б. Хошев; полковник Ильяшевич; А. Кропотков; И. Коломийцев.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 13, Is. 1, pp. 62-69, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.13.62
www.ejournal15.com

Casus: the History of Russia in the Small Peas

UDC 94

Professors of Higher Schools of Southern Russia «About Time and Themselves» (the Beginning of the 1920s)

Anna N. Eremeeva

Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachov, Russian Federation
Southern branch
Dr. (History), Professor

Abstract

The article discusses the feelings of professors of the universities of Southern Russian in the early 1920s. The author noted connection of these feelings with the period of «counter-revolution», as well as problems of the present such as arrests of colleagues, the impossibility of fully scientific work and teaching, and everyday difficulties. Special attention is paid to ways of expressing feelings.

Keywords: Southern Russia; the beginning of the 1920s; scientific intelligentsia; professional activities; livelihood; reflection; ways of expressing feelings.

Введение

В знаменитом, давно разорванном на цитаты Вступлении в поэму «Во весь голос» Владимир Маяковский предложил профессору из будущего снять «очки-велосипед» и выслушать истинную, из первых уст историю о роли поэта в революционной России. Речь «агитатора, горлана-главаря» отличалась повышенной эмоциональностью, использованием не вполне нормативной лексики, верой в светлое будущее страны Советов и в непреходящее значение в ней собственной поэзии.

Современники Маяковского из числа профессуры не только «крыли эрудицией вопросов рой» в студенческих аудиториях и на научных форумах, но и эмоционально реагировали на изменения, происходившие в стране и в академическом сообществе. При этом их чувства далеко не всегда озвучивались «во весь голос» и, как правило, облекались в максимально безопасные речевые конструкции (особенно в публичном пространстве).

В данной статье рассматриваются переживания профессоров южнороссийских вузов начала 1920-х гг., связанные с недавним прошлым и новой действительностью, профессиональной деятельностью и бытовыми проблемами. Особое внимание обращается на артикуляцию данных переживаний.

Материалы и методы

Источниковая база работы включает делопроизводственную документацию вузов, властных структур (протоколы заседаний, отчеты, деловую переписку, заявления и проч.), а также источники личного происхождения – автобиографии, анкеты, мемуары, личную переписку. Последняя представлена в основном письмами известных не только в России, но и за ее пределами геологов – профессоров Донского политехнического института (Новочеркасск) П.Н. Чирвинского и П.П. Сущинского академику А.Е. Ферсману. Используются материалы Архива Российской академии наук, Государственного архива Ставропольского края, Государственного архива Краснодарского края, Государственного архива Ростовской области. В качестве методов исследования применены реконструктивный, сравнительно-исторический, типологический, герменевтический. При анализе текстов обращается внимание на структуру, имеющиеся исправления (в условиях дефицита бумаги ими изобилуют документы), язык, особенности аргументации.

Обсуждение и результаты

Период Первой мировой и Гражданской войн на Юге России оказался благоприятным для развития высшего образования в результате эвакуации университетов и институтов из зоны военных действий, а затем миграции значительной части населения (в т.ч. научной интеллигенции и молодежи – потенциальных студентов) из столиц. Новые вузы появились в Ростове-на-Дону (прежде всего, университет, эвакуированный из Варшавы), в Новочеркасске, в Екатеринодаре, в Ставрополе.

Осознание скорой победы большевиков в Гражданской войне привело к эмиграции части научной интеллигенции. Те, кто остался, не прекратили профессиональную деятельность, востребованную ввиду продолжавшегося вузовского строительства.

Установление советской власти на Дону, Ставрополье, Кубани произошло в разгар 1919-1920 учебного года. Руководство вузов оказалось перед необходимостью буквально в одночасье установить контакты с новой властью, чтобы продолжать выплачивать жалование, обеспечивать отопление и освещение помещений, освободить от мобилизации студентов и молодых преподавателей, от реквизиции – приборы и инструменты из институтских кабинетов, имущество сотрудников, ходатайствовать за арестованных и т.д.

Введение НЭПа вызвало сокращение государственных дотаций на образование и науку. Началась реорганизация вузов; основная роль в их содержании отводилась местному бюджету. Профессорские забастовки в столицах способствовали принятию в декабре 1921 г. Декрета об улучшении быта ученых. На местах, в т.ч. на Юге, создавались отделения Центральной Комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ). Уже в 1920–1922 гг. многие столичные профессора, занесенные ветром революции на Юг, вернулись в Москву и Петроград [1].

Собственно изменение политической ситуации практически не комментировалось в вузовском делопроизводстве и личной переписке. Обсуждались лишь отдельные проявления и «вызовы» новой эпохи. Причем те, кто говорили и писали, как правило, избегали морально-этических оценок, ограничиваясь констатацией фактов и нередко предложениями по преодолению тех или иных проблем. В личной переписке насущные вопросы повседневности часто «маскировались»: их помещали в середину послания, между малопонятными потенциальным цензорам рассуждениями на научные темы, таблицами, графиками, формулами.

Недавнее прошлое было одной из болезненно переживаемых и одновременно опасных для обсуждения тем. В длительный период «контрреволюции» на Юге профессора в большей или меньшей степени контактировали с денкинским и казачьими правительствами. Компетенции ученых были востребованы не только в сфере народного образования и науки, но и в различных министерствах, управленческих структурах, пропагандистских органах.

Для новой власти политическое поведение служащих государственных учреждений, в т.ч. вузов, в годы Гражданской войны представляла особый интерес. Об этом говорят специальные пункты анкеты, которую заполняли все профессора – о членстве в партиях, участии в Февральской и Октябрьской революциях, деятельности в 1917–1920 гг., службе в царской и Белой армиях. В ответах нередко упоминалась срочная служба и мобилизация в

годы Первой мировой войны; стабильно приводилась информация о преподавании в средних и высших учебных заведениях в революционные годы. О других видах деятельности упоминалось редко, как и о членстве в какой-либо партии. Это, однако, не исключало возможности в любой момент быть разоблаченным и подвергнуться репрессиям. Как образно выразился ректор Московского университета М.М. Новиков, «репутация и даже судьба человека того времени была подобна утлой скорлупке, плавающей на разбушевавшихся волнах бурного моря. И профессора университета находились в постоянной опасности ареста» [2]. На территориях бывшей «белой» России это ощущалось еще больше, чем в столицах.

Сразу после окончания Гражданской войны началось осмысление истории научной жизни революционной эпохи. В советских журналах («Наука и ее работники», «Книга и революция» и др.), в берлинском издании «Русская книга» («Новая русская книга») выходили небольшие «сообщения с мест», авторами которых были представители различных областей научного знания. Причем интерес проявлялся к научной жизни не только советской России, но и регионов, длительное время находившихся под властью антибольшевистских режимов [3]. Однако далеко не все ученые откликнулись просьбы академического руководства. П.Н. Чирвинский писал А.Е. Ферсману в апреле 1921 г.: «Статью о нашей работе в Новочеркасске и условиях ее можно бы, конечно, написать. Но изобилие фигур умолчания, что необходимо должно быть правду сказать, отбивает охоту браться за нее» [4]. Ученые боялись привлечь внимание к факту пребывания и профессиональной деятельности (собственной и своих коллег) в «белой» России. Впоследствии многие «отредактировали» свои биографии, практически вычеркнув из них 1918-1919 гг.

Упоминания о работе вузов период «контрреволюции» происходило достаточно редко, только в случае крайней необходимости. Например, в рамках отправленных в Донской отдел народного образования комментариев к «требовательным ведомостям на выдачу содержания и вознаграждений за 1919 г. служащим Университета, не получившим таковое до вступления советских войск» [5].

Недавнее прошлое висело Дамокловым мечем практически над всеми профессорами. Уже в 1920 г. начались аресты. В Ростове-на-Дону расстреляли приват-доцента эпидемиолога А.Н. Успенского, профессора-невропатолога А.А. Жандра, физиолога З.В. Гутникова – членов созданного в годы Гражданской войны при Донском университете Трудового общества медиков и медичек, формировавшего санитарные отряды для оказания помощи раненым и больным тифом. Данное общество в начале июня 1920 г. было объявлено контрреволюционным и черносотенным университетской коммюнейкой и комсомолем [6].

Вышей меры чудом избежал известный юрист, профессор Донского университета И.А. Малиновский: наказание ограничилось пребыванием в лагерях.

На заседаниях Совета Кубанского политехнического института (КПИ) вопрос об арестах нередко фигурировал в качестве внепланового. 14 мая одним из пунктов повестки дня был «Об аресте преподавателя Института А.А. Юнгера» [7]. 25 июня 1920 г. ректор А.А. Радциг сообщил «о произведенном в ночь на 17 и 18 сего июня аресте пяти преподавателей института». И добавил: «После обращения института в Кубано-Черноморскую ЧК все преподаватели освобождены» [8]. 6 июля 1920 г. стало известно об аресте преподавателя статистики Д.Н. Мерхалева [9]. 21 сентября 1921 г. профессора А.Н. Ленский, А.И. Дрбоглав, А.А. Малигонов, В.А. Казанцев информировали Совет об аресте профессора В.А. Удинцева, «происшедшем сегодня утром после безрезультатного обыска» [10].

Дочь профессора КПИ, изобретателя телевидения Б.Л. Розинга Л.Б. Твелькмейер вспоминала: «Этим летом (1920 г. – А.Е.) нам с папой пришлось приобрести новый жизненный опыт – мы с ним были арестованы. В одну ночь были арестованы все бывшие дворяне, мы попали в эту категорию, бывшие военные, и “не вовремя приехавшие”, т.е. прибывшие в Екатеринодар во время белых. Перед этим были всеми заполнены соответствующие анкеты, которым мы не придали значения» [11].

Упомянутые Л.Б. Твелькмейер (и ранее в статье) анкеты стали для инициаторов ареста важным информационным каналом. Хотя использовались и другие источники информации,

например, документы вузов и иных учреждений предыдущих лет, в т.ч. жизнеописания (Curriculum Vitae) сотрудников. Арестованный 2 июля 1920 г. Д.Н. Мерхалев в анкете «для лиц, состоящих на службе в КПИ и для вновь поступающих на службу», распространяемой Комиссией по учету служащих в советских учреждениях Кубано-Черноморской области, указал, что был с 1906 г. членом партии эсеров и за революционную деятельность в 1910 г. сослан в Архангельскую губернию [12] (этот факт по понятным причинам не фигурировал в жизнеописании, представленном а мае 1919 г., еще до установления советской власти, руководству института [13]). Кроме того, Мерхалев честно написал, что в 1919 г. не только преподавал в КПИ, но и работал в статистико-экономическом отделе Ведомства торговли и промышленности Кубанского краевого правительства [14]. Последняя информация, вероятно, и стала поводом для ареста.

Художника-архитектора, преподавателя КПИ, заведующего секцией изобразительного искусства подотдела искусств Областного отдела народного образования А.А. Юнгера арестовали через две недели после празднования 1 мая, оформлением которого он руководил по заданию «сверху». В его жизнеописании фигурировало проектирование в 1918-1919 г. екатеринодарских Дворца просвещения и искусств и Военного городка с церковью, юнкерским училищем, общежитием для офицеров и т.д. [15] Кроме того, против бывшего «сатириконовца» могли «свидетельствовать» антибольшевистские карикатуры в денкинской прессе – например, в издававшемся в Екатеринодаре журнале «Шипы».

Ректор МГУ М.М. Новиков вспоминал, что «одной из тяжелых обязанностей ректора были хлопоты об освобождении заключенных коллег. Обыкновенно эти хлопоты увенчивались успехом, потому что никаких серьезных обвинений нашим профессорам предъявить было нельзя. Но все-таки надо было изыскивать наиболее удобные и верные пути для этих хлопот» [16]. На Юге, с учетом недавнего прошлого и возможности предъявления разнообразных обвинений в отношении профессоров, руководству вузов нужно было действовать вдвойне осторожно.

Протоколы заседаний Совета КПИ и входящие документы Ревкома свидетельствуют о следующих составляющих «линии защиты»: действия власти констатировались, но не обсуждались и не оценивались, личности арестованного давалась оценка только как профессионала, практически незаменимого, необходимого вузу и возрождавшемуся народному хозяйству региона. В ходатайстве КПИ в областной Ревком по поводу Д.Н. Мерхалева от 3 июля 1920 г. читаем следующее: «2-го июля утром во время нахождения по месту службы в Обстатбюро был арестован преподаватель Кубанского политехнического института Дмитрий Николаевич Мерхалев. Ввиду того, что допроса <...> еще не было произведено, Институт не осведомлен о причинах ареста и последствиях его. Однако Кубанский политехнический институт считает возможным теперь же обратиться к ОБКУБРЕВКОМУ с ходатайством, не будет ли найдено возможным – во-первых, ускорить с выяснением причин ареста и во-вторых, если эти причины окажутся не слишком важными, содействовать освобождению Д.Н. Мерхалева от задержания, с заменой последнего в случае надобности какой-либо иной мерой. Независимо от преподавательских обязанностей по одному из важнейших предметов преподавания – статистики, Д.Н. Мерхалев занят в настоящее время как член особой комиссии по учету убытков, причиненных войной и блокадой Кубанского края – особенно спешными работами, возложенными на него председателем названной комиссии, как известно, командированным в Новороссийск. <...> В качестве статистика он именно должен разработать важнейшие данные, которые приказано направить в Москву, в особую комиссию, при Совете Обороны организованную. Арест Мерхалева задержит эти работы и может быть даже лишит возможности комиссию выполнить поручение в важнейшей его части» [17].

Ходатаи из КПИ, желая освободить профессора В.А. Удинцева (товарища министра народного просвещения Российской империи на рубеже 1916-1917 гг.), настаивали на том, что «Удинцев является единственным и совершенно незаменимым специалистом частного права РСФСР, что присутствие его в институте является безусловно необходимым и в высшей степени ценным» [18].

Заметим, что и Мерхалев, и Удинцев вскоре были освобождены и покинули Кубань, продолжив свою профессиональную деятельность соответственно в Сибири и Азербайджане.

Аресты коллег, а также имевшиеся факты изъятия имущества создавали ощущение нестабильности. Его усиливали действия властей в отношении студентов. Как отмечает историк А.Ю. Рожков, «на Кубани, маркированной властями “оплотом белогвардейщины”, “чистка” учащихся началась ещё осенью 1921 г. В Кубанском мединституте доля исключённых составляла более половины: из 720 студентов, подвергшихся перерегистрации, 437 (61 %) были отчислены. После “чистки” во все вузы страны рассылались “чёрные” списки. Для студентов, не прошедших перерегистрацию, закрывались двери в другие учебные заведения» [19]. Подобное происходило и на Дону.

Неудовлетворенность профессуры возможностью ведения полноценной научной деятельности в провинции зафиксирована во множестве документов – как в делопроизводственных, так и личного происхождения. Публичные высказывания, разумеется, были более сдержанными. Например, известный ботаник, профессор КПИ В.М. Арнольди на заседании Совета института 2 марта 1921 г. обозначил основные негативные моменты через освещение позитивных перемен в столичной академической среде. В докладе о положении высшей школе в Центре звучало следующее: «Высшие школы Москвы получили журнальную литературу последнего времени на немецком и английском языках. Научная деятельность в центре протекает чрезвычайно активно. Положение профессоров в Центре резко отличается от такового на Кубани. Благодаря полному обеспечению профессоров квартирами и продовольствием вопрос о добывании пищи не стоит остро и не мешает вести научную работу в чрезвычайно широком масштабе. Недостаток специалистов остро чувствуется в Центре, и если условия жизни окраин не будут изменены и сделаны сносными, то центр увлечет всех специалистов России» [20].

Ректоры информировали компетентные инстанции о тяжелом материальном положении персонала и студентов вузов. Стоявший во главе Донского университета А.Н. Бартенев в декабре 1920 г. сообщал Наркому просвещения А.В. Луначарскому, что из-за отсутствия достаточных пайков профессора «не имеют возможности всецело посвятить свои силы работе в университете, т.к. получаемое содержание далеко не обеспечивает их в материальном отношении и заставляет искать побочные заработки» [21]. В письме Наркому продовольствия уточнялось, что профессора вынуждены искать работу там, где она оплачивается «натурой». Ректор ходатайствовал «о разрешении получать такой же паек как в столицах», т.к. здесь «паек по 1-й категории слишком мал: на месяц – 1 фунт постного масла, полфунта сахара, 300 папирос, полфунта мыла, 1 фунт соли, 2 коробки спичек, четверть фунта горчицы, 5 фунтов керосина и 45 фунтов хлеба» [22]. В январе 1921 г. в письме в Рабоче-крестьянскую инспекцию ректор определил положение своего вуза как «жалкое во всех отношениях». В итоге «жалкое» было зачеркнуто и заменено на «неудовлетворительное». Зачеркнутой оказалась и следующая фраза: «При настоящих канцелярских мытарствах и волоките бумаги разного характера, чаще всего очень нужные и весьма спешные, по неделям гуляют в учреждениях без всякого движения» [23].

Исполняющий обязанности директора Ставропольского сельскохозяйственного института, командируя в июле 1921 г. представителя вуза в Ростов-на-Дону за обувью и обмундированием, в ходатайстве отмечал «крайне тяжелое положение личного состава Института, изношенность и отсутствие обуви и одежды у которого дошла буквально до крайних пределов, что с приближением осеннего и зимнего периодов грозит остановкой всей работы института» [24].

Руководитель КПИ Ф.Н. Веригин констатировал на Совете 30 июля 1921 г.: «Положение преподавателей и студентов в настоящее время прямо отчаянное (в протоколе «отчаянное» зачеркнуто и заменено на «тяжелое» – А.Е.). Студенты не получают жалование за 3 месяца и пайка 2 месяца, профессора по внекатегорным ставкам не получили еще жалование за май. Целые дни приходится бегать с утра до вечера, только этим занимаемся и безо всякого успеха» [25]. «Не имея больше никаких средств в своем распоряжении и не видя никакого выхода из создавшегося положения», ректор просил освободить его должности [26]. Члены Совета, однако, переубедили своего руководителя.

В переписке ученых и других источниках личного происхождения фигурируют постоянные сожаления о невозможности полноценно заниматься научной работой из-за задачи элементарного физического выживания. Востоковед Б.А. Леман, в революционные годы бежавший из Петрограда на Кубань, сообщал в анкетном листке подотдела печати

агитотдела Кубано-Черноморского областного Политпросвета в июне 1921 г., что преподает в Кубанском университете, рабочем университете, является лектором Института народного образования, курсов Поарма IX (Политотдела 9-ой армии – А.Е.), Высшей партийной школы, дошкольных курсов Оботнароба, Пролеткульта и Кубанской консерватории [27]. Кроме того, он, наряду с несколькими профессорами консерватории (в числе которых был поэт и переводчик С.Я. Маршак, известные композиторы В.А. Золотарев и С.С. Богатырев), поэтессой Е.И. Васильевой, актерами, активно участвовал в организации Театра для детей. Суть своей повседневности Б.А. Леман в письме библиографу Е.Я. Архиппову определил следующим образом: «Быт съедает жизнь» [28].

«Работать приходится очень мало – почти все время уходит на добычу пропитания: академические пайки переведены в Ростов, и вывезти их оттуда – громадное затруднение. Часто мечтаю о том, что хорошо бы перебраться в Петроград, но теперь это крайне затруднительно» – писал А.Е. Ферсману П.П. Сущинский 21 октября 1921 г. [29] В январе 1922 г. он жаловался: «Наши кабинеты этой зимой совершенно не отапливаются и сидеть в них почти невозможно» [30].

Коллега П.П. Сущинского П.Н. Чирвинский сообщал тому же А.Е. Ферсману в апреле 1921 г., что обрабатывает огород в 5-ти верстах от Новочеркасска и замечал при этом: «Скорблю, что не вижу ни одного научного заграничного журнала (Вы все-таки таковые видите) <...> Пишите вообще и подробнее о научных работах, а то одичать можно совсем» [31]. Ровно через год (17 апреля 1922 г.) Чирвинский включил в самую середину письма чисто научного содержания следующий абзац: «Я кое-как умудряюсь работать – но очень трудно <...> мор от голода, каннибальство (раз выхожу около крыльца, там гложет собака женскую стопу), засол людей (больше детей) в кадках. Словом строительство в полном ходу» [32]. Обратим внимание – страшные иллюстрации голода на Дону сопровождаются недвусмысленным, но достаточно сдержанным комментарием, свидетельствующем об осознании возможных негативных последствий эмоциональных характеристик, как для адресанта, так и для адресата.

Пессимистичная тональность документов характерна именно для начала 1920-х гг. Уже с 1923 г. и вузовское делопроизводство, и личная переписка демонстрируют то, что жизнь постепенно налаживается. Негативные примеры из первых лет после окончания Гражданской войны начинают использоваться как аргументы в пользу дальнейшей положительной динамики.

Выводы

Переход от Гражданской войны к миру на территориях, бывших в 1918–1920 гг. ареной непримиримого противостояния, сопровождался серьезными трансформациями в мироощущении населения. Это хорошо просматривается на примере южнороссийской профессуры. Документы делопроизводства и особенно источники личного происхождения изобилуют негативной информацией, демонстрируя депрессивные настроения. Анализ текстов начала 1920-х гг. позволяет констатировать появление комплекса переживаний, связанных как с деятельностью научной интеллигенции в недавнем прошлом (сотрудничеством в различных формах с «контрреволюционными» режимами), так с реалиями настоящего (арестами, невозможностью полноценно заниматься научной и преподавательской деятельностью, бытовой неустроенностью, общей разрухой). Способы выражения данных переживаний, по крайней мере, в доступных нам письменных источниках, свидетельствуют об ограничениях, которым осознанно подвергали профессора во избежание репрессий. Данные ограничения касались оценочных суждений в отношении действий новой власти

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект 14-01-00239 «Чувства под контролем: повседневность провинциального города 1920-1930-х годов в ракурсе культурной истории эмоций».

Примечания:

1. См.: Еремеева А.Н. «Или уеду, или умру»: «выездные» настроения интеллигенции южнороссийских городов в начале 1920-х гг. // История и историки в контексте времени. 2014. № 2. С. 84–91.
2. Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. С. 123.
3. См. напр.: Павлов Д. Из научной жизни провинции. На Северном Кавказе // Наука и ее работники. 1921. № 1. С. 28–29.
4. Архив Российской Академии наук (далее – АРАН). Ф. 544. Оп. 8. Д. 526. Л. 39-39 об.
5. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-1818 Оп. 1. Д. 3. Л. 130.
6. Морозова О.М. Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 127.
7. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 1400. Л. 251.
8. ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 1400. Л. 270 об-271.
9. ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 1400. Л. 273 об.
10. ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 1400. Л. Л. 326 об.
11. Твелькмейер Л.Б. Мой отец и его окружение // Нестор. № 12. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Русская жизнь в мемуарах. Из семейных архивов. СПб., 2008. С. 91.
12. ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 365. Л. 17.
13. ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 365. Л. 1.
14. ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 365. Л. 17.
15. ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 660. Л. 15-15 об.
16. Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. С. 123.
17. ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 19. Л. 210.
18. ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 1400. Л. 326 об.
19. Рожков А.Ю. Советизация вузов: кубанский сценарий (1920-е годы) // Еремеева А.Н., Рожков А.Ю., Стругова М.Р. Наука и власть: кубанский контекст (1917–1941) /. Краснодар: Кубанькино, 2010. С. 72.
20. ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 1400. Л. 309 об.–310.
21. ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 39. Л. 26.
22. ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 39. Л. 27.
23. ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 39. Л. 73.
24. Государственный архив Ставропольского края. Ф. Р-89. Оп. 1. Д. 73. Л. 34.
25. ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 1400. Л. 317.
26. Там же.
27. ГАКК. Ф. Р-142. Оп. 1. Д. 4. Л. 47.
28. Черубина де Габриак. Из мира уйти неразгаданной... Феодосия-Москва, 2009. С. 90.
29. АРАН. Ф. 544. Оп. 8. Д. 462. Л. 31.
30. АРАН. Ф. 544. Оп. 8. Д. 462. Л. 35 об.
31. АРАН. Ф. 544. Оп. 8. Д. 526. Л. 39–39 об.
32. АРАН. Ф. 544. Оп. 8. Д. 526. Л. 44 об.

References:

1. Sm.: Eremeeva A.N. «Ili uedu, ili umru»: «vyezdnye» nastroeniya intelligencii yuzhnorossijskih gorodov v nachale 1920-h gg. // Istoriya i istoriki v kontekste vremeni. 2014. №2. S. 84-91.
2. Novikov M.M. Ot Moskvyy do N'yu-Jorka. Moya zhizn' v nauke i politike. N'yu-Jork, 1952. S. 123.
3. Sm. napr.: Pavlov D. Iz nauchnoj zhizni provincii. Na Severnom Kavkaze // Nauka i ee rabotniki. 1921. №1. S. 28-29.
4. Arhiv Rossijskoj Akademii nauk (dalee – ARAN). F. 544. Op. 8. D. 526. L. 39 -39 ob.
5. Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti (dalee – GARO). F. R-1818 Op. 1. D. 3. L. 130.

6. Morozova O.M. Cari, kazaki, krasnye komandiry... Sem' ocherkov v zhanre istoriko-psihologicheskogo portreta. Rostov n/D: Izd-vo YUNC RAN, 2010. С. 127.
7. Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja (dalee – GAKK). F. R-229. Op. 1. D. 1400. L. 251.
8. GAKK. F. R-229. Op. 1. D. 1400. L. 270 ob-271.
9. GAKK. F. R-229. Op. 1. D. 1400. L. 273 ob.
10. GAKK F. R-229. Op. 1. D. 1400. L. L. 326 ob.
11. Tvel'kmejer L.B. Moj otec i ego okruzhenie // Nestor № 12. Zhurnal istorii i kul'tury Rossii i Vostochnoj Evropy. Russkaya zhizn' v memuarah. Iz semejnyh arhivov. SPb, 2008. S. 91.
12. GAKK. F. R-229. Op. 1. D. 365. L. 17.
13. GAKK. F. R-229. Op. 1. D. 365. L. 1.
14. GAKK. F. R-229. Op. 1. D. 365. L. 17.
15. GAKK. F. R-229. Op. 1. D. 660. L. 15-15 ob.
16. Novikov M.M. Ot Moskvy do N'yu-Jorka. Moya zhizn' v nauke i politike. S. 123.
17. GAKK. F. R-158. Op. 1. D. 19. L. 210.
18. GAKK. F. R-229. Op. 1. D. 1400. L. 326 ob.
19. Rozhkov A.YU. Sovetizaciya vuzov: kubanskij scenarij (1920-e gody) // Eremeeva A.N., Rozhkov A. YU., Strugova M. R. Nauka i vlast': kubanskij kontekst (1917–1941) /. Krasnodar: Kuban'kino, 2010. S. 72.
20. GAKK. F. R-229. Op. 1. D. 1400. L. 309 ob. - 310.
21. GARO. F. R-46. Op. 1. D. 39. L. 26.
22. GARO. F. R-46. Op. 1. D. 39. L. 27.
23. GARO. F. R-46. Op. 1. D. 39. L. 73.
24. Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja. F. R-89. Op. 1. D. 73. L. 34.
25. GAKK. F. R-229. Op 1. D. 1400. L. 317.
26. GAKK. F. R-229. Op 1. D. 1400. L. 317.
27. GAKK. F. R-142. Op. 1. D. 4. L. 47.
28. Cherubina de Gabriak. Iz mira ujti nerazgadannoj... Feodosiya-Moskva, 2009. S. 90.
29. ARAN. F. 544.Op. 8. D. 462. L. 31.
30. ARAN. F. 544.Op. 8. D. 462. L. 35 ob.
31. ARAN. F. 544. Op. 8. D. 526. L. 39-39 ob.
32. ARAN. F. 544. Op. 8. D. 526. L. 44 ob.

УДК 94

**Профессора южнороссийских вузов «о времени и о себе»
(начало 1920-х гг.)**

Анна Натановна Еремеева

НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Южный филиал, Российская Федерация
350063, Краснодар, ул. Красная, 28, оф. 28
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: eranna2000@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются переживания профессоров южнороссийских вузов начала 1920-х гг. Отмечается связь переживаний с недавним прошлым – периодом «контрреволюции», а также с проблемами настоящего – арестами коллег, невозможностью полноценной научной работы и преподавания, бытовыми трудностями. Особое внимание обращается на способы выражения переживаний.

Ключевые слова: Юг России; начало 1920-х гг.; научная интеллигенция; профессиональная деятельность; жизнеобеспечение; рефлексия; способы выражения чувств

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 13, Is. 1, pp. 70-76, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.13.70
www.ejournal15.com

Reviews and Surveys

UDC 497

Khlynina, T.P. and Krinko, E.F. (2014). History, Policy and Nation Building in the Northern Caucasus. Roston-on-Don. SSC RAS Publishers. 434 p.

Yuriy Yu. Klichnikov

Pyatigorsk State Linguistic University, Russian Federation
Dr. (History)

Abstract

The article is devoted to reviews on the book «History, Policy and Nation Building in the Northern Caucasus» by the famous explorers of the Northern Caucasus T.P. Khlynina and E.F. Krinko.

Keywords: history; policy; nation building; Northern Caucasus.

Вышедшая в свет новая монография известных в отечественном кавказоведении специалистов Татьяны Павловны Хлыниной и Евгения Фёдоровича Кринко является удачным примером синергетического эффекта в науке, когда два разноплановых исследователя, объединив свои усилия, сумели создать работу, в которой комплексно и органично слились исторические, культурологические, социальные и политические вопросы. Сама структура представленного труда говорит о весьма широком проблемном охвате, характерном для этой книги.

Семь глав, каждая из которых вполне могла стать самостоятельной темой для разработки, позволяют получить наглядную картину того, как происходил непростой процесс нацистроительства на Северном Кавказе – традиционно проблемным регионе с весьма взрывоопасным конфликтным потенциалом. По мнению авторов, именно незавершённость этого процесса и обуславливает наличие многих проблем, которые безуспешно пытается разрешить российская государственность на очередном витке своего исторического развития.

Разработка этой темы необычайно сложна в силу как объективных, так и субъективных обстоятельств. Авторы не скрывают тех трудностей, которые им приходилось преодолевать. Работа с «живой историей» традиционно затрудняется болезненной реакцией непосредственных участников событий на недостаточно комплиментарные, по их мнению, трактовки прошлого. Но преодоление этих препятствий и придаёт труду новаторский характер.

В первой главе речь идёт о роли исторической памяти в жизни народов, показывается тот позитивный и негативный потенциал, который несут в себе примеры из прошлого. Исследователи отмечают тревожную тенденцию, при которой происходит разрыв между

сферой образования и академической историей, вытеснение памяти об общем прошлом народов нашей страны «национальной» историей, ставшей влиятельным ресурсом современной политики. Ставится вопрос о месте и роли нынешних служителей Клио, профессиональная ответственность которых перед обществом возрастает.

Любопытны рассуждения о табуированности части тем, которые вызывают болезненный общественный резонанс. Как оказалось, «дела давно минувших дней» по-прежнему будоражат общество и могут повлиять на перспективы развития региона. Т.П. Хлынина и Е.Ф. Кринко не дают готовых рецептов, как в этой ситуации поступать историку. Их работа – скорее призыв к размышлению, обозначение наиболее болезненных сторон выделенной проблемы.

Далеко не все выводы авторов воспринимаются однозначно. Безальтернативное неприятие попыток властей найти в прошлом примеры позитивного единения в русско-северокавказских отношениях и использовать их на практике (речь идёт о юбилейных мероприятиях, связанных с формированием общего государственного пространства) поневоле заставляет вспомнить, к чему привело увлечение конфликтными сюжетами в совместной истории. Так ли уж сильно отличаются здравицы в честь «добровольного вхождения», звучавшие в советское время, от тех патриотических акций, которые проводятся сейчас в северокавказских субъектах Российской Федерации с целью продемонстрировать свою приверженность лозунгу «Россия – наш общий дом!»?

Использование властью наработок учёных-историков не обходится без анализа со стороны авторов монографии. Исповедование принципа «не навреди», в целом оправданного и рационального, к сожалению, оборачивается стагнацией в исторических исследованиях. Нередко административный прессинг становится «Ultima ratio regum» в борьбе с неудобными трактовками прошлого со стороны оппонентов. Такая практика во многом объясняется тем, что для Северного Кавказа прошлое – это скорее живая традиция, чем застывшая история, и её актуализация в немалой степени вызвана незавершённостью процесса нациестроительства, о чём говорится во второй главе представленного труда.

Созданию наций из народов, проживающих на Северном Кавказе, советская власть уделяла огромное внимание. Это был один из приоритетных социальных проектов большевиков, с помощью которого они, по мнению исследователей, получали «средство борьбы за социализм». В качестве инструмента на первом этапе выступала автономия, которую начали активно внедрять в местной практике.

Анализируя советский опыт, исследователи при этом совершают исторический экскурс в предшествующий период, что даёт возможность оценить проблему на фоне широкой исторической ретроспективы. Подобная масштабность позволяет читателю получить панорамное представление о тенденциях, характерных для проблем, которые и в наше время будоражат общественное сознание (например, пресловутый «черкесский вопрос», бывший на слуху в преддверии зимней Олимпиады 2014 г.).

Останавливаясь на проблеме коренизации, авторы отмечают, что с её помощью советская власть стремилась заручиться поддержкой горских народов, чьё социально-экономическое и культурное развитие всячески поощрялось и подталкивалось. Видится удачным использованное выражение, отражающее суть данного процесса – «спонсируемый государственный эволюционизм». На этом пути пришлось столкнуться с серьёзными проблемами и издержками, расплачивалось за которые нередко русское население региона. Возросшее в итоге самосознание народов Северного Кавказа потребовало проведения особой политики, учитывавшей этот фактор.

Сформировалась новая элита, которая, используя представившиеся возможности советского «социального лифта», стремилась закрепить свой статус среди сородичей. Исследователи отмечают, что изначально для этих представителей советской номенклатуры был характерен приоритет этнических ценностей над партийными. В дальнейшем эта черта региональной элиты только укреплялась. Читатели узнают, как нелегко было соединять «кабинетные идеи», весьма далёкие от жизненных реалий, с практической работой. Отсюда и причудливые зигзаги в биографии весьма незаурядных личностей, которые олицетворяли собой новый облик северокавказских руководителей.

Отдельного внимания авторов удостоилась проблема, связанная с судьбой казачества. Оказавшись заложниками весьма неблагоприятных для них исторических обстоятельств,

назначенные на роль ответчиков за «прегрешение царского режима», они пытались найти выход в позиционировании себя как самостоятельной этнической группы, добивались равных прав и возможностей с прочими северокавказскими этносами. Данная проблема не решена и по сей день. Осознавая самобытность казаков, власти при этом не могут определиться с тем, как им трактовать этот культурно-исторический феномен. Примечательно, что в различных субъектах, где компактно проживают казаки, местные власти самостоятельно вырабатывают собственный курс по взаимоотношению с ними.

В третьей главе речь идёт о тех властных органах, которые осуществляли и осуществляют решение национальных вопросов в регионе. Появление специального ведомства, которое должно было заниматься проблемой национальностей, было мерой вынужденной и политически актуальной. Появившийся в декабре 1917 г. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР стал первым опытом в распутывании сложнейшего клубка вопросов, который представляла собой национальная проблема в стране. Северокавказские реалии, с которыми столкнулись большевики, не могли быть сведены исключительно к решению проблем социально-экономического и культурного развития. Лозунги интернационализма зачастую вызывали недоверие у местных жителей, а имеющийся у них исторический опыт был ориентирован на отстаивание, прежде всего, узко этнических интересов. Потребовалось выделить данный вопрос в отдельное направление, чтобы особый орган курировал проблемы межнационального взаимодействия. В дальнейшем этот орган неоднократно реорганизовывался, его полномочия менялись. И даже сейчас, когда формально отказались от такого координирующего органа, в реальности, по мнению Т.П. Хлыниной и Е.Ф. Кринко, национальные вопросы разрешаются «по рецептам советской эпохи».

Авторы акцентировали внимание на вопросе, связанном с репатриацией черкесов на историческую родину. Вокруг него ведутся активные дискуссии, звучат призывы «восстановить историческую справедливость», от федеральных властей требуют взять на себя обязанность по возвращению и реабилитации потомков мухаджиров. Но как показывает практика, главной проблемой здесь становится достаточно унылая социально-экономическая ситуация, сложившаяся в республиках, где адыги являются титульными этносами, и нежелание находиться в «банановом рае для избранных».

Осознание необходимости заниматься насущными социально-экономическими и национально-культурными задачами авторы видят и в угасании некогда бурной дискуссии вокруг создания национального района причерноморских адыгов-шапсугов. Постепенно вырабатывается вполне конструктивное взаимодействие между руководством Краснодарского края и лидерами общественных организаций, выступающих от имени этого субэтноса.

Вопросы, связанные с институционализацией исторической памяти и практики её поддержания, поднимаются в четвёртой главе монографии. Авторы подробно останавливаются на оценке роли музеев в процессе нацистроительства на Северном Кавказе. Показывается, по какому принципу шло формирование экспозиций, осуществлялся сбор артефактов. Опираясь на собранные сведения, авторы выделяют черты, в целом свойственные для всех музеев региона. По мнению Т.П. Хлыниной и Е.Ф. Кринко, это, в частности, уважительное отношение к советскому периоду истории, сохранение памяти о боевых и трудовых подвигах местных жителей. В последние годы организуются выставки, связанные с событиями депортации и массовых политических репрессий в сталинское время. Возрастает роль музеев в формировании позитивного имиджа той или иной республики как в пределах Российской Федерации, так и за рубежом. В контексте заявленной авторами темы, музеи способствуют популяризации в доступной для широкой общественности форме вопросов, связанных с «интерпретацией истории государствообразующих этносов», и таким образом участвуя в исследуемом процессе.

Особое внимание уделяется событиям Кавказской войны, ставшей источником целой череды мемориальных конфликтов. Трактовка этого явления, оценка роли тех или иных участников событий полуторавековой давности порой диаметрально противоположна. Освещая этот сюжет, авторы показывают, как менялась позиция официальных властей по данному вопросу, какие идеологические функции должны были выполнять памятники, посвящённые противостоянию империи и части населения Кавказа.

Потребность в позитивной исторической памяти привела к установлению целой череды памятников, демонстрирующих процесс добровольного единения народов региона с Россией. Проводились соответствующие юбилейные мероприятия, что, по мнению Т.П. Хлыниной и Е.Ф. Кринко, далеко не всегда имело позитивные последствия. Представляется, что исследователи несколько переоценивают «шумное возмущение местной интеллигенции» по данному вопросу. Оно имело место несколько позднее и было связано с переделом власти в республиках, для чего понадобился соответствующий негативный исторический фон, позволивший мобилизовать общественность в борьбе с «исторической несправедливостью». Эта шумная кампания была необходима для шантажа центральной власти и получения новых экономических и политических преференций, способствовала обновлению региональной элиты. Любопытно, что, несмотря на кажущуюся негативную реакцию ряда общественных организаций, и нынешние руководители северокавказских республик не отказываются от такой практики, всячески демонстрируя пророссийский выбор возглавляемых ими народов как в прошлом, так и в настоящем. В целом авторы убеждены, что тема «Кавказской войны» не потеряла своей актуальности, а её мемориализация, приобретя «этнически выраженный и эмоционально окрашенный характер», не перестаёт усиливать градус напряжённости в регионе.

По-прежнему велика роль «мест памяти», связанных с Великой Отечественной войной. Многочисленные мемориальные комплексы прославляли героизм выходцев с Северного Кавказа, их жертвенность и вклад в общую победу над врагом. Волна нигилизма, захлестнувшая общество в 1990-е гг. и переоценка событий, связанных с памятью о войне, для региона в целом была нехарактерна. Если памятники и подвергались разрушению, то это было связано скорее с отсутствием необходимого финансирования по поддержанию их в должном состоянии. В дальнейшем ситуация с реставрацией мемориалов улучшилась. Сейчас к ним стали добавляться памятники, посвящённые участникам боевых действий в Афганистане и Чечне. Стремлением подчеркнуть вклад того или иного народа Северного Кавказа в разгром фашизма авторы считают своеобразную «конкуренцию» за право иметь на своей территории «Город воинской славы». О том, что эта тема не является искусственным проектом властей, говорит тот факт, что люди порой сами открывают музеи, где память о войне показана сквозь призму семейной истории. Можно говорить, что такие идеалы необходимы для формирования национальной идентичности. Существует и потребность в памятниках, посвящённых жертвам депортации, которой подвергся ряд народов региона. Исследователи считают, что «попытки подсчитать, какой народ внес больше вклад в Победу или более других пострадал от преступлений сталинизма, в значительной степени объясняются этническими комплексами, своеобразными “болезнями роста” национального самосознания». Существующая травматическая интерпретация прошлого нередко мешает выстраиванию взаимоотношений между народами региона, затрудняет их собственное поступательное развитие.

В главе пятой разбираются особенности национального образования в контексте нацистроительства. Авторы подчёркивают роль языка, культуры и образования в деле формирования наций. Траектории становления и развития системы национального образования в различные периоды прошлого заметно отличались. В советский период акцент делался на прославлении достижений в сфере культурной революции, сыгравшей важную положительную роль в жизни народов Северного Кавказа. В 1990-е гг. напротив – зазвучали обвинения в подавлении национальных традиций и стремлении культурно ассимилировать местные этносы.

Необходимость создания национальной письменности у различных народов региона осознавалась уже с самого начала его присоединения к России. Большевики придали этому вопросу политическое звучание. На это были брошены немалые материальные и интеллектуальные ресурсы. Но почти сразу данная задача столкнулась со множеством преград, в том числе и с позицией самих горцев. Они весьма прагматично отмечали, что их детям необходимо знание русского языка, который позволял сделать успешную карьеру, причём не только в собственной республике, но и за её пределами. Не помогало преломить ситуацию даже административный нажим, осуществлявшийся из центра. Оказался неудачным эксперимент по переводу письменности народов Северного Кавказа на латинскую основу, что неудивительно, т.к. делалось это не столько исходя из практической

потребности, сколько из стремления продемонстрировать «уважение ко всем нерусским народам». Это был один из важных шагов по претворению в жизнь политики коренизации, когда ставка делалась на кадры из числа автохтонного населения.

Для подготовки квалифицированных кадров создавались национальные педагогические институты, сыгравшие важную роль в деле просвещения местных народов. Они стали подлинной кузницей новой горской интеллигенции, которую стремились воспитывать на идеалах социализма. Во второй половине 1930-х гг. национальные языки начинают переводить на кириллическую основу, что способствовало сближению культуры местных народов с русской культурой. Это диктовалось не только потребностями проводившейся социально-экономической модернизации, но и военно-политической необходимостью, было жизненно важно в преддверии надвигавшейся мировой войны. Впрочем, от политики коренизации школы не думали отказываться, хотя для осуществления задуманного явно не хватало ни средств, ни времени. Авторы приходят к выводу, что вплоть до 1980-х гг. развитие национального образования на Северном Кавказе складывалось под влиянием двух взаимоисключающих тенденций. С одной стороны, это была декларируемая коренизация, с другой стороны – необходимость унификации, которая в конечном итоге и восторжествовала.

В конце 1980-х гг. на фоне структурного кризиса, поразившего СССР, эта проблема вновь актуализировалась. В процессе противостояния руководства РСФСР с союзными властями российское руководство стремилось разными способами заручиться поддержкой региональной элиты, в том числе принимая различные нормативно-правовые акты, расширяющие право применять родной язык в различных сферах, в том числе и образовании. Но вновь, как и прежде, эйфория национального возрождения столкнулась с реальными потребностями общества, нуждавшегося в языке межнационального общения, которым мог быть только русский язык. По мере укрепления властных институтов от опасного популизма отказывались, в том числе и в языковой политике. Сохраняя право каждого народа на изучение родного языка, принятый в 2012 г. Федеральный закон об образовании обязывает каждый субъект осуществлять преподавание и изучение государственного языка. Осознавая тщетность искусственного навязывания, повсеместного внедрения национального языка, авторы монографии считают перспективным иной способ популяризации родной культуры и истории. Это различные мероприятия в информационной и культурно-познавательной сферах, которые будут вызывать интерес у жителей республик к своему прошлому.

Ещё один раздел рассматривает вопросы, связанные с общеобразовательной школой, формированием любви к «малой Родине» и конструированием национальной идентичности. На фоне повышенного интереса общественности к содержанию школьных учебников истории, дискуссии вокруг концепции единого учебника в северокавказских субъектах также разгораются страсти по поводу «правильной» версии интерпретации прошлого. Сама по себе эта проблема не нова. В своё время большевики, которые видели в школе один из рычагов государственной политики, стремились широко внедрить в учебную программу элементы краеведения. Но по мере усиления универсалистских подходов увлечение местной историей проходило, внедрялись единые учебные планы, предусматривающие обязательный минимум знаний и навыков по учебным дисциплинам.

В довоенный период появляются первые научно-исследовательские учреждения, в которых приоритетными были направления, связанные с местной проблематикой. Они внесли серьёзный вклад в изучение фольклора, этнографии, истории народов Северного Кавказа. Однако ужесточение советского режима, произошедшее в 1930-х гг., привело к тому, что были репрессированы многие краеведы, признаны не соответствующими марксистско-ленинской идеологии выпущенные учебники, а само краеведение вытеснено из школьного образования. Ситуация усугубилась потерями, понесёнными в годы великой Отечественной войны, когда безвозвратно погибла часть собранных краеведческих материалов.

Процесс восстановления научно-исследовательских учреждений, начавшийся в 1950-е годы, происходил медленно, но в целом результативно. Издавались обобщающие труды по истории автономных областей и республик. Вернулось краеведение и в школу, оставаясь, впрочем, уделом педагогов-энтузиастов, которые по собственной инициативе преподавали

историю «малой Родины» на внеклассных занятиях, в различных краеведческих кружках. Бурный рост краеведения начался со второй половины 1980-х гг. Но вновь, как и в 1920-х гг., национально-региональный компонент не сумел преодолеть те многочисленные трудности, которые были связаны с недостатком подготовленных учителей, несогласованностью с предметами федерального компонента. На сегодняшний момент эта проблема так и не решена и, по мнению Т.П. Хлыниной и Е.Ф. Кринко, «создаёт возможности для дезинтеграции образовательного и культурного пространства России».

Особое внимание в разделе уделяется изучению региональных учебников, в задачу которых входит выполнение определённого социального заказа, а потому его авторы должны исходить не только из своих субъективных предпочтений, но и тех требований, которые диктуются запросами общества. В советское время учебники по региональной истории должны были показывать единство всех народов страны, их дружбу и ненасильственный характер формирования общего государственного пространства. Произошедшие изменения привели к появлению новых подходов в изложении национальной истории, которые, увы, имеют не меньше, а зачастую больше недостатков. На смену советскому интернационализму пришло увлечение этнической историей, противопоставление своего народа всем остальным. Всячески подчёркивается насильственный характер присоединения Северного Кавказа к России, ведётся борьба за «престижных» предков и т.п. Нередко в учебной литературе превалируют сюжеты, связанные с «историческими обидами», всячески формируется комплекс жертвы – и всё это в итоге должно привести к усилению ответной агрессии. По мнению исследователей, на смену одним мифам пришли другие, причём далеко не безобидные.

И здесь в числе наиболее резонансных выделяются исторические сюжеты, связанные с Кавказской войной, которой отводится значительная часть учебного времени. В них конфронтационное противостояние явно превалирует над сюжетами вполне мирного сосуществования русских и горцев. Фактически речь идёт об истории вражды, на примере которой пытаются сформировать мировоззрение нового поколения. В этой связи предложение Т.П. Хлыниной и Е.Ф. Кринко перестать использовать историю для дестабилизации ситуации в регионе выглядит скорее как благое пожелание и имеет абстрактно-теоретическое, нежели прикладное значение. Представляется, что само общество пока не готово к такому самоограничению.

Завершающая глава рассказывает о национально-культурных автономиях Ростовской области и несколько выделяется из общей концепции представленной монографии. Речь в ней идёт о евреях, армянах и украинцах, уже давно и успешно инкорпорировавшихся в русский социум, но при этом не потерявших собственные культурно-этнические особенности.

Авторы рассказывают о возрождении общественной жизни еврейского населения Таганрога, которое они относят к концу 1980-х гг., когда усилиями инициативной группы решено было изучать родной язык, историю и культуру. Исследователи отмечают, что еврейская идентичность основывается на религиозных воззрениях. Для её поддержания было создано общество «Лэхаим». Широкого размаха это движение не получило, т.к. значительная часть местных евреев выехала в Израиль. Связано это было, по словам одного из информаторов, с поиском материального благополучия. В целом возрождение этнического самосознания связывается не столько с внутренними потребностями, сколько с внешними обстоятельствами. Вся деятельность еврейской религиозной общины постепенно свелась к совместному времяпрепровождению и обсуждению текущих жизненных проблем.

Рассказывая об армянской общине на юге России, авторы характеризуют её как удачный пример адаптации этноса к принимающему сообществу. При этом подчёркивается, что этнос не утрачивает своей идентичности. Из разговоров с респондентами Т.П. Хлынина и Е.Ф. Кринко фиксируют любопытное наблюдение, согласно которому армяне, давно проживающие в русском окружении, начинают отличаться от своих соотечественников, прибывающих из других мест, в частности из Азербайджана, да и самой Армении. Для них историческая родина – это скорее некий символ, нежели реальность, и большинство из них считают себя российскими гражданами, нежели отдельной этнической группой. Имея экстерриториальную идентичность, они готовы с уважением относиться к другим народам и культурам.

Для украинской диаспоры Дона характерен высокий уровень языковой и культурной адаптации, интегрированность в местную социальную жизнь. Этническое самосознание не имеет ярко выраженного проявления, особенно среди молодёжи. Существующие общественные организации занимаются преимущественно культурно-образовательной деятельностью, налаживают связи с Украиной. Они пытаются поддерживать этническое самосознание, находящееся на невысоком уровне, впрочем, без больших успехов. Подводя итог этого раздела, исследователи делают вывод, что «ключевые слагаемые идеальной модели нациестроительства – широкое использование самоуправления и родного языка, формирование элиты и сохранение традиций – остаются практически невостребованными в диаспоральной среде».

В заключение своего труда, авторы приходят к выводу, что для Северного Кавказа характерна «горячая память», оказывающая огромное влияние на события настоящего. Всё ещё незавершившийся процесс нациестроительства сопровождается «мемориальными конфликтами». Впрочем, считают исследователи, они постепенно затухают и со временем будут терять свою актуальность. Тогда общество станет уделять больше внимания вызовам настоящего, а не пытаться жить обидами прошлого.

С авторами этой работы можно и нужно спорить. Но одно, несомненно, – этот труд найдёт своего читателя и станет заметной вехой в отечественном кавказоведении.

УДК 947

Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д., 2014. 434 с.

Юрий Юрьевич Клычников

Пятигорский государственный лингвистический университет, Российская Федерация
Доктор исторических наук, профессор

Аннотация. Статья посвящена рецензии на книгу известных исследователей истории Северного Кавказа Т.П. Хлыниной и Е.Ф. Кринко «История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе».

Ключевые слова: история; политика; нациестроительство; Северный Кавказ